

Еврейская Старина

2/2019

Евгений Беркович

Еврейская Старина. №2/2019

«Издательские решения»

Беркович Е. М.

Еврейская Старина. №2/2019 / Е. М. Беркович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510032-0

Альманах «Еврейская Старина» воссоздан в 2002 году. В настоящее время выходит ежеквартально. Содержит лучшие работы по еврейской истории, традиции, культуре, поступающие на портал «Заметки по еврейской истории». Девиз альманаха: «Старина — категория не времени, а качества. Все станет когда-нибудь стариной, если не умрет раньше».

ISBN 978-5-00-510032-0

© Беркович Е. М.
© Издательские решения

Содержание

Альманах	6
«Еврейская Старина»	7
№2 (101) 2019	8
Ганс Гюнтер Адлер	9
Стихи из концлагеря	9
Александр Ойзерман	39
О родословной С. М. Дубнова	39
Шмуэль-Аба Городецкий	60
К родословной Шимона Дубнова	60
Любовь Гиль	72
200-летняя история моих предков и породнившихся с ними семей	72
(Документы, письма, воспоминания родных)	73
Фельдман и Куперман	74
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Еврейская Старина

№2/2019

Редактор Евгений Михайлович Беркович

ISBN 978-5-0051-0032-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-8613-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Альманах

«Еврейская Старина»

№2 (101) 2019

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник
Дорота Белас

Еврейская Старина
Ганновер 2019

*«Старина — категория не времени, а качества: всё когда-нибудь
станет стариной, если не умрет раньше»*

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Еврейская Старина
Ганновер 2019

Ганс Гюнтер Адлер

Стихи из концлагеря

Переложение – Виктор Каган
(продолжение. Начало в № [4/2018](#) и сл.)
Из цикла «терезинские зарисовки»

1942

пленный

щербатый рот разрухи
зияющими зарубками
сводящего с ума насилия
стирает жизнь в порошок
сердце хочет свободным странником
унестись за ветром
но душа зажата
в когтях развалин
жалкая
она ютится
во власти преступников
выстрадывая день за днём
коченея от холода
отчаянно плутуя
и не давая радости
согреть её
она замирает
потерянной бродяжкой
в грязи безумных гримас и подозрений
под деловитое перешёпывание
грёз и рока
растлевающих её
в убийственно неисцелимой битве

барак №7

воздух
сочится раненым светом
и прилипает к стенам
в вялой блёклости давящего чада
корчатся брошенные на солому тела
под изнурительность перебранок
над мутью булькающего варева немощных жалоб
колдует отвращение
надтреснутый хрип двери
мы гнёмся под тяжкой ношей пожиток
и всего что на душе
расталкивая
сдавленные крики

появляется упитанный господин
кривая печная труба
деловито прокладывает ему
дорогу сквозь месиво тел
лица и жесты
размываются неуверенностью
робкий шёпот воздетых рук
бельё из-под завязок сочится на пол
оппадающими знамёнами
в пёстрый горошек
удар
кружащего в духоте запрета
молитвы роятся вокруг свечей
тупой нож
вгрызается в чёрствый хлеб
король червей кроет
игроки хохмят
под запоздалое хлопанье усталых башмаков
и грохот упавшей ложки
слова сбиваются в блёклый ком сна
барак боязливо валится
в ледяной бессильный покой
клетушки
в набитых кишках стен
ворочается месиво едва прикрытых тел
шатаются в чаду живые мощи
отвислые губы на потерявших себя лицах
бесплотная плоть
доски животов
чад набрякает потом
гложащей грызущей отёчной кучи
дрожащее забытьё
выхаркивающего боль кряхтенья
опухшие жруны жадно глотают
сухие хлебные корки
и тупо пялятся в сумерки
между столбов
растерянно ползает пыль
раны сочатся кровью шелушатся
в плесневеющей перхоти
спотыкаясь волокутся часы
скрюченные горем руки
роют пустоту
давящий кошмар хриплых голосов
сползающий со смолёных нар
где ворочаются в лохмотьях
измученные тела
твоих товарищей по несчастью
придушенные стоны едва теплятся

зовом мольбы в пустыне
кандальники
толпа одиноких
жалких
нищих
изморожденных борьбой душ
возвращается домой
в стылую натугу ночи
где в тайных ловушках
гибнут ростки надежды
не оставляя шансов
этой земной слизи
в её беспредельном позоре
и оплёванной Божьей воле
в прокисшем распаде
правит бал непотребство
зачатое яростно раздирающим
собственную плоть
буйным в своей слепоте
безумным миром
который расплавляется
жалкостью иллюзий
прорастает терновыми колючками зависти
мажущей дёгтем подозрений всё чистое
душащей бессмысленным огнём
и бешеными удавками своеволия
росток и зерно
распад и разрушение стирают в пыль
судьбы втиснутых в вагон
приговорённых к смерти
лишённых свободного света небес
солнечной короны в зените дня
они жертвуют собой
отрекаясь от Бога
который не делит с ними эту пытку
и позволяет этой свихнувшейся ораве
кануть в смертельных одеждах

вопросы

1942—1943

новый год 1943

о Светозарный
мы скитаемся в твоей тени
где утекающая сквозь пальцы цель
погружает в грёзы
путая свой след
где дурманивший свет
крошится в осколки
запирая нас в темнице мозга
пока не опустится

безлюбая и постылая тьма
восстань пред нами
в победном шествии света
над убожеством
нашей роскоши
давимые путами
влачим мы из-под палки наш труд
в страхе и нищей корысти
ты можешь это видеть
но едва ли поймёшь
ибо тебя дурачат
напоминания об иллюзиях
с которыми ты распростился
ничто доброе здесь больше не живёт
не может жить
оно кануло в мертвящую бездну
куда мы влачимся
безвестными жертвами
тебе
не снисхождения
не благословляющего дыхания
мы ждём от Тебя
в горестной тревоге
но раскрытой ладони и пути
смотри
так стоим
так висим мы
на волоске судьбы
заброшенные дети твоего сияния
сгорая в огне озноба
и дышим бедной памятью
в песчаном тумане
твоего
последнего рассеяния
покойнику
что тебя мучает
что ещё заботит
ты предан земле по кусочкам
со всеми твоими желаниями
ты не знаешь об этом
и не встретишь утро
стынут останки
застывшего сердца
взгляд стекленеет на разделочном столе
нож терзает палёную плоть
срам трепещет от страха
прячется в мошонку
отрава пищи пристыла к небу
долото в набитой руке

долбит кости
врач заканчивает
доказательства налицо
и он выносит приговор
твоим останкам
принесенный в жертву
вспоротый
ты лежишь
неузнаваем в своих муках
ты завершил земной путь
но не отстрадал
тень минувшей судьбы
отражается в тебе
что ты знаешь
терпеть ли тебе вечно
к чему могила
если земля пухом
твои долги
понесёт потомок
твой застывший образ
окаменеет на его лице
забвение на задах покойницкой
забвение в куче хлама
вырванные у скорби взгляд или фраза
на корточках сидит суета в платье праха
стыдливо падает на колени
давясь пылью
гнилая зависть в скупом мерцающем свете
захлёбывается уродливой песней
вытряхивая в одну кучу
пожитки ушедшего страдальца
фаянс
хлеб
шёлк
забвение
с ползающими в нём тенями
от пугающих факелов
с хрустом разбегаются крысы
на крепостном валу
утешением над жалкой могилой
полощутся флаги
раскопанный склон желтеет одуванчиками
мямлящее изнеможение тянется из могилы
помянуто и забыто
отлетают предчувствия
море огней грезит
о сказочных путях
забвение
прильнувший к земле платок

горе прячась от самого себя
кричит от голода
над полной извести и трупов бездной
за ним шут верхом на хромо́й кобыле
втаптывающей копытами мёртвых в прах
последняя судорога
последний едва слышный спор
немое время вот-вот утечёт в песок
забвение улетит с ветром
оставив лишь знак

бегство покоя

покой бежит
мир в угнетённом мире
не находит ни времени ни места
радость пускается в побег
отдых отравлен
разгул в лесу
дубовые стволы расщеплены
и валяются под топором палача
в страхе разбегаются куницы
покой бежит
ах всё бежит что тихо тянется
жирный дым стелется над лугами
зачем жестокая песнь воина
грохочет в летнем саду где цвели розы
буря бушует
в сухой крапиве
ручей кипит
разливается озером
покой бежит
поле брани в гнилом поту
ржавеют мечи и орала
крик летящей ласточки
вспарывает куст-калеку
старая мельница трещит
в сгустках коптящего дыма
буйство одичавших трав и колосьев
торчащая в пустоте яблоня
покой бежит
из мира угнетенья
и друг и враг обречены
радость уходит в побег
безутешно плачет поле пепла
на голой земле
обезображенной
грабежом
огнём
убийством
только вспугнутые страхом

робкие жалобы
замирают в ночи
на краю пропасти
одряхлевшее отрешённое существо
не нужное больше никакой родине
ты боязливо осматриваешься
не решаясь преданно избрать смиренный путь
в давно удушенное время
путь на котором ты был ещё чист и праведен
как теперь
тебе обессиленному
исцелиться
полно
что могут тебе запретить
эти с пеной на губах
стой
призови своё мужество
прекрати
ты приносишь себя в жертву истязателям
так умири это
харкающее из бездны безумие
так осмелся
и распрямись
чего ты хочешь
тени крадутся сквозь часы
корчится в полуобмороке
страдание Творца
претерпевая
когда-то счастливую игру работы
а теперь
в горькой мути одиночества
ты сплошная болящая рана
ты уже покойник
способен ли ты ещё
восстать с одра несчастья
парад катафалков
дребезжащие катафалки
качаясь тащатся сквозь город
сквозь пыльные толпы
сухой осенней листвы
холодно и тупо
пялятся безобразные бабы
усталые и потерянные
люди-лошади тянутся
сквозь мёртвый город
спотыкаясь на ухабах
кряхтя скрипя
ковыляют повозки
битком набитые

сваленным в кучу
измятым в безумной узде
хламом трясущихся скалящихся тел
тянем переулками
плесневелый червивый хлеб
за нами
за вереницей мертвецов
голодные
сквозь ночь
тянутся
в своём проклятом полёте
вороны

молчание

это ослепшее от страха существо
назвать которое человеком можно только солгав
слепо выползшее из безвестности на свет дня
потрясённо смотрит
на убогий и богатый мир
и в своей нужде не прочь
силой присвоить чужое
и чудо из чудес
как оно шурша шёпотом копошится
прилежно громоздя убогие богатства
как прекрасно они сияют
пока всё не запаршивеет не усохнет
и в смертельной усталости не рассеется
как дым
прежде чем выросли холмы пепла
сверкнул взгляд
но кто отважится читать в этом взгляде
лишь верящий в счастливый побег глупец
который вернёт его в сознание
удастся ли это хоть однажды снова
что это за нечто или ничто
вот вопрос
но всё молчит

между времён

заглядывая в себя
возвращаясь к основам и истокам
вглядываясь в дали прежнего
похоронившие в себе
беззаботно дремавшие радости былого
подчиняясь указующему персту
ныряя в текущие издревле потоки
ясно осознаю
что я мечтатель
знаки настоящего неразличимы
разглядишь ли
что превращает манию и позыв

в желание и стремление
мысль бурлит и вдруг унимается
тишина вливается в громкую песню
поступь вечности непостижима
и сегодня
хранит черты моего преданья
взгляд стремится
сквозь даль ночную добрести
до сияющего замка
чтобы в будущем
отважно перебросить мост через пропасть дней
на золотых цепях
пылающих дрожа
как пальцы ухватившись за грядущий день
так и живу в ученьи постигать
что мечты своим расцветом
обязаны росткам
преданность
ничтожность прощаний
мелочи
пустые слова
одна голова
две руки
одинокое опускаются
в Его чертог
приходим в мир
претерпеть убийство себя
в страхе прислушиваемся
к голосу своего бытия
на исходе сил
сносим судьбу
и надеемся на клад
который никогда не найдём
только прощание и отречение
съёженное Я
слепое слово
одна голова
две руки
набожно сложенные
в Его чертоге
и так день и ночь
день и ночь
не спрашивая ни о чём
и лишь немое падение
доверчиво ныряет
в свет
Божьей обители
маяк
доходяги

с застывшими на лицах вопросами
карабкаются вперёд и вверх
что-то бормочут глядя вдаль
мучимые жаждой
они пили бы взгляд и слово
лишённые дома
где и стены помогают
они не в силах разглядеть в себе
силу и гордость
каждый бежит от себя
и должен волочься один
тучи
опускаются туманным дымом
печаль
о былых иллюзиях
усталых привычках
глупых восторгах
течёт по щекам
мутными слезами
вопросы на лицах
разбиваются о скалы
разлетаются осколками
руины рушатся
одиноким свет того
кто держится
не сгорая в пламени
перед вечностью
что все вещи этого мира
что дела и заботы
к чему эти сжигающие страсти
на пустом месте
кто захочет выдувать
радужные мыльные пузыри будущего
что такое мы сотворили
если на крохи радости
приходятся горы страданий
и мы просыпаемся
лишь став покойниками
все меры врут
и знать не дано
что за муть мы выбираем
если бы почувствовать жизнь вне нас
не только в пожирающей нас опасности
увидеть того
кто поведёт нас к нашему стаду
на прекрасную родину
к материнскому духу
который расправит крылья наших мечтаний
и даст прикоснуться к вечности

чтобы она
прорастая в нас
могла возрадоваться своему богатству
она закружит нас
разрушит запруды гордыни
взойдёт в нас
растворяющим в себе равенством
раньше чем смерть склонится над нами
молитвенно раскроет нам
все шёпоты этого мира
и укутает в ласку сна
время умирает
время умирает
в живительной ночной прохладе
оппадают усталые крылья
завещая роскошь наследникам
сердце хочет покоя
измученные пальцы
копошатся в изъеденных зарубках ран
гаснут взгляды
глухие звуки тонут
в бреду ночного кошмара
только жалобные песни
над безнадёжно выцветающими
морем и землёй
похоронные песни
обрушиваются потоком
и дребезжа в рухнувшем пространстве
разлетаются в прекрасные осколки
шатаясь и дрожа
цветы идут на смерть тропой узкой
гроза сверкает
льёт как из ведра
грохочут капли по листве усталой
растрёпана невеста-осень
покорно зреет урожай для жатвы
впадая в гниль болота
горчит вода ручья
странствует и умирает
время всех живых существ
в надежде возродиться
и становясь добычей лёгкой смерти
лишь только станут семена плодами
зима метёт метлой окоченелой
и время
умирает
ужас тысяч
пронзающий неодолимый ужас тысяч
я перед ним беспомощен и наг

слепые руки слабы
опоры нет
далёкий свет мерцает одинок
страданье правит бал
оно нагая нерешительность
склонённая перед дыханьем тьмы
отдавшаяся воле ранней ночи
детей рыдания в судороге страха
заваливает снегом
пути не видно в наважденьи выюги
чертополох тщеты бесплодных целей
порочностью и дряблостью своей
питающих убогие надежды
земля лишённая благословенья
не находя ни друга ни врага
в нужде рождает
согбенную мучительность грехов
лишь от себя отрёкшись
почует бездна робко соль заката
ни мира ни спасения
окоченевший вал потока мяса
стоном подпевает
земле в косноязычии отчаянья
всё это нам зачтётся
когда чтоб рассказать о страхе тысяч
восстанет хаос
из безумной бездны
свидетелем перед судом последним
и может быть тогда
мир озарит свечение тех тайн
что мы затеплили
в мучительном безумьи
ясный огонь
ясный огонь любви
взывающий крик несчастья
с каким наслаждением
оно разлетелось бы в клочья
выстаренный знанием я это не я
так взываю я к вам
сотворившим меня
желал ли я вас
как я хочу всегда
быть без вас
бежать от вас
обходиться без вас
я нисхожу туда
где ничему не ведом
хочу быть ещё раз
улыбаться себе самому

и пробуждаясь
делать короче
тихо горящий день
в котором мысли разгораются сами
я хочу лишь наблюдать
а не раздувать огонь
менять маски
да
и холодно стать
свидетелем безумных разборок
молчаливым гостем
только бы больше не думать
и не сносить повинность терпеть
то что сводит меня с ума
присутствовать
но не заправлять игрой
кто-то удивится
как это знать но не управлять
ясный огонь любви
моё одиночество
пронизано сиянием зрелости
владею ли я хоть частицей этого дара
у меня нет ничего и есть всё
и весь я воля
кто-то ищет её как клад
у меня же нет больше сил искать
мольба о помощи
раздрай вселенский память лихорадит
лишает чувств мечты и сны мои
натянуты поводья но не правлю
сражаясь должен чистить поле битвы
унизить жаждут похищая честь
Тебя зову в свидетели тому
что никаким преградам
не помешать упорству погруженья
и кто захочет помешать моей молитве
растерянная ненависть бедняг
сварливо суетится и глумится
над тем что я люблю так страстно
мой жалкий скарб их мог бы успокоить
но унижение и злость им застыт разум
они в метаньях стонут
им ругань похотливо помогает
терпеть насмешки
в желании привыкнуть
к бурлящей похоти своей
и тьме глухой инстинктов
я поплыву против течения гнева
я сердце сделаю огнеупорным

и может быть сумею совладать
с тем пламенем что встречу на пути
на что рождением был благословлён
моей рукою водишь Ты
она штурвал в аду ревущего потока
в сверканьи звездопада
и в пламени любви
Твой вечно преданный Тебе слуга
страдаю я противясь угасанью
к земле
нет мне среди людей защиты
нет брата в доверии
чужак хозяйничает в голых переулках
я с голыми руками один перед врагом
в бессвязность ненависти
скатывается жизнь
когда бы мог я путь свой направлять
память добрых дней
вспять обратилась бы к немой легенде
но приговор судьбы
к озлобленным ударам
хоронит все надежды
в коловращении безумия и грёз
страхи преследуют свои слепые тени
и всё моё чем к миру обращён
мои дела мой лик мои стремленья
всё растворяется
в абсурде приговора
терзает страх конечности полёта
начала и концы
смешались в давке тесноты
что за дух ворвался в душу
вершить за мной смертельную охоту
с какой сражаюсь бурей
последняя предсмертья нищета
и страх на пересохших створках рта
ещё пытаются на что-то посягать
но скоро отрекутся
воля вот-вот наложит руки на себя
кто в этот час меня обережёт
от тех кто в тёмном заговоре с ночью
причина с целью рвут меня на части
и противоположности бранятся
достанет ли мне сил на всё
иль должен я смириться с униженьем
я тварь дрожащая или имею право
начертано ли чуду поражение
иль мудрости достанется победа
мечты и помыслы мои

вы одичали словно
колючки тёрна меж песком и камнем
и если не ослабите сомнений
противиться не стану и скажу
прими меня земля
твоим я буду

чужак

он жалуется на то чему другие радуются
чувствует себя чужим
и у соседей и в доме брата
чурается очага и стола
отвергнутый ковыляет прочь
ближний улыбается как незнакомец
когда он просит назваться
и потому он изгнанником бежит с порога
немо прошевелив губами
прощайте
никому до него нет дела
ему негде приклонить голову
раскрепощающее других закрепощает его
его холодно терпят как чужого
мрачный
снедаемый страхом и стыдом
он прозябает в своей клетушке
вечерами безвылазно торчит в одиночестве
изводя себя глухой тоской
о чём он на свете хлопочет
докапывающийся до причин своей жалкости
отвергнутый
изуродованный оторванностью от родины
понапрасну взывает он к брату и соседу

робкие мысли

о эти тревоги
эти потаённые локоны
свитые из тоски и сопротивления
будь осторожен
холодно и бездушно
ночь плетёт злые сети
в мишуре страдающих сердец
гримасы молящих жестов
жалкие ошмётки
перепадают от судьбы скитальцу
с застывшим взглядом ворочающему глыбы труда
в чёрных обжигающих хлопьях
представляемых им
пожаров всех мыслимых и немыслимых страданий
о эти тревоги
в танце с ветром кружатся в снах
тени родного дома

в шёпоте дуновений
забывают о своей доброте утренние облака
их бурный натиск заслоняет свет дня
в котором были честь и утешение
теперь пустыня
давно не слышно заздравных песен
холодом зависти подпоясаны
насмешки желаний
серая сырая пелена тумана
затягивает горестную память
о эти тревоги
сплетенье открытых дорог
выбирай любую
все кажется сулят свободу
любое бегство мнится благом
но к бегству нет охоты
нет смелости покинуть
загон уже привычных чувств
давно как будто позади труды и хлопоты
застенок не сломал ещё хребет
в лесу теряются волненья птичьих трелей
о эти тревоги
но напрасно
в своих желаньях неуклонных
ты застываешь соляным столбом
и мёртвой хваткой держат кандалы
запутавшись в себе
темно прозренье света
на дне души желания теснятся
боясь себя самих
зов обновлённой родины
где были попорчены законы
где прозвучит свободно первослово
пребудет так и впредь
утихла ли тревога
в страхе этой жизни
в потаённом страхе этой жизни
душа свидетеля призыванием пылала
к привычному когда-то ремеслу
ах преждевременно лишь то
что в размышленьи косится с опаской
и расцветёт ли запоздало день
когда склонятся тени ввечеру
страданья
тяжело и глухо бродят в сердце
и порождают
новые страданья
в этом хаосе страданий
Единородный

что над нами
довёл до совершенства
свои несовершенные творенья
и в новый мир сумбур преобразил
лик его должно быть отлит из бронзы
руки закалены огнём
и дух очистивший себя в лишениях
силён
облагороженный в потерях
с терпением не знающим границ
он превращает
действительность в мечтание
и грезит
о переломе истинном времён
что так ещё далёк
ещё не высыхают кровь и слёзы
рождённые страданием и страхом
ещё нет святыни
чтоб каждый жаждущий был осенён любовью
лишь тёмные стада пасутся робко
в прохладе трав
и изувеченные грёзы
блуждают в дебрях по дороге к смерти
живёт надеждой мыслящий тростник
но шторм ревёт
спеша ростку на гибель
в пустыне трепета разлёгшись похотливо
дракон над миром простирает лапы
дымятся грозы
в вершинах вязов испускают последний дух
надежд вчерашних призрачные тени
не надо
хватит
раздувая ноздри
проносится чудовище дрожа
и шмякается замертво
и шёпот
решается порвать оковы страха
и благодарность выдохнуть свободно
уляжется неумолимый голод
минует даже неминуемый ужас
как только высота вздохнёт свободно
и снова обретёт
несметные сокровища глубин
когда иссякнет умиротворённо
страх жизни
и она
последовав законам предков
в союз с восходом и закатом вступит

и в чистом слове явится святыня
всякой сущей
душе
разговор с собой
– грубо вваливается ночь
снова тяжкая ночь
страх далёкого ближнего окатывает холодом
мерцают холодной рябью страхи чужих братьев
я не находит себя во мне
оно далеко и безлико
оно пронзительная молитва мрачного мыслителя
на грани жизни и смерти
рванный покров неба бессильно повис в море тумана
куда ни глянь бушует мечется ковыляет ночное зверьё
блёклая мишура крошится в ледяную рябь
позволено ли мне хотя бы сегодня быть человеком
позволено ли мне найти себя
почувствовать и наполнить сердце моё
могу ли я обмануться и заставить исчезнуть
растрavляющий блеск минувшего прошлого
или я должен умереть теперь же
как страшно смерть глотать в потоках горьких
и в объятьях смертной хватки власть обрести
чтоб выбрать между блеском и тенью
скрывающей меня личины
– что ты пугаешь меня
что ты вгрызаешься в нутро и мучаешь меня
и за порогом смерти я тебе не подчинюсь
прочь руки от меня и помышленья
тленью не позволю коснуться уст моих
ведь у тебя есть время
так много времени
пусть эта мерзость
крадучись
ползком
тобой овладевает
рвётся из тебя на волю
ты должен
ты обязан
взять верх над нею
оставь меня в конце концов в покое
– да как могу тебя я мог напугать
ты настигающее меня
с тех пор как дух во мне зародился
парашливое бузумие старше сердца
я плетусь сквозь немощь
бреду шатаясь сквозь смятение
я их не звал
мальчишкой выбрал я чистоту

но получил в подарок зелье мира
что стало ядом без моей вины
кто перепутал всё и вверх меня
в лишений омут
кто как не ты отнял желанья у души
нет я не жалуясь
я никогда тебя не звал убийцей
но не ты ль меня тысячекратно убивал
убил всё нежное
всё мягкое во мне ты истолок в пустыню равнодушья
оставь меня
какая бы нужда и мука ни настигла
тебя я никогда не призову
– может быть
но рот твой не взывал и так ко мне
ты слушать не хотел меня
однако с жаром в меня вцепился и не отпускаешь
ты раскопал незрячее страданье в чердачном хламе
ты виноват
да ты
поскольку это ты живёшь
и тобою движут твои неуправляемые чувства
ты голоден и хочешь жить
ты ненасытный алчно жаждешь жизни
ты можешь ли утишиться
способен ли без лишних слов найти свой добрый путь
неужто мой проклятый дух
уже одним твоим прикосновеньем прókлят
и доколе ему встречаться вновь и вновь с тобой
ты кто от меня вовеки не отстанет
кто вновь и вновь зовёт меня к себе и мне на горе
хочешь ли ты в самом деле чтобы я ушёл
кто виноват я этого не знаю
я знаю только то
что знаю по слезам в их немоте
что ранен
что горячий ком стесняет мне дыхание
что судьба моя захла
я знаю только то
что я ничтожен в постылом одиночестве своём
я знаю только
что не поздно в этом мире
и после смерти жить ещё учиться
это знаю я и многое я знаю
в глубине души я возвращаюсь в себя
морщинами изрыт
я погружаюсь в тайну
и зверь мой отступает от меня
и уступает сновидца сну

статуя святого

не помнящий себя
ископаемый старик не от мира сего
когда-то Творец дал ему образ и голос
чтобы возвестить о могуществе духа
и он говорил
говорил
говорил
он знал прошлое и будущее
он питал своими речами паству
и все были счастливы
он раздарил всё что у него было
и умер с протянутой рукой
и толпа потомков
не умевших жить как он
молча склонились за благословением
к руке мертвеца

новый год 1944-й

хватило бы с нас и того что мы пережили
год миновал и
о счастье
мы живы
павшие духом
в немом ожидании
в вихре сомнений
влипшие спинами в тухлом застенке
в камни неосуществимых желаний
вздыблена скатерть долины горами
прочь по кривой устремляются стрелы
в дебрях теряясь
летя мимо цели
знать бы куда
только знать не дано нам
всё нам досталось сполна
к чему мы смиренно стремились
в жажде свободы
от страхов нужды и кошмара
но мы слёпы и нёмы
в стае назначенных в жертву придурков
ночь до рассвета с покорным жужжаньем
шьём полосатые робы несчастья
из серых обрезков тягучих часов
року покорны
слёзы в песок
будущих бед
новогодний вальсок
времена года
1942—1943
времена года

мир удивлённо восстаёт ко дню
в томительном порыве изобилья
и по воле годового круга
цветёт
в восторге пёстрой полноты
в чернёных ночью
цепких пальцах веток
деревья шелестя
протягивают небу
букеты пышных крон
сквозь шёпоты
встающего рассвета
кустарнику долинному приволье
торжественно постреливать ростками
в серебряном убранстве у ручья
плакучих ив
покорная склонённость
ещё не знает
тёплый летний вечер
о зимнем ветре
леденящей стуже
о том что скоро
конец пути
и склеп осенний бесстрастно погребёт
в себе всего живого
выцветшие клочья

пейзаж

пьяная своей мощью весна
обрушивается
на кровавые сгустки страданья
буйство капли
окропляет теснину
дыхание мая
рвётся к острову боли
блуждающий безумный взгляд с вышки
устремляется
к каменным стражам гор
исполненные предчувствий почки судьбы
раскрываются
и прорастают сквозь гробовой прах
предчувствие
отчаянно прокладывает путь
по волнам разноцветного ветра
неслышно закипает
кровь зимнего мира
и прорывает кору деревьев
ледяные объятия земли
разжимаются
она радостно расслабляется

зацветает проталинами
и утро в желании солнца и тепла
разгорается очищающим пожаром
в весну
облаком
перелётной птицей
как бы я хотел улететь отсюда
земля пылает цветением утра
будь я далеко отсюда
улети я
в благословенно сияющую
в свете молодой берёзки
страну
я не был бы здесь
надежда взывала к нам
опьянённым ею
держите меня в нужде
оставьте меня в покое здесь
ах здесь
чтобы охранил меня
Господь
чтобы Господь
охранил меня здесь
от любой нужды
и мои
слишком рано
загоревшиеся надежды
в свете молодой берёзки
будь я не здесь
перелётной птицей
улетел бы я
в страну
пылающую в груди
и влекущую меня далеко отсюда
земля в утреннем цветении
восстаёт ото сна
влечёт к себе
воспламеняет душу желанием
оказаться далеко отсюда
утреннее настроение
падают завесы ночного тумана
правившие бал призраки безумия
завершили свои дразги
и с шелестом рассыпаются на свету
спасается бегством серая стая нетопырей
в потоках тепла пряят отсветы красок
сбросив покров ночи
не таясь
раскинулись поля

день освящён новой надеждой
её лёгкое дыхание витает мягким утешением
в этом выношенном в страдании
времени
малая работа дня завершится
когда утро осмелится войти в тень
когда свежие ветры ворвутся в туман
и растает луговой хрусталь на склонах
когда воспоминания воспарят над землёй
под взором первых лучей
когда взгляды на крыльях век
взлетят над пропастью
и из распада
поднимется благословенье
кукушка пророчит
стопа осязает тропинки
рука перебирает ветви и цветы
лесное озеро манит прохладой
далеко впереди встаёт разбуженная земля
дорога всё прямей и свободней
то чем полнится сердце
становится залогом
одинокости и милости родины
вовсю разгорается
величественное сияние дня
мир во сне цветенья
парящее поверх границ
сияющее разноцветье
робко сплетающееся в застенчивость венков
ветерок играет сверканьем росы
надежда сияет в глазах
утро больше не в силах
таиться в прохладе мха
бьёт ключом
дерзновенно разгорается
омывает
пробудившиеся из тьмы
образы света
над полем кисей светлячки
как маленькие молнии
сверкают
растроганные созерцаньем звёзды
паря в предветрии
благоговейно верят солнцу
восторг цветенья
разгоняет тени
на чашечках цветов
с пылью тычинок в пестиках раскрытых
светло паренье мысли

и мир
сияет счастьем
летнее путешествие
густой аромат лета
прохладная тишина леса
нога ощупывает тень
тёплая налитая черника
заманивает в свою сладость
птичья трель
пролетает сквозь тень
густая тишина
аромата летнего леса
жирный пятнистый жук
копошится во мху
куда-то спеша
солнце падает в тень
чужая но такая привычная
родина
из-под зелёного свода над головой
ни звука
чтобы не спугнуть встающие в желаниях
за ближней деревней
счастье
дом
щедрый сад
о это тайное знание
душа бережно пьёт лес
она дома
в осторожно вдыхаемом
аромате леса
где в полуденной тени
тайно от мира
родина
дом
летний полдень
теперь устал я
блаженный покой усталости
синева тепла
пронизывает сладость
лета
вынашивающего хлеб
овевающего лицо
милым сердцу южным ветром
родина
налитые плоды
что ж я скорблю здесь
дело во мне
не во вспаханном поле
не в аромате чистоты

не в сочном шуме
не в песне жаворонка
во мне
я вверил себя судьбе
доверился судьбе
и устал
нет больше сил слышать
этот звучащий отовсюду
блестящий инструмент
бросок
удар
копание в земле
рубка
повозки
как я хочу затеряться
в чаще
во мху
эту разбитую скорбную колею
я развернул бы
к соснам на горном склоне
ворвавшийся в мир полдень
зовёт меня к себе
и плавится тоска
и почти не осталось желаний
теперь устал я
с улыбкой отправляю в горы
мою тоску по детству
полевые цветы и жуки
пьют мои взгляды
неслышно окликая меня
мирно внимает округа
орут солдаты
война
как далеко разносится над летом
набат судьбы
над миром раздаётся
нетленное слово Его
и смолкает
я засыпая киваю
Его сиянию
в родной обители
после полудня в разгар лета
лето замирает
в удушливом зное
спит под наркозом скала
над пылающим берегом
манит разморённая жарой река
покрытого солнечной пылью
путника на привале

облачный пирог
закипает на западе
и молча цепляется когтями за небо
в бликах на воде угасает ветер
беззвучно дуновение на горном склоне
тёмным пламенем мерцает дубрава
возвращение домой
чуждый мир
зло и потерянно пьются осень
и взгляды её пятятся прочь
рождённый ночью
иней вжимает ещё тёплую участь
в потоки бледного тумана
ломкий треск голых ветвей
густо
и тяжело
перед глазами плывут в дымке белёвые вековые леса
немо дрожат в страхе горы
тонкие
строчки дорог
вьются вдоль тополей
чуть слышно
горюет усталая песня
улетает в неизвестность
не подслушанная ни душой
или подслушанная но заблудившаяся
и непонятая
растаяла у горизонта
сердце одиноко в грёзах
но вот оно
очнувшись поменяло
ночь чёрную на свет чертогов дня
в сияющем его великолепье
и сразу
спаслось от страдания
освобождённое
от непокорного неясного страха
к которому оно прибито
и утопает в море жалоб
так собирайся теперь в путь
в мир благоденствия
он кажется чуждым
но обещает доброе чудо
решения последних вопросов
здесь а не в вечности
осенние страхи
стареет день
и тянутся свинцово и грозно
прочь вереницы туч

река сереет
птицы тянутся на юг
и зеленеют листья дуба
но
в тусклом золоте уже листва другая
в предсмертном забытии грустит о лете
и падает под лёгким дуновеньем
чтобы набросить на траву прохладу
там где гора встречается с долиной
стоит надёжно стиснута стенами
и заколдована проклятьем крепость
набитые в неё как сельди в бочку
вымаливают за грехи прощенье
по горло сытые гниением распада
грешники
у них на языке
смердящее предошущее смерти
они принуждены прилежно смаковать его
но верят
что горький хлеб достойный попрошаек
стал бы счастливым лакомством для них
трещат сухие ветви на ветру
чахлая трава крошится прахом
дикое вино густеет жаркой ржавчиной
вслед лету грустно смотрят георгины
распаханное поле мёрзнет блёкло
по следу плуга
день бредёт устало
и чёрным пологом
над ним восходит ночь
поздняя осень
осень остывшая спит и остыла
хватка усталой руки
стынет тепло постаревших цветов
между сухих лепестков
осени сон
листопада распад
блёклая стынет горя земля
в лёд застывает жалобный плач
и заполняет колокола
медное мясо их до костей
стынет напрягшись перед трудом
резкий ветер кроит
маем задуманный пряный туман
блеск остывает бледнеет
вот-вот
ветви подломит тяжесть плодов
трудное осеннее путешествие
уныло скрестив на груди руки

утро выманивает склон и холм из туманной дымки
пересмеиваясь с небосводом и крылом
поле одиноко греется на пылающем солнце
земля просторна и узде лесов
её не удержать
восходит солнце
в страстной лихорадке
и его пожаром
охватывает выставший хомут
попутчики нетерпеливо ждут
но уж не страшно
испытано что было неизбежно
и поздние цветы
уж высохли и одеревенели
повозки волокутся неуклюже
волы отяжелевшие с годами
их осторожно тянут по дороге

начало зимы

всё ниже года свод
свинцовый сон повис густым туманом
опавшая листва неспешно истлевает
прихваченная инеем
звон осыпи стеклянной на прудах так жуток
заболочены поля
пронзительно крича кружит над ними
стая коршунов голодных
иссохшими костями
на морозе
под ветром шаркают раскачиваясь ветви
в голодном иступленьи
день стонет в жажде солнечного мига
но поток тумана
пронизывает каждую минуту
тучи встают стеной
вороньи клювы разрывают пашню
выхватывая редкое зерно
бредут шатаясь одиноко тени
вслед празднику растаявшему лета
прежде чем ранние ночи
сваляются в ком
можно ль увидеть
какие в нём бездны таятся
чёрные краски догадок
страхом въедаются в душу
вслушаться хочешь
но слух изнурённый
в дикости дней повисает
цепляясь за память
звуки глухие темны

и не видно ни зги
первого снега платок
скоро согреет озябшую робкую зиму

снегопад

тихо сыплет зимний свет
праздником игристым
укрывая ширь лугов
нежным покрывалом
ветерком сметает снег
с окон и откосов
ветки весело хрустят
из-под снежных шапок
хлопья снежные кружат
белыми жучками
стерегут наивность снов
ярких словно в детстве

зимний вечер

мрачно кричит ворона
пялясь на блёклый блеск
окоченев от гнева
гнутся тяжестью ветви
грязные пятна проталин
на спящих под снегом лугах
осыпанные инеем роща и терновник
мелко вздрагивают во сне
серые откосы топорщатся колючками
крошится каменная кладка
органные ветры дуют
в раны души и тела
вечер скачет верхом
пришпоривая время
стылая небесная кипень
по одному роняет облака
к валам белых снопов
сани звенят бубенцами
полозья уныло рисуют следы
туман
рвётся к земным пределам
баюкает заупокойность шагов
в грозном окружении
блуждающих теней
деревня тонет в ночи
надрываются лаем собаки
ледяными рубцами
схватывает следы
сумасшедшей скачки

пора

вперёд и только вперёд
тянитесь как птицы на юг

рано ещё отдыхать
должно делать лишь то
что остаётся делать
здесь
где целая вечность
до того что мы потеряли
но время ещё настанет
в преодолении найти дорогу
пробиться сквозь лёд и пламя
вернуть дому отнятое у него
время настанет
добыть у вселенной
её сокровища.

(окончание следует)

Александр Ойзерман

О родословной С. М. Дубнова

Предлагаемая работа — попытка заново исследовать родословную великого историка еврейского народа, мыслителя и политического деятеля Семена Марковича (Шимона Мееровича) Дубнова (1860—1941).

Обратиться к ней побуждает появление ряда весьма информативных статей по раввинской генеалогии, позволяющих на их основе пополнить родословную С. М. Дубнова, что не предпринималось со времени публикации в 1937 году статьи Ш.—А. Городецкого «К родословной Шимона Дубнова» [15]¹.

С. М. Дубнов — прямой потомок выдающихся раввинов, знаменитых талмудистов и кабалистов, руководителей еврейских общин. Родство с ними существенно упрощает поиск, предоставляя в распоряжение исследователей немалый список книг по раввинской генеалогии. Приходится, однако, признать, что в работах, в том числе ставших классикой, информация о предках Дубновых весьма противоречива. Кроме того, некоторые родственные связи, которые традиционно приводятся в этих работах, не поддерживаются современными исследованиями. Одной из таких связей является родство предков Дубнова с раввином Йеғудой Лейва бен Бецалелем, известным как Мағарал из Праги, и эта тема оказывается дискуссионной.

Работа по анализу и реставрации родословной Дубнова предполагает:

- критический обзор источников, связанных с родословной Дубнова;
- поиск предков Дубновых в как можно более далеких поколениях, выявление подтверждаемого источниками родоначальника — (*ав-закен ġаришюн*);
- восполнение пробелов в родословной С. М. Дубнова, описанной в имеющихся публикациях;
- выяснение связи предков Дубновых с Мағаралом из Праги на базе современных исследований.

Источники родословной

Анализ источников родословной Семена Марковича Дубнова естественно начать с изучения его собственных воспоминаний — богатейшей «Книги Жизни» [1], этой единственной в своем роде истории русских евреев с «бунта Гаскалы» — середины XIX века — и, фактически, до Холокоста².

В «Книге Жизни» Дубнов называет своим дальним предком раввина Йосефа-Йоски, знаменитого кабалиста, главу еврейского религиозного суда (ав-бейт-дин) города Дубно, сына ковельского талмудиста Йеғуды-Юдла³. Память о Йосефе-Йоски и рассказы о его жизни берегались с благоговением семьей. Когда закон 1804 года предписал евреям принять фамилии, предки С. М. Дубнова выбрали фамилию «Дубнов» как память об общине, главой которой

¹ Пояснение: цифры в квадратных скобках, имеющиеся в тексте и в ссылках, являются порядковыми номерами публикаций, приведенных в разделе «Библиография».

² Первые главы «Книги Жизни», содержащие описание семейных истоков, были изданы в 1934 г. в Риге, и вскоре появился их перевод на иврит (М. Бен-Элиезер, Т.-А., 1935 г.).

³ Город Дубно, или Дубно Раббати — Большой Дубно — так город именуется в литературе на иврите. «В волинском городе Дубно жили мои предки <...>» — так начинает С. М. Дубнов «Книгу Жизни» ([1], глава 1, С.25). Далее Дубнов рассказывает о трагических событиях, постигших Дубно во времена хмельничины, и о Йосефе-Йоски, который был раввином в Дубно в конце XVII в. При описании литературного наследия р. Йосефа-Йоски Дубнов отмечает (С.28): «Я сам, будучи хедерным мальчиком, с волнением читал «Кав ġайяшар», не зная еще, что эта книга сочинена моим предком и являлась его завещанием потомству». До этого места Дубнов напрямую не называет р. Йосефа-Йоски своим предком.

был Йосеф-Йоски. Семья знала и хранила свою родословную: семейное древо Дубновых красовалось на стене их дома в Мстиславле, но сгорело вместе с ним еще до рождения будущего ученого.

В главе 3 (С. 33) Дубнов продолжает рассказ о своих предках:

*«<...> дубенского отшельника р. Йосефа сменяет в четвертом поколении (**промежуточные мне неизвестны**) мстиславский землевладелец и купец <...> Бенцион I».*

Дубнов весьма обстоятельно, с теплотой, описывает далее жизнь семьи в пяти поколениях — от Бенциона I до Меира, своего отца.

Список публикаций, прямо посвященных родословной С. М. Дубнова, невелик. Выделяется упомянутая статья Ш.-А. Городецкого⁴ «К родословной Шимона Дубнова» (идиш, 1937). Городецкий подробно рассказывает о великих предках С. М. Дубнова, используя классические труды по раввинской генеалогии. Автор первым связал родословную Дубновых с Маггалом из Праги, базируясь на традиции — вести происхождение рабби Йегуды-Юдла, главы религиозного суда Ковеля, от семьи Маггалала. В небольшом заключительном абзаце статьи перечислены представители рода вплоть до отца С. М. Дубнова. Фактически, все публикации, посвященные С. М. Дубнову и упоминающие его семейные корни, приводят ссылку на статью Городецкого.

Отметим статью Йосефа Майзеля «Жизнь Шимона Дубнова» (1954)⁵. В двустраничном фрагменте «Семья Дубнов» автор рассказывает о корнях фамилии, фактически повторяя Городецкого как в привлекаемых источниках, так и в трактовке сведений. В обеих статьях — и Майзеля, и Городецкого — широко использован текст «Книги Жизни», авторы заимствуют выдержки абзацами, едва ли не дословно.

Обширная глава «Корни» имеется в монографии В. Е. Кельнера «Миссионер истории» [5] (2008). В этой публикации рассказывается об истоках родословной Дубновых, но большая часть работы посвящена юным годам Семена, вплоть до его первого Петербургского периода. Кельнер, опираясь на «Книгу Жизни» в конкретных фактах биографии, описывает становление будущего историка в действительности тогдашней России, в атмосфере как глобальных событий, так и непростых обстоятельств жизни сугубо еврейской.

Перечень источников родословной С. М. Дубнова не будет корректным, если не уделить внимания книгам и статьям старшей дочери Семена Марковича — Софии⁶. София Дубнова-Эрлих (1885—1986) в книге [3] и в статье [12] об отце, в собственных воспоминаниях [4] уделяет несколько абзацев семейным истокам. Язык этих работ так же выразителен и незауряден, как и язык произведений её отца. Софья Семеновна почти не расширяет генеалогическую информацию. Описывая семейные ситуации и рисуя портреты родных, она останавливается, как и прочие исследователи творчества С. М. Дубнова⁷, более на обстоятельствах, сформировавших характер ученого. Воспоминания С. С. Дубновой-Эрлих представляют атмосферу дома, характеры членов семьи, взаимоотношения детей Семена и Иды Дубновых со старшими поколениями, друг с другом, с дружественным и недружественным миром вне дома. В её рабо-

⁴ Городецкий Шмуэль Абба (1871—1957), еврейский историк. До 18 лет воспитывался в строго традиционном духе, изучал Талмуд, основы хасидизма, интересовался каббалой. Затем познакомился с произведениями приверженцев Гаскалы и занялся самообразованием. После погромов 1905—1906 гг. покинул Украину и с 1908 г. жил в Швейцарии и Германии. В 1938 г. поселился в Тель-Авиве. Городецкий был редактором литературно-научного сборника на иврите «Гагорен» (1897—1928). Его обширная библиотека хранится в Бет-Файтлович в Тель-Авиве. (18.02.2019) Статья «К родословной Шимона Дубнова» — [15].

⁵ Йосеф Майзель (1882—1958), историк, общественный деятель; в 1920—30 гг. секретарь Правления Еврейской Общины в Берлине, после 1938 г. — в Эрец-Исраэль. Друг С. М. Дубнова ([1] С. 774). Статья «Жизнь Шимона Дубнова» — [29], С.24—60.

⁶ Софья Дубнова о себе: «Потомок нескольких поколений ученых, он [С. М. Дубнов] надеялся воспитать существо, унаследовавшее от предков высокий тонус духовной жизни» — [4] С.10.

⁷ Наиболее полные библиографии работ о С. М. Дубнове: [5] — составитель В. Е. Кельнер; [13] — составитель К. Гроберг; [30] — составитель Д. Харув. Архивные ресурсы института YIVO — [14].

тах и сопровождающих редакторских комментариях находим сведения о том, как сложилась жизнь младших Дубновых.

Немного о раввинской литературе и генеалогии

Путешествие по семейному древу Дубновых приводит к величественным фигурам XVI—XIX веков, чьи жизнеописания и родословные присутствуют в раввинской литературе.

Многовековая еврейская традиция приписывает особое значение истории семьи, сохранению в памяти поколений имен и дел ее родоначальников. ТАНАХ, «Книга Хроник» — это многостраничный родословный список. Эзра Гасофер проверяет чистоту родословной возвращающихся из вавилонского изгнания в Эрец-Исраэль — так начинается четвертая глава в трактате «Кидушин» Вавилонского Талмуда. Во времена «Ришоним» (1000—1500 гг.) существовал обычай отмечать имена родителей и всех потомков на внутренней стороне обложки Сидура (молитвенника). Позже на титульных листах книг и во «Введениях» появляется генеалогическая информация, которая становится основой для установления родословной автора и, часто, его семейного окружения. Личность идентифицируется и по имени его отца, и по месту жительства и местам службы, и по названиям книг автора. Нередко упоминаются имена тестя и прославившихся родственников, иногда сообщается дата смерти, возраст покойного и место захоронения.

Традиция передачи родословных («*мегилот гаяхас*») великих сынов Израиля «из уст в уста» не исчезала никогда во всех поколениях, но принято считать⁸, что до времени Раши (т. е. до второй половины XI века) едва ли можно серьезно говорить о научной еврейской генеалогии, а о генеалогии ашкеназских семей и того позже — только с XIV—XV вв. Первым в печатной раввинской генеалогии принято считать раввина Меира Перлеша (иначе: Перлеса, Перелиша) (1666—1739), *даяна* (религиозного судью) в Праге. В 1726 году р. Перлеш написал биографию Магарала из Праги, своего выдающегося предка, содержащую развернутую генеалогию семьи⁹. Позже данные Перлеша цитировались многими авторами, иногда с дополнительными «фактами», достоверность которых весьма сомнительна.

К патриархам раввинской генеалогии причислен и раввин Йехиэль Галперин (1660—1746), глава религиозного суда Минска, составивший хронологию событий и краткие характеристики исторических личностей от сотворения Адама и до 1696 года под названием «Порядок поколений» ([38], Варшава, 1769). Впоследствии вышла вторая знаменитая книга Й. Галперина «Значения именовании» ([37], Дихернфорт, 1806). Обе книги вошли в золотой фонд раввинской литературы, а также стали классикой генеалогии.

Первым историком раввинской литературы почитается Хаим-Йосеф-Давид Азулай (1724—1806), который выпустил библиографию еврейских литераторов под названием «*Шем гагдолим*» («Имя Великих», Ливорно, 1774) — книгу, представляющую очевидную генеалогическую ценность: в ней упомянуты более тысячи имен раввинов и приведены их краткие биографии.

XIX век — век еврейской эмансипации, век подъема еврейской науки, в том числе и генеалогии. Приобрели значение семейные родословные, копировались надписи на надгробных памятниках на кладбищах еврейских общин. Так, получила известность книга Синая (Шимона) Хока «Семьи священной общины Праги по их надгробиям» (Simon Hock, «*Die Familien Prags. Nach den Epithaphien des Alten jüdischen Friedhofs in Prag*», Прессбург, 1892). Эта книга стала одним из серьезных источников, по которому восстанавливалась родословная семьи Магарала.

⁸ «The Reliability of Genealogical Research in Modern Rabbinic Literature» [19]; «Абсолютная шкала поколений Якоби» (JAGS) [20].

⁹ Раввин Меир Перлеш, автор «Родословной Махарала из Праги» [77]. Впервые текст был опубликован в Жолкве в 1745 г. О р. Перлеше и его книге см. Н.-А. Векштейн [34] и А. Путик-Д. Полакович [84].

Великие умы своего времени были вовлечены в генеалогические исследования. Один из них, раввин Хаим Натан Дембицер (1820—1892), блестящий знаток Талмуда, председатель религиозного суда в Кракове, исследователь еврейской истории. Его книга «Совершенство красоты» ([36], Краков, 1888) — один из наиболее цитируемых источников по раввинской генеалогии.

Меценат и учёный Шломо Бубер (1827—1906), лидер еврейской общины Львова, опубликовал книгу «Анше Шем» («Люди Имени», или «Великие раввины», Краков, 1895) — сборник биографий знаменитых львовян, служивших городу, Торе, науке, образованию с 1500 г. до конца XIX века.

Шмуэль-Йосеф Фин (1818—1892), писатель, ученый и издатель, один из зачинателей Гаскалы в России, активный участник палестинофильского движения и «Общества вспомоществования евреям в Сирии и Палестине». Среди трудов Фина: учебник русского языка для евреев, Энциклопедический словарь биографий выдающихся евреев «Кнэсэт Йисра'эль», «Диврэй Гайамим ливнэй Йисра'эль» («Хроники еврейского народа», Вильна, 1871—1877), кладезь генеалогии — история общины евреев Вильнюса «Кирия неемана» («Верный город» [45], Вильна, 1860).

Эстафету Фина подхватил Гиллель-Ноах Маггид, выпустивший в свет знаменитую книгу «Ир Вильна» («Город Вильна» [42], Вильна, 1900) — сборник родословных известных жителей Вильнюса с описанием их жизни и творчества. Для каждого персонажа автор не скупится на место в книге, предоставляет читателю всю доступную информацию — как формальную (даты, места жизни и деятельности, родственники), так и биографическую. Надписи с надгробий, приведенные в книге, придают ей особую ценность в качестве генеалогического источника.

Величайшим генеалогом второй половины XIX века признается Йосеф Коґэн-Цэдэк (1827—1903) — раввин, уроженец Львова, эмигрировавший в Лондон. В Лондоне он выпустил в свет свои труды по генеалогии, которые отличаются тщательностью в отборе источников, а также особым чутьем в обнаружении сомнительных мест даже в признанных работах ([83] т. 1, С. 456).

Не менее известны раввин Аарон Валден («Шем гаґдолим гаґхадаш» («Имя Великих, новое издание»), Варшава, 1879), преемник пионерской работы Х.-Й.-Д. Азулая; раввин Йосеф Левинштейн и его книга «Дор ведор ведоршав» («Поколения и их проповедники», Варшава, 1900)¹⁰; раввин Моше-Элиезер Бейлинсон (1835—1908) — ученый и издатель, владелец издательства и типографии в Одессе, где он выпустил в свет собственные исследования родословных раввинов и их семей (1863—1905)¹¹.

Широкую известность приобрела работа Ноаха Готлиба «Оґалей шем» («Скинии Имени», Пинск, 1912), в которой современные автору раввины сами рассказывают о себе, о своих корнях.

В первой половине XX века успешно работало новое поколение исследователей раввинских родословных — Израэль Моше Бидерман, человек энциклопедических знаний, раввин Цви Майкельсон (умер в варшавском гетто), раввин Хаим Гросс из Закарпатья и другие.

Увы, большинство документов и родословных были потеряны в бесконечных скитаниях евреев, в результате суровых репрессий властей, в пожарах, которые уничтожали целые квар-

¹⁰ «Нынешним исследователям трудно понять загадку раввина Йосефа Левинштейна (1837—1924, ав-бейт-дин Сероцка — АО). В свое время он считался ведущим в генеалогии, и его репутация предшествовала ему в книгах и научных статьях. Он имел обширные знания и дал обстоятельные толкования сложных периодов, но сегодня ясно, что его выводы столь запутаны и ошибочны, что они полностью ненадежны.» [19]. См. также послесловие к «Поколения и их проповедники» [70].

¹¹ Раввин Моше-Элиезер Бейлинсон. О нем см. [32] С. גרשון, комм.19; [33] С. משה. Jewish Enciklopedia. Beilinson, Moses Eliezer. —: (30.08.2015)

талы, при разрушении кладбищ, во время всех войн и, конечно же, в трагедии Холокоста, когда бесценные документы разделили судьбу тех, чьи родословные они хранили.

Современные исследователи продуктивно работают в области генеалогии. Работы д-ра П. Якоби (Иерусалим), д-ра Н. Розенштейна (Элизабет, Нью-Джерси), р. Шломо Энгларда (Бней-Брак), р. Моше-Давида Чечика (Иерусалим), р. Нафтали-Аарона Векштейна (Ашдод), Хаима Фридмана (Петах-Тиква), р. Матитьягу Дейч-Ашкенази (Иерусалим) и других сделали их авторов непререкаемыми авторитетами в раввинской генеалогии. Сохраняя традиции ученых прежних поколений, сегодняшние ученые блестяще ориентируются в бескрайнем море раввинской литературы, необъятном количестве первоисточников. Исследованиям способствуют открывшийся доступ к архивам, сканированным документам. Периодически издаются ранее не опубликованные рукописи, результаты работ по восстановлению родословных. Организованы Генеалогические общества, центры еврейской генеалогии¹², проводятся генеалогические семинары и конференции в Израиле, в США, в России, в других странах. Новые технологии позволяют использовать ранее не предполагавшиеся методы поиска. Интернет-сайты «JewishGen», «Avotaynu», «Ancestry», «Hebrewbooks», «geni.com», «myheritage.com» и другие предоставляют исследователям как обширное поле поиска, так и возможность поделиться своей информацией, увеличив тем самым крону Общего Семейного Древа¹³.

Поиск предков Дубнова

В «Приложении» приводятся публикации, содержащие генеалогическую информацию о предках С. М. Дубнова (в хронологическом порядке изданий)¹⁴. Большинство публикаций лишь упоминают персонажей родословной, но в некоторых мы находим развернутое описание их жизни и творчества.

Рассмотрение родословной С. М. Дубнова проведем, приняв в качестве центральной персоны упомянутого в «Книге Жизни» «дубенского отшельника» Йосефа-Йоски. От него поведем поиск по восходящей (к старшим поколениям) и по нисходящей (к его потомкам).

Йосеф-Йоски из Дубно

С. М. Дубнов рассказывает о раввине Йосефе-Йоски и его книге «Основа Йосефа» в «Истории евреев в Европе»¹⁵. Содержанию «Йесод Йосеф» он уделяет немало места и в «Книге Жизни» (С. 26—27). Текст Дубнова в «Книге Жизни» является наиболее информативным, а также, без сомнения, наиболее ярким из обнаруженных жизнеописаний раввина Йосефа-Йоски¹⁶.

Приведем отрывок из книги «Основа Йосефа», в котором ее автор представляет себя читателю: «Йосеф, сын гаона¹⁷, великого раввина <...> Йегуды-Юдла, председателя религиозного суда и *рав-меламеда* [главного учителя] Ковеля»¹⁸.

¹² Например, «International Institute for Jewish Genealogy and Paul Jacobi Center» в Еврейском Университете (Иерусалим) при Израильской Национальной Библиотеке. — (30.08.2015)

¹³ Источники раввинской генеалогии: Center for Jewish History. — (30.08.2015); «К исследованиям родословных в Израиле» [31] С. פנ и далее; JewishGen (The Rabbinic Genealogy Special Interest Group). — (30.08.2015); (30.08.2015); The Israel Genealogical Society: (30.08.2015) Современные специалисты в области раввинской генеалогии, публикация Geni.com. — (30.08.2015).

¹⁴ Нельзя не обратить внимания на то, что даты публикаций большинства приведенных источников совпадают с периодом Гаскалы в России! Интерес возрождается только спустя много лет — уже в 90-х годах XX века.

¹⁵ Книга р. Йосефа-Йоски «Йесод Йосеф» [51] впервые издана в Шклове в 1784 г. (согласно [32] С. הפנ). Упоминание о ней в «Истории евреев в Европе» — [2] — том 4, С.139.

¹⁶ Большая часть статьи Городецкого [15] посвящена описанию личности рабби Йосефа-Йоски из Дубно.

¹⁷ Термин «гаон» довольно бережно использовался вплоть до времени Вильнюсского Гаона. Гаонами именовались духовные лидеры еврейского народа — высшие авторитеты в толковании Талмуда. В последующих поколениях звание «гаон» достаточно свободно приписывалось знатокам галахического законодательства в качестве знака уважения [18].

¹⁸ Здесь и в дальнейшем: многоточия в цитатах — усложняющая чтение, но не существенная в генеалогическом смысле информация типа «гаон, хасид, праведник поколения, известный каббалист, наш учитель и рав NN».

Ученик Йосефа-Йоски раввин Цви-Гирш Кайдановер, автор популярной книги «Кав гайяшар» («Правильная мера»), называет своего учителя «выдающийся раввин, благочестивый, гаон, наш учитель Йосеф, сын гаона <...> Йеғуды-Юдла». Кайдановер не прослеживает родословную Йосефа-Йоски далее отца, как это принято в раввинской литературе, хотя он был близок с Йосефом-Йоски¹⁹.

Публикации (см. «Приложение»), упоминающие рабби Йосефа-Йоски, совершенно идентичны как в изложении происхождения раввина, так и в более или менее подробном повествовании о его жизни. Отметим книгу П. Песиса «Город Дубно и его раввины», в которой называется место и время рождения рабби Йосефа-Йоски: Люблин, «в начале пятого века», т. е. после 5400 г. по еврейскому летоисчислению, или после 1640 г. по григорианскому; источник информации отсутствует²⁰. Точная дата рождения Йосефа-Йоски в изученных нами источниках не обнаружена и может быть оценена периодом 1635—1640 гг. (по известным датам рождения и смерти его отца и его потомков и положениям JAGS²¹). Дата кончины рабби Йосефа-Йоски известна — 1700 год, он похоронен в Дубно²².

Предки Йосефа-Йоски из Дубно

Раввин Йеғуда-Юдл, ав-бейт-дин общины Ковеля

Отец Йосефа-Йоски из Дубно — рабби Йеғуда-Юдл — «благочестивый гаон, образец поколения, каббалист, благословенна его память в великом городе Люблине, что в венценосной Польше»²³. Он один из великих раввинов периода распространения «Шульхан арух», современник прославленных «поским» Шабтая бен Меира ГаКоґэна и Давида ГаЛеви Сэгэла²⁴. Он — многолетний член Совета четырех областей²⁵. С 1685 года Йеғуда-Юдл становится председателем религиозного суда г. Ковеля. Почетное это место он занимал до последнего своего часа; так и вошло в историю его имя «рабби Йеғуда-Юдл ав-бейт-дин Ковеля»²⁶.

Йеғуда-Юдл на протяжении многих лет писал свой труд «Глас Йеғуды», которому так и не суждено было увидеть свет, более того — видимо, эта рукопись безвозвратно утеряна²⁷.

Йеғуда-Юдл родился в Люблине приблизительно в 1619 году, скончался в 1696 году, похоронен в Ковеле²⁸. Первое упоминание о р. Йеғуде-Юdle как об авторе «Гласа Йеғуды» приводится в книге «Значения именовании» Йехиэля Галперина (1806)²⁹. Первая публикация,

¹⁹ Раввин Цви-Гирш Кайдановер (ум. 1712), автор книги «Кав гайяшар» («Правильная мера» — перевод по Дубнову), 1706; цитата из «Предисловия» автора [53]. С. М. Дубнов: «Ловкий ученик совершил плагиат. <...> Я как читатель <...> пришел к заключению, что большая часть „Йесод Йосеф“ уже вошла в „Кав гайяшар“» ([1], С.28).

²⁰ Пинхас Песис — [44], С. 18, 19. Городецкий [15] называет дату рождения Йосефа-Йоски 1659 г. без указания источника.

²¹ «Абсолютная шкала поколений Якоби» (Jacobi Absolute Generations Scale — JAGS) [20].

²² П. Песис приводит иную дату — 1706 г. ([44] С.19), но Энглард ([32], С. פ"ט) показывает, почему эта дата ошибочна.

²³ Цитата по [32], С. פ"ט

²⁴ Шабтай бен Меир ГаКоґэн (1622—1663) (ש"ת, ШаХ); Давид ГаЛеви Сэгел (1586—1667) (ט"ז, ТуЗ), автор «Турей Заґав» — религиозные авторитеты, комментаторы Галахи («поским»). О них и их трудах см. [62] С. מ"ב-מ"ג; [69] (а) С.390; [69] (б) С.1241.

²⁵ Ваад (Совет) четырех областей — центральный орган автономного еврейского самоуправления Великой Польши (Познань, Калиш), Малой Польши (Краков), Червонной Руси (Львов) и Вольни (Острог, Луцк, Лодимир, Кременец), действовавший в XVI—XVIII веках. Ваад управлял делами общины, как духовными, так и мирскими, кагалными. Во главе Ваада стояли выдающиеся личности еврейского народа. В литературе можно встретить наименования «Ваад четырех земель», «Ваад четырех стран». Здесь использовано наименование по С. М. Дубнову: «Ваад четырех областей» — [2] том 3, С.321 и том 4, С.78—79. О Вааде см. также [11], С.11—80.

²⁶ Величественная фигура Йеғуды-Юдла весьма подробно описывается в работе раввина Ш. Энгларда, опубликованной к 300-летней годовщине смерти Йеғуды-Юдла (1996 г.). В этой статье мы находим как генеалогический профиль р. Йеғуды-Юдла, так и описание его жизни и деятельности. «Раввин Шломо Энглард не удовлетворяется повторением общепринятых теорий, но изучает каждый факт до мельчайших деталей. Он рушит традиционные родословные сильнейшими доказательствами» — цитата по [19]. Неоднократно цитируемая работа р. Ш. Энгларда — [32], С. פ"ט-פ"ז.

²⁷ О рукописи «Кол Йеғуда» («Глас Йеғуды»): [32], С. פ"ט, комм. 1, [36] ע"ד, ע"ה и [46].

²⁸ Годы жизни Йеғуды-Юдла согласно [32] С. פ"ט и [44] С.19.

²⁹ «Значения именовании» Йехиэля Галперина [37] издана впервые в Дихенфурте в 1806 г. правнуком автора р. Ицхаком

содержащая имена предков Йеґуды-Юдла, — книга Моше-Зеева из Белостока «Мар'от ґацов'от» (Гродно, 1809)³⁰. В этой важной в нашем исследовании книге находим имена отца, деда и прадеда рабби Йеґуды-Юдла. В росписи, следующей сразу после названия книги, на титульном листе, как это принято в раввинской литературе, читаем: «Йеґуда-Юдл <...> ав-бейт-дин Ковеля, сын <...> Моше, сына <...> Цви-Гирша Саба, сына <...> Йосефа-Йоски <...> ав-бейт-дин Люблина». Сравнение публикаций (таблица в «Приложении»), содержащих родословную Йеґуды-Юдла³¹, приводит к однозначному выводу об общности первоисточника сведений, и первоисточник этот — книга «Мар'от ґацов'от», «буквально по тексту и в именно такой последовательности во всех книгах, описывающих эту родословную»³². Некоторые авторы прямо заявляют об источнике сведений об описываемом персонаже (например, у М.-Э. Бейлинсона [48], С. 81: «<...> как об этом сказано в «Мар'от ґацов'от» <...>»), но большинство пренебрегают ссылкой.

Отец и дед Йеґуды-Юдла из Ковеля

Сведения об отце и деде рабби Йеґуды-Юдла — р. Моше и р. Цви-Гирше Саба — весьма скудны. В изученных источниках не обнаружены данные ни о времени и месте их рождения и смерти, ни о местах их деятельности. Титулы «гаон» — и даже «знаменитый гаон» — и «большой, известный в его поколении» перед именами информацию не несут и, скорее всего, добавлены потомками в знак уважения³³. И р. Цви-Гирш Саба, и его сын р. Моше известны фактически как представители родословной более значительных персон, их имена упоминаются во всех описаниях корней раввина Йеґуды-Юдла буквально по тексту книги «Мар'от ґацов'от».

Раввин Йосеф-Йоски, ав-бейт-дин общины Люблина

Обратимся к прадеду рабби Йеґуды-Юдла — раввину Йосефу-Йоски. «Гаон, раввин всей диаспоры, святой цадик, воин Торы, человек великого ума»³⁴, учитель многих будущих глав общин — Йосеф-Йоски был главным раввином Люблина, а позже Львова, где и похоронен. Имя Йосефа-Йоски, раввина из Люблина, присутствует в большинстве родословных, источники которых перечислены в «Приложении». Дата его рождения не установлена, год кончины — 1596³⁵.

Коґэном из Мезрича ([32] С. 77, комм. 17). В этой книге мы не находим имен предков рабби Йеґуды-Юдла, даже имени его отца, как это принято, но впечатляет такая фраза в предисловии, написанном издателем книги: «Родословная (р. Йеґуды-Юдла — АО) поднимается выше и выше до семьи таная рабби Йеґуды Ганаси». То же находим в книге «Память Моше» [55], С.1. Родословная р. Йеґуды Ганаси поднимается до царя Давида [27].

³⁰ Информация о книге «Мар'от ґацов'от» [57], как о первой, описывающей родословную Йеґуды-Юдла — согласно работам [47] С.16 и [32] С. 77. Автор книги — раввин Моше-Зеев ав-бейт-дин Белостока (1767—1829), потомок р. Моше-Зеева-Вольфа, сына р. Йеґуды-Юдла (о р. Моше-Зееве см. у Городецкого [15]). Название «Мар'от ґацов'от» трудно перевести, взято из книги «Исход», глава 38, стих 8: «<...> зеркала толпившихся женщин <...>» (перевод Д. Йосифона).

³¹ Для определенности (публикации 1809—1992 гг.): [57] титульный лист; [39] י"ם ו' ה'א; [50] С.1; [46] С.86, 88; [64] в конце «Предисловия», [52] С.14; [55] С.1; [61] С.28; [38] в «Истории автора», С.9; [65] С.6; [47] С.16; [66] ч.1, С.86; [43] С.77—78; [40] С.78; [48] С.81—82; [41] С.130; [42] С. 122, 141, 190, 275; [67] С. 79, 153; [68] С.28, 41; [62] С. 28; [60] С.419.

³² Цитата по [47] С.16; [33] С. 77.

³³ Ш. Энглард пишет: «Потомки любили присваивать своим предкам титулы при написании родословных» — [32] С. 77, комм. 836.

³⁴ Цитата по [63] С. 77 и [57] С. 77, комм. 6.

³⁵ Дата смерти рабби Йосефа-Йоски из Люблина — согласно [48] С.51, [63] С. 77. Возможно, что у р. Цви-Гирша Саба — сына р. Йосефа-Йоски из Люблина и прадеда р. Йосефа-Йоски из Дубно — был брат. Так, Айзинштат в книге «Мудрость праведников» ([40], С.77) пишет: «У рабби Йосефа-Йоски из Люблина было два сына: гаон Цви-Гирш Саба и гаон Шмуэль, написавший книгу «Лехем рав». Автор «Лехем рав» («Большой пир», 1609), председатель религиозного суда в Бумсле (Млада Болеслав), несколько раз упоминает своего отца «рабби Йоски из Люблина». В «Предисловии» ([56], С. 2), автор пишет: «<...> сказал малый (т.е. «незначительный», принятая форма самоаттестации — АО) Шмуэль, сын <...> раввина Йосефа-Йоски <...> из Люблина <...>».

Каково происхождение рабби Йосефа-Йоски? Здесь нет ясности. Большинство исследователей³⁶ соглашаются, что его отцом был некто рабби Шмуэль из Люблина. Х. Д. Фридберг в книге «Скрижали памяти» пишет:

«<...> был возведен в должность председателя религиозного суда общины Люблина раввин Йосеф сын Шмуэля, который назывался рабби Яски из Люблина»³⁷. О Шмуэле-старшем ничего существенного сказать не представляется возможным, кроме того, что он был «житель Люблина»³⁸.

И здесь прерывается известная нам на сегодняшний день родословная, которая по мужской линии поднимается до далекого предка С. М. Дубнова — рабби Шмуэля из Люблина.

Потомки раввина Йосефа-Йоски из Дубно

Наиболее часто упоминается в литературе (см. «Приложение») сын р. Йосефа-Йоски, председателя религиозного суда общины Дубно, Бенцион, раввин из Шклова³⁹. Ш.-Й. Фин в книге «Верный город» говорит о другом сыне Йосефа-Йоски из Дубно (не о Бенционе!), не приводя его имени. Фин пишет, что он был близким другом Авраама-Давида Страшуна (1792—1855) — прямого потомка Йосефа-Йоски из Дубно. Можно предположить, что А.-Д. Страшун знал свою родословную, включая сыновей Йосефа-Йоски, и передал эти сведения своему другу Ш.-Й. Фину⁴⁰. Бейлинсон, ссылаясь на Ш.-Й. Фин, с осторожностью говорит, что

«в общине Городка был другой сын рабби Йосефа-Йоски ав-бейт-дин Дубно, который отсутствует в [имеющейся у Бейлинсона] родословной и который упомянут в книге „Верный город“ <...> Требуется поиск»⁴¹.

В книге «Ир Вильна» Г.-Н. Маггид приводит имя сына Йосефа-Йоски из Дубно, предка А.-Д. Страшуна — Аарон. Аарон был зятем рабби Йегуды Рипа (акроним — *Рабби Йегуда Пинскер*)⁴² и приобрел прозвище тестя — Рип.

Более широкую информацию о детях рабби Йосефа-Йоски находим в «Замечаниях» С. М. Дубнова, приводимых в тексте генеалогических исследований М.-Э. Бейлинсона⁴³.

³⁶ Энглард [32] С. פ"ב, комм.6, С. פ"ב, комм. 836; Чечик [63] С. פ"ב; Фридберг [78] С.14; Нисенбойм [41] С.130; Бейлинсон [47] С.16; Кофэн-Цэдэк [71] С.102; Хоровиц [76] С.536—537.

³⁷ Фридберг, «Скрижали памяти», 1904г. [78], С. 14. Формы имени «Йоски», «Яски» (иногда «Юски») в равной степени используются в литературе. В данной статье применена форма «Йоски» — так именует своего предка С. М. Дубнов [1], С. 25.

³⁸ Имеется и другое предположение, выдвинутое Й. Левинштейном: отцом рабби Йосефа-Йоски из Люблина был некто рабби Авраам Калменкес ([41] С.129, [47] С.16). Основанием для этого предположения является тот факт, что некто Йосеф Калменкес из Люблина действительно был единственным, жившим в то время с титулом «раввин всей диаспоры». Рабби Йосеф бен Авраам Калменкес выдвигался в раввины ряда общин Польши, в том числе и в раввины Люблина и Праги; скончался в Праге в 1637 г. в возрасте 110 лет ([60] С.713). По мнению Ш. Энгларда ([32] комм. 368) и М.-Д. Чечика ([63] С. פ"ב), данное предположение весьма спорно: 1. рабби Йосеф Калменкес всякий раз упоминается как «Йосеф» и только, и нигде как «Йоски» в то время, как прадед рабби Йехуды-Юдла из Ковеля всегда именуется как «рабби Йосеф-Йоски»; 2. рабби Калменкес происходит из известной семьи, чьи потомки всегда носили это родовое имя, а потомки рабби Йосефа-Йоски из Люблина — и р. Цви-Гирш, и р. Йегуда-Юдл из Ковеля — никогда не носили имя «Калменкес».

³⁹ Городецкий [15] называет Бенциона раввином Городка, Бейлинсон же считает, что Бенцион был из Шклова, и эта точка зрения более доказательна ([48] С.82—83). От Бенциона, сына Йосефа-Йоски из Дубно, ведут свои родословные такие известные фамилии, как Гинзбург, Раскин, Дубнов ([42] С. 180, [55] С. 1, [67] С. 79).

⁴⁰ В книге «Верный город» Фин пишет: «<...> слышал от моего душевного друга выдающегося раввина, чье имя почитаемо в еврейском народе, мудреца и великолепного писателя покойного рабби Авраама-Давида сына р. Йегуды Страшуна <...>» ([45 (b)], С. 279,280).

⁴¹ Цитата по [48] С.82.

⁴² В «Ир Вильна» [42] имя Бенциона находим на С.180, комм.15; имя Аарона на С.122, 141, 190. Потомками Аарона, сына Йосефа-Йоски из Дубно, являются раввин Шмуэль Страшун (ר"ש ראשון, 1794—1872), один из выдающихся мудрецов Торы города Вильно, и его сын, знаменитый просветитель XIX века раввин Матитьягу Страшун (1815—1886) ([23]; [42] С. 141, 190, 250, 251, 283; [61], С. 51).

⁴³ «Замечания» С. М. Дубнова, опубликованные Бейлинсоном ([48], С.112—113) в 1898г. (!), являются хронологически первым авторским источником родословной (см. ссылку 2). В дальнейшем тексте «Замечаний» С. М. Дубнов рассказывает историю семьи (от далекого Бенциона Хацкелевича до своего деда), которую впоследствии гораздо более полно он описал в «Книге Жизни».

С. М. Дубнов ссылается на воспоминания его «любимого Меира» (это или брат его деда, или, скорее, его отец) и говорит о **шести** сыновьях Йосефа-Йоски из Дубно⁴⁴:

«1. Родословное древо было большое, оно сгорело при большом пожаре в Мстиславле в 1862 году [по «Книге Жизни» С. 31 пожар был в 1858 году], но оставались верные копии.

2. У раввина гаона автора книг «Основа Йосефа», «Священная мелодия» и других, кроме сына рабби Бенциона, упоминаемого родословной [Бейлинсона], было ещё пять сыновей и одна дочь. [Бейлинсон даёт комментарий: «У раввина Йосефа-Йоски ав-бейт-дин Дубно было две дочери: жена рабби Аарона Галлеви Гурвича из Пинска и жена раввина гаона Исраэля ав-бейт-дин Заблудова»⁴⁵] Ибо, по словам моего любимого Меира Дубнова, он помнит, что в центре древа была основа и корень [древа] упомянутого автора книг, окруженный семью кружками, и из каждого из них выходило немало ветвей, которые множились до сотен».

Дальнейшая родословная от Бенциона из Шклова, сына Йосефа-Йоски из Дубно, описывается в основном по М. Бейлинсону [48]. Некоторые сведения находятся в книгах [3], [4], [5] и, разумеется, в «Книге Жизни» [1]. Ниже приводится родословная роспись, при этом полужирным шрифтом выделены имена по непрерывающейся мужской линии от рабби Йосефа-Йоски из Дубно и его сына Бенциона до С. М. Дубнова, имена их братьев и сестер даются обычным шрифтом.

– **Йосеф-Йоски** из Дубно

Первое поколение

– **Бенцион** из Шклова, сын Йосефа-Йоски (1)

– Аарон из Городка, сын Йосефа-Йоски (1); супруга — дочь Йегуды Рипа

– дочь Йосефа-Йоски (1), супруг — рабби Исраэль из Заблудова

– дочь Йосефа-Йоски (1), супруг — рабби Аарон Галлеви Гурвич

Второе поколение

– **Йехезкель**, сын Бенциона (2)

– Хана, дочь Бенциона (2)

Третье поколение

– Йегуда-Идл, сын Йехезкеля (6)

– **Бенцион** («Бенцион Хацкелевич») из Мечислова (Мстиславля), сын Йехезкеля (6).

Бенцион покинул Дубно и переселился в Мстиславль. «Умер в начале XIX века (в 1815 г. он в пинкосе значится уже «покойным»)» ([1], С. 29)

Четвертое поколение

– **Зеев-Вольф Дубнов**, сын Бенциона (9), первый «с фамильным прозвищем Дубно и Дубнов» ([1], С.29); умер в 1840 г.

– Песя, дочь Бенциона (9); супруг Песи — раввин Меир из Шклова

Пятое поколение

– Нахман Дубнов из Мстиславля, сын Зеева-Вольфа (10); (умер в 1847 г.); супруга — Хая-Лея

– Ицхак Дубнов из Могилева, сын Зеева-Вольфа (10)

– **Авигдор (Вигдор) Дубнов** из Мстиславля (1785—1840), сын Зеева-Вольфа (10); супруга Авигдора — Эстер, дочь Меира Быховского из Шклова

Шестое поколение

⁴⁴ Перевод с иврита с несущественными сокращениями.

⁴⁵ В генеалогических источниках мы находим данные о двух дочерях рабби Йосефа-Йоски из Дубно. Одна из них — супруга рабби Исраэля, дайна из Заблудова ([40] С.11, [52] С.14, [48] С.82, [76] С.131). Вторая дочь р. Йосефа-Йоски — супруга рабби Аарона Галлеви Гурвича из Пинска ([32] С. פרת, פרת, [36] С. זע, [48] С.83).

- Ривка дочь Ицхака (13); супруг Ривки — Бенцион Дубнов (20)
- Ицхак-Дубер Дубнов (у С. М. Дубнова — Ицхак-Дов), сын Авиغدора (14)
- Меир Дубнов из Варшавы, сын Авиغدора (14)
- Ципора, дочь Авиغدора (14); супруг — р. Барух Рошаль из Шклова
- Эстер, дочь Авиغدора (14); супруг — Моше Кисин из Мстиславля
- **Бенцион Дубнов** из Мстиславля («Бенцион — второй», могилевский купец 2-й гильдии) (1810—1892), сын Авиغدора (14); супруга Бенциона — Ривка (15) дочь дяди Бенциона, Ицхака (13)

Седьмое поколение

- Эстер, дочь «Бенциона-второго» (20); супруг Эстер — Ицхак-Дубер Дубнов (16)
- **Меир-Яков Дубнов** из Мстиславля (1833—1887), сын «Бенциона-второго» (20); супруга Меира-Якова — Шейна, дочь Йехиэля-Михеля Гейликмана из Уваровичей (близ Гомеля)⁴⁶

Восьмое поколение

- Риса, дочь Меира-Якова (22), супруг Рисы — Ицхак Йеґуда Кейлин
- Ицхак Дубнов, сын Меира-Якова (22); ум. 1890 г.
- Нахман Дубнов, сын Меира-Якова (22)
- Зеев-Вольф (Владимир) Дубнов (1858—1941), сын Меира-Якова (22)⁴⁷
- **Шимон (Семен) Дубнов** (10 сентября 1860 г. — декабрь 1941 г.), сын Меира-Якова (22); супруга — Ида (Итке) (1860—1934), дочь Хаима и Мириям (Меры) Фрейдлиных⁴⁸

С. М. Дубнов явно преувеличивает, называя поколения, следующие после р. Йосефа-Йоски из Дубно, ему **неизвестными** (см. начало данной статьи). В «Книге Жизни» описаны все поколения от р. Йосефа-Йоски из Дубно до семьи самого Семена Марковича, и пропущен лишь сын Йосефа-Йоски Бенцион.

С. М. Дубнов пишет:

«Моя мать Шейне <...> родила пять сыновей и пять дочерей, из которых только один сын умер в детстве.»

И далее:

«Из моих трех братьев образ самого старшего, Ицхака, связан с моими ранними детскими воспоминаниями. Он был талмудист, ревностный ученик деда Бенциона <...> Спутником моей юной жизни был другой брат, Вольф (Владимир), который был старше меня только на полтора года <...> Из моих сестер осталась в моей памяти <...> старшая Риса <...>»⁴⁹.

Приведем отрывок из воспоминаний Арона Перельмана⁵⁰, близкого друга семьи Дубновых, в котором характеризуется супруга Семена Марковича:

«Ида Ефимовна — верный друг и помощница всей жизни Дубнова, без которой он вряд ли мог бы вести такую жизнь, полную спокойного труда и независимости. Она оберегала его спокойствие, создавала ему уютную обстановку для непрерывной работы, довольствовалась всегда самыми скромными средствами. При этом она не только много читала и следила за литературой, но и помогала ему в его работе. Вообще во всех вопросах жизни она на все смотрела глазами мужа».

⁴⁶ О происхождении матери С. М. Дубнова — [1] С.33; [3] С.14.

⁴⁷ О брате С. М. Дубнова Владимире — [1] С.650; [4] С.32,33.

⁴⁸ О происхождении супруги С. М. Дубнова — [4] С.10; [3] С.33.

⁴⁹ Цитата из «Книги жизни» [1] С.34, 35.

⁵⁰ А. Ф. Перельман (1876—1954) — последний владелец издательства «Брокгауз-Ефрон», видный участник еврейских просветительских проектов начала XX века, активный член основанной Дубновым «Фолькспартей». Цитата из «Воспоминаний» [10] С.55, 56.

Информацию о детях, внуках, правнуках Семена Марковича и Иды Ефимовны можно найти на вкладке (С. 384) в «Книге Жизни», в книгах Софьи Дубновой и в других публикациях.

Мағарал — предок Дубнова

Происхождение раввина Йосефа-Йоски из Люблина составляет предмет дискуссии — является ли он и последующие поколения потомками раввина Йегуды Лейва бен Бецалель, известного как Мағарал из Праги⁵¹. Часть из перечисленных в «Приложении» источников называет Йосефа-Йоски из Люблина потомком Мағарала⁵², другие источники не упоминают этого родства. Необходимо отметить, что приписывание рабби Йосефу-Йоски из Люблина и его потомкам родства с Мағаралом из Праги представляет собой многолетнюю традицию раввинской генеалогии. Сомнения посещали серьезных исследователей и прежде⁵³, а после изысканий последних десятилетий⁵⁴ отсутствие этой родственной связи признаётся исследователями как доказанный факт («и не стоит к этому возвращаться»)⁵⁵. Все же «вернемся» и кратко изложим аргументы против традиционного взгляда, ведь именно традиционная точка зрения изложена в работах, которые посвящены родословной С. М. Дубнова или приводят сведения о семейных истоках Дубновых ([5, 15, 29] и др.). В настоящей работе использованы доказательная база и выводы современных генеалогов⁵⁶.

1. По мнению Ш. Энгларда⁵⁷, связывание родословной раввина Йосефа-Йоски из Люблина с именем Мағарала из Праги произошло в уже названной книге «Мар'от гацов'от» [57], где автор в развернутом заглавии пишет: «Я, Моше-Зеев <...> сын Элиезера, сына Йосефа, сына Менделя <...> сына Моше-Зеева) <...> брата гаона Йосефа-Йоски ав-бейт-дин Дубно), сына гаона <...> Йегуды-Юдла <...> ав-бейт-дин Ковеля, сына <...> Моше, сына <...> Цви-Гирша Саба, сына <...> Йосефа-Йоски <...> ав-бейт-дин Люблина, <...> нин-венехед гаона <...> Мағарала из Праги». [«Нин» — правнук; «нехед» — внук. Выражение «нин ве'нехед» устойчиво вошло в литературу по раввинской генеалогии и обычно обозначает «потомок»⁵⁸.] Вот эти пять слов — «нин-венехед Мағарала из Праги» — использовали составители родословных. А первым был упомянутый ученый и издатель М.-Э. Бейлинсон⁵⁹. Во многих своих публикациях Бейлинсон, цитируя «Мар'от гацов'от», утверждал, что рабби Йосеф-Йоски из Люблина был из родни Мағарала из Праги. По следам Бейлинсона пошли и другие писатели и составители родословных, без должной ревизии заимствуя данные уважаемого специалиста, и повелась традиция.

⁵¹ Имя по транскрипции С. М. Дубнова [2], Том 3. Мағарал из Праги (נאָרפֿט אַווייל יבֿר לודגא ונרוב; Judah Loew ben Bezalel; Loewe, Löwe or Levai; 1512—1609) — крупнейший [раввин](#), [галахический](#) авторитет, мыслитель и ученый. Отношение к Мағаралу со стороны религиозных авторитетов того времени было весьма неоднозначным, что выразилось в постоянных скитаниях Мағарала от общины к общине, в отказе предоставить ему место главы пражского раввината и т. д. Вокруг Мағарала образовалось много легенд и красивых романтических историй, но нет объективного, непреложного жизнеописания ([21] (а), [34], [35], [84]).

⁵² Для определенности — [38, 39, 40, 42, 46, 48, 52, 55, 60, 61, 62, 66, 67, 68].

⁵³ Й. Кофэн-Цэдэк [72], 4, С.219; Й. Левинштейн [47] С.16, [70]; Х.-З. Маргалиот [54]; Е. М. Эпштейн [65], С.6.

⁵⁴ Обсуждаемую проблему исследовали ведущие современные генеалогии р. Энглард [32], р. Чечик [63] С. מצחק, р. Векштейн [59] (b) פ"ב, 1».

⁵⁵ Цитата по [63], С. מצחק. Звено р. Йегуда Юдл из Ковеля — Мағарал включено в фамильные деревья многих известных персон, поэтому весьма трудно уйти от традиции и признать существующие родословные не столь уж именитыми ([31], С. פ"ב; [71], С.101). Проблема усложняется и тем, что родословная Мағарала — опять же традиционно и весьма спорно — ведется от царя Давида [59]. Конечно же, значительно сократить количество поколений в родословной, прервав цепь даже в XVII веке, представляется задачей не простой ([16], [17], [34]).

⁵⁶ Большая часть доводов приводится с любезного согласия раввина Шломо Энгларда.

⁵⁷ Ш. Энглард [32], С. מצחק.

⁵⁸ У многих авторов между неким персонажем и его «нином» не обязательно 3 поколения ([32], С. מצחק, комм.37). М. Вундер [19] пишет: «Такие термины, как „нехед“ (внук), „ше'ер басар“ (весьма близкий родственник, ש"ב) или „мехутаним“ (сваты) использовались для описания гораздо более отдаленных отношений».

⁵⁹ Ш. Энглард [32] С. מצחק и [33] С. פ"ב, комм.86.

2. Если принять, что рабби Йосеф-Йоски из Люблина это действительно отец р. Шмуэля, автора вышеупомянутой книги «Большой пир»⁶⁰, то мысль о родстве его с Мағаралом просто невозможна по двум причинам:

– на книгу «Большой пир» написаны две *аскамот*⁶¹: одна от самого Мағарала из Праги и вторая от зятя Мағарала рабби Ицхака Каца. Й. Коґэн-Цэдэк пишет ([72] 1902, №4, С. 219):

«Я изучил обе *аскамот* [упомянутых] гаонов слово в слово, и вот мое заключение: Мағарал не называет его [Шмуэля] „мой внук“, а [р. Ицхак Кац] не называет его „сын или внук моего шурина“ <...>. И автор книги в изъявлении благоговейной почтительности к авторам *аскамот* не назвал Мағарала [мой господин мой предок] и другого — [здесь: близкий родственник]». Т. е. оба давшие *аскамот* не отмечают, что р. Шмуэль принадлежит их семьям, напротив, *аскамот* адресованы к совершенно чужому человеку. Да и сам автор книги не претендует на родство с Мағаралом;

– с точки зрения времени здесь не все в порядке: в соответствии с «Родословной» [77] Мағарал женился в 1543 году; очевидно, что его внук мог родиться в лучшем случае не раньше 1563 года. Автор книги «Большой пир», р. Шмуэль, дает свою *аскаму* на книгу «Хаг гапесах» [«Праздник Песах»] р. Якова Кицингена, опубликованную в 1596 г.; логично предположить, что р. Шмуэлю было в то время не менее 30 лет, а его отцу, рабби Йосефу-Йоски из Люблина, было хотя бы 50 лет. Т. е. рабби Йосеф-Йоски родился примерно в 1546 году, то бишь через 3 года после женитьбы «своего деда» Мағарала (!) и уж никак не может быть ни его внуком (*нэхед*), а тем более правнуком (*нин*).

3. Не хватает в лучшем случае одного поколения между р. Йосефом-Йоски из Люблина и «его дедом» Мағаралом. Как же автор «Мар’от гацов’от», перечисляя 8 поколений, выпускает именно это одно поколение, исток родословной, и это поколение — или сын Мағарала (а у Мағарала был единственный сын Бецалель), или один из его знаменитых зятьев? Возможно ли это?

4. Рабби Меир Перлеш, автор «Родословной Мағарала из Праги» [77], перечисляет потомков Мағарала в разных странах, знаменитых раввинов и лидеров поколений. И что же? — нет упоминания о рабби Йоски из Люблина, о «гаоне, раввине всей диаспоры, образце поколения», а ведь он — по «Мар’от гацов’от» — внук Мағарала. В «Родословной» рабби Перлеша нет ни автора книги «Большой пир», ни рабби Йегуды-Юдла из Ковеля и его сыновей, имена которых стали знамениты в поколениях, примыкающих к поколению автора «Родословной Мағарала». Возможно ли это?

5. Другое направление, по которому идут исследователи, представляет собой попытку «исправить» текст «Мар’от гацов’от». Утверждается, что под именем рабби Цви-Гирша Саба (дед р. Йегуды-Юдла из Ковеля) скрывается супруг дочери Мағарала Тилы (см. М. Перлеш «Родословная Мағарала из Праги» [77], С. 28: «Дочь [Мағарала] Тила, супруга учителя нашего рава Гирша Сабатки, родила рава Сабатки, который был предан здешней общине, был судьей, учителем и раввином в клойзе»). Так, И. Т. Айзинштат в книге «Мудрость праведников» [40] на странице 77 пишет: «Видимо, прозвище „Сабатки“, упоминаемое в родословной, вначале было преобразовано из имени „Саба“ <...>, а второй рабби Сабатки — это искажение имени „Йоски“. То есть должно быть: „Тила, супруга Гирша Саба, родила рабби Йоски“». Соображе-

⁶⁰ См. сноску 35.

⁶¹ *Аскамот* (апробация, англ. — approbations) — письма уважаемых раввинов, предворяющие текст книги, в которых устанавливается значимость и благочестивость публикации; полномочие, легитимация публикации. Первое издание, содержащее *аскамот*, было опубликовано в Италии в недатированном издании книги Якова Ландау «Сефер гагур». Это издание принято локализовать Неаполем и условно датировать 1490—1492 гг. (информация предоставлена востоковедом-гебраистом, специалистом по средневековым еврейским рукописям и инкунабулам С. М. Якерсоном). Некоторые исследователи полагают, что появление *аскамот* связано с папской буллой, запрещающей публикации, которые порочат христианство. Другое распространенное мнение — создать систему внутреннего раввинского контроля. Дополнительно о *аскамот* вообще и о *аскамот* на «Большой пир» в частности см. [82] С. 77 и статью Й. Коґэн-Цэдэка [71] С. 103, 104.

ния Айзинштата представляются достаточно притянутыми за уши⁶². М.-Э. Бейлинсон ([48], С. 51) также считает без каких-либо обоснований, что прозвище зятя Мағарала Цви-Гирша — «Саба», и это сокращение или искажение «Сабатки». Это же мнение поддерживается в книге «Бейт Рабби» [Родословная Алтер Ребе] ([79], гл. 1, С. 1). Й. Коґэн-Цэдэк ([72] вып. 4, С. 219) убедительно показывает, что в различных генеалогических источниках семьи Мағарала нет упоминания фамилии (или прозвища) «Саба», тогда как «Сабатки» присутствует не единожды. «Семья Сабатки отдельно и семья Саба отдельно» — категорически утверждает Коґэн-Цэдэк ([71] С. 106).

6. Если обратиться к иным источникам — старинным книгам, в которых представлены родовые связи предков Дубнова (= потомков р. Йеґуды-Юдла из Ковеля) — что мы сможем найти в них?⁶³ Ни в одной из этих книг не указана связь с Мағаралом, а ведь авторы — якобы внуки и правнуки рабби Йеґуды-Юдла из Ковеля! Трудно поверить, что все они — пусть каждый по своей причине — избегают родства с великим Мағаралом⁶⁴.

Обращает на себя внимание и тот факт, что сам С. М. Дубнов нигде не упоминает Мағарала как одного из своих предков, чьё величественное имя безусловно ему знакомо⁶⁵ — честность не подводит историка. О том же пишет В. Кельнер в монографии о С. М. Дубнове ([5], С. 27): «Чем вызвано подобное „пренебрежение“ столь почетным родством — неизвестно. Возможно, не имея доказательств, Дубнов как ученый не желал уподобляться тем удачливым коммерсантам и общественным деятелям, которые смело возводили свое происхождение к святым мученикам Средневековья, великим раввинам, талмудистам и штадланам»⁶⁶.

Отказаться от традиционной концепции и признать, что нет родственной связи С. М. Дубнова с Мағаралом по линии «Йосеф-Йоски из Дубно — Йеґуда-Юдл — Моше — Цви-Гирш — Йосеф-Йоски из Люблина», не означает, что нет такой связи по другой линии. Эта связь **существует**: супруга рабби Йосефа-Йоски из Дубно (имя ее не обнаружено) является потомком Мағарала в пятом поколении. Й. Коґэн-Цэдэк приводит генеалогию этой связи ([71], С. 105):

«Одна из дочерей [Мағарала] по имени Гитл была женой <...> Шимона Галлеви Брандеса и родила она <...> Шмуэля, и он родил <...> Шимона Брандеса, а его [Шимона] первенцем был <...> Хаим Брандес из Тернополя <...>».

И далее Й. Коґэн-Цэдэк продолжает:

⁶² Вообще, Айзинштат допускает «опечатки»; так, он называет Хаву дочерью Мағарала, в то время, как она была его внучкой (С. 217); или искажает имена «АНАШИМ» (см. [50] С. 1; [15], С. 4). Й. Коґэн-Цэдэк весьма критично отозвался о книге «Мудрость праведников» Айзинштата сразу после ее выхода из печати ([71], 1899, С. 99—106).

⁶³ Рассматриваются следующие публикации: Цви-Гирш из Тимковичей, «Марей Цви», 1737 [80]; автор приводит подробную роспись своих предков, в т.ч. рабби Йеґуды-Юдла; Йосеф-Йоски ав-бейт-дин Дубно, «Йесод Йосеф», 1784 [51]; ссылка на отца автора, рабби Йеґуды-Юдла, ав-бейт-дин Ковеля; Йехиэль Галперин, «Значения именовании», 1806 [37] (а); «нин ве'нехед» автора, впервые опубликовавший «Значения именовании», описывает родословную Й. Галперина вплоть до р. Йеґуды-Юдла. (В издании 1932 г. ([37] б) появилась большая вступительная статья, в которой родословная Й. Галперина традиционно расписывается по сценарию «Мар'от а'цов'от»). Интересно, что автор «Мар'от а'цов'от» в своей второй книге «Пучек майорана» ([58], 1824) уже не отмечает связь с Мағаралом (стало ли ему ясно, что эта связь ошибочна?)

⁶⁴ Не идеологические ли разногласия тому причина? См. сноску 51, а также работу М. Носоновского [9].

⁶⁵ Дубнов: «Это был богослов-моралист, обладавший ясным умом и порядочными общими знаниями. Он расширил в этом направлении комментарий Раши в своем суперкомментарии „Гур Арье“» ([2], том 3, С.264, 265).

⁶⁶ Впрочем, В. Кельнер продолжает описание корней Дубнова, не только именуя Мағарала предком семьи, но и приводя родословную потомков Мағарала: «Дочь Мағарала Циля вышла замуж за Йосифа Йоске, талмудиста из Люблина» и т. д. Данная роспись не соответствует ни одному из изученных источников; Городецкий, на работу которого ссылается автор, приводит совершенно иные данные, пусть и спорные, но, по крайней мере, традиционные ([15], С.1). В других своих публикациях В. Кельнер не упоминает Мағарала в контексте родословной Дубнова ([6], [7]).

«<...> я обратился к гаону Йосефу, автору книги „Минхат хинух“, который занимал там пост [т. е. был даяном в Тернополе], и спросил, что ему известно относительно рабби Хаима Брандеса и его потомков. И он мне ответил: „Со слов старцев поколения, и прежде всего моего отца, я слышал: [некто] звался здесь „рабби Хаим Фрегер“; достаток и богатство пребывали в его доме, двери которого были открыты настежь; сыновья и зятья его были судьями в разных городах, <...> и был у него зять гаон Йосеф-Йоски Саба ав-бейт-дин Дубно“».

Поддержку данным Й. Коґэн-Цэдэка находим в книге Ноаха-Цви из Львова «Величие Цви»⁶⁷, где свидетельствуется, что Хаим Брандес и Хаим Фрегер — это один и тот же человек:

«<...> Хаим Фрегер из Тернополя, сын <...> Шимона Брандеса, сына <...> Шмуеля, <...> сына <...> Шимона, зятя великого гаона, руководителя всей диаспоры рабби Лейба, автора книги «Гур Арье», главы религиозного суда Праги [Маѓарала из Праги]»⁶⁸.

Еще более подробную схему мы находим в генеалогических порталах ancestry.com и geni.com⁶⁹, где переплетаются даже две женские линии — дочерей Маг̃арала Гитл и Реалины:

Описанная генеалогическая цепочка «супруга Йосефа-Йоски ав-бейт-дин Дубно — Маѓарал из Праги» не подвергается сомнению ни в одном из изученных источников. Таким образом, все суждения исследователей родословной С. М. Дубнова относительно его родства с Маѓаралом и наследовании его ментальности приобретают доказанную базу⁷⁰.

Граф родословной

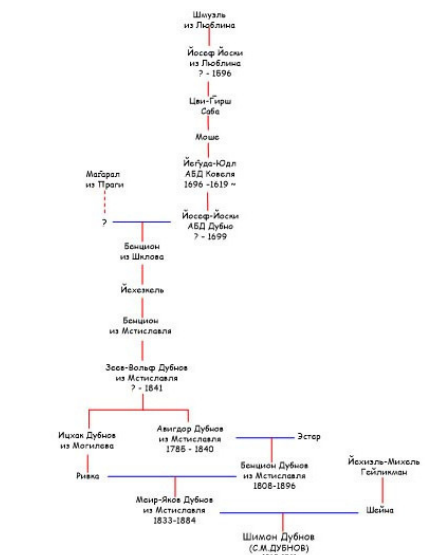
Родословная С. М. Дубнова по мужской линии, 13 поколений, представлена на следующей схеме:

⁶⁷ Ноах-Цви из Львова «Величие Цви», «Предисловие автора» [73], С.2.

⁶⁸ В статье [74] С. זיחת, חיתת комм.2.4 приводятся цитаты по Й. Кофэн-Цэдэку и по «Величию Цви».

⁶⁹ Общедоступные, открытые для ввода данных интернетовские генеалогические ресурсы в подавляющем числе не указывают источники приводимых сведений и в таких случаях не могут рассматриваться как серьезный материал для построения родословной. В данном случае данные Й. Кофэн-Цэдэка корректно иллюстрируются графами интернетовских порталов [22].

⁷⁰ Родство по женской линии в соответствии с традицией ашкеназской генеалогии — равная значимость в родословных как мужской, так и женской линий.

Замечания по публикациям

Несколько замечаний относительно публикаций по родословной С. М. Дубнова в свете изложенного:

1. Статья Ш.-А. Городецкого «К родословной Шимона Дубнова» [15]. Сведения о корнях С. М. Дубнова «по Городецкому» распространились в литературе⁷¹, при этом авторы публикаций, полагаясь на Городецкого, связывают «начала» С. М. Дубнова с Магаралом из Праги по мужской линии, что подвергается критике современными исследованиями⁷².

Родословная от рабби Йосефа-Йоски из Дубно «вниз» (к его потомкам), содержащаяся в статье Городецкого, согласуется с данными, приведенными выше, но содержит один пробел: пропущен Авигдор (Вигдор) сын Зеева-Вольфа из Мстиславля.

2. Статья Йосефа Майзеля «Жизнь Шимона Дубнова» [29]. Автор связывает предка С. М. Дубнова с Магаралом: «Родословную Шимона Дубнова открывает рабби Цви-Гирш Саба и его супруга Тила, дочь Магарала из Праги. Их сын <...> рабби Йосеф-Йоски из Люблина <...>» и т. д. (С. 24). Шаткость данного построения обсуждена выше.

3. Книга Софьи Дубновой «Хлеб и маца» [4] С. 64:

«<...> нашего дальнего предка, знаменитого каббалиста, звали Соломон Дубно, но чиновник николаевской эпохи, регистрируя мстиславских евреев, превратил нас в Дубновых»⁷³.

Видимо, Софья ошибочно совмещает имена каббалиста Йосефа-Йоски из Дубно и Соломона Дубно (что, впрочем, не исключает родственной связи Соломона Дубно и семьи С. М. Дубнова). Соломон Дубно (1738—1813) не только не был каббалистом, но, напротив, он пионер еврейского просвещения, сподвижник Моисея Мендельсона (1729—1786)⁷⁴. С. М. Дубнов, будучи и сам адептом Гаскалы, нигде не отмечает родство с Соломоном Дубно.

4. М.-Э. Бейлинсон в «Але адас» («Листья мирта», 1865), Д. Эфрати в «Толдот анше шем» («Истории великих», 1875) и Ш.-Б. Нисенбойм в «Лекорот гайегудим беЛюблин» («К истории евреев в Люблине», 1899)⁷⁵ говорят о неких имеющихся в их распоряжении родословных росписях, но о каких (о каком) — авторы не указывают. Ш. Энглард пишет:

⁷¹ Ссылки на Городецкого находим в работах [6], [7], [8], [13] С. 41—49.

⁷² Софья Дубнова ([3] С.258), полагаясь на Городецкого, также упоминает Магарала как почетного предка С. М. Дубнова.

⁷³ Евреи начали получать фамилии в царствование Александра I (1801—1825), раньше николаевской эпохи (1825—1855).

⁷⁴ О С. Дубно — [25], о М. Мендельсоне — [26].

⁷⁵ М.-Э. Бейлинсон: [46] С.86, [48] С.82; Д. Эфрати: [61] С.28; Ш.-Б. Нисенбойм: [41] С.130.

«<...> вот, недавно попал ко мне старый и редкий свиток родословной, расчерченный и расписанный ученым и издателем р. Моше-Элиезером Бейлинсоном, и на нем имеется дата: 25 Хешвана 5611 года [31 октября 1850 г.], Каменец-Подольск. Этот свиток содержит родословное древо гаона каббалиста раввина Йеџуды-Юдла из Ковеля, автора книги „Глас Йеџуды“ <...> Родословная начертана на бумажном свитке (17х133 см.), написана красивым и витиеватым шрифтом Раши, разделена на клетки и столбцы, при этом один из разделов посвящен „мишпахат Дубнер“ (семье Дубнер) — предназначен для потомков р. Йосефа-Йоски, ав-бейт-дин общины Дубно, автора книги „Основа Йосефа“»⁷⁶.

Уважаемый р. Энглард откликнулся на мою просьбу и любезно предоставил мне копию той части свитка, где расположен раздел «мишпахат Дубнер». Увы, мои надежды не оправдались, в свитке нет информации, более обширной, нежели та, что приведена в опубликованных источниках. Так, указан только один сын Йосефа-Йоски — Бенцион.

Позволю себе закончить статью цитатой из выше приведенных «Замечаний» С. М. Дубнова⁷⁷:

Из письма моего деда Ицхака-Дова Дубнова: «Однажды в наш дом пришел генерал Борисов, увидел на стене родословное древо и спросил моего тестя: „Что это?“ Тесть ответил ему и показал все ветви, как они выходят одна из другой, вплоть до корня — царя Давида. И тогда вельможа снял головной убор, склонил голову в знак уважения и сказал: „Да, род ваш — от царей!“»

Выражение признательности

Автор глубоко признателен научному сотруднику Петербургского института иудаики Анатолию Ильичу Хаешу за ценные замечания и рекомендации, за справедливую критику, за ободрение и поддержку при написании работы.

Автор благодарит уважаемых ученых — р. Ш. Энгларда, р. Н.-А. Векштейна, Х. Фридмана, р. М. Дейч-Ашкенази — за консультации и помощь в работе над настоящей публикацией.

Приложение

В таблице представлены публикации, содержащие генеалогическую информацию о предках С. М. Дубнова (в хронологическом порядке выпуска в свет).

Автор	Название	Место и год первой публикации, ссылка по библиографии	Место в публикации. Комментарии
Цви-Гирш Кайдановер	«Правильная мера»	Франкфурт-на-Майне, 1706 [53]	«Предисловие»
Моше-Зеев, ав-бейт-дин Белостока	«Мар'от гацов'от»	Гродно, 1809 [57]	Титульный лист
Шмуэль-Йосеф Фин	«Верный город»	Вильна, 1860 [45]	С.97
Аарон Валден	«Имя Великих, новое издание»	Варшава, 1864 [39]	פ"ד א"ב ח"א ת"ק
Акива, ав-бейт-дин Борисова	«Контрибуция от Египта»	Иерусалим, 1865 [50]	С.1
Моше-Элиезер Бейлинсон	«Листья мирта»	Одесса, 1865 [46]	С.86, 88. М.Бейлинсон: «Взято из рукописи «Родословное древо» и из многих книг уважаемых мной людей»

⁷⁶ Цитата по статье Ш. Энгларда [33] С. 71. Копию части свитка можно найти в этой статье на С. 57.

⁷⁷ См. сноску 43.

Йосеф Бахрах	«История Якова Йосефа»	Вильна, 1867 [64]	В конце «Предисловия»; ссылка на данные р. Йосефа Левинштейна
Шломо бен Ицхак ГаКогэн из Мезрича	«Память Шломо»	Оффенбах, 1869, [81]	Титульный лист
Яков Броде	«Священная мелодия» (публикация книги Йосефа-Йоски из Дубно)	Вильна, 1872 [52]	С.14
Моше бен Нахман	«Память Моше»	Одесса, 1873 [55]	С.1
Давид Эфрати	«Истории великих»	Варшава, 1875 [61]	С.28
Иехизль Галперин	«Порядок поколений»	Варшава, 1882 [38]	В «Истории автора», С.9 написанной для этой публикации раввином Минска.
Хаим Натан Дембицер	«Совершенство красоты»	Краков, 1888 [36]	סג י, י, י;
Эфраим Мордехай Эпштейн	«Мужество льва»	Вильна, 1870 [65]	С.6
Йосеф Левинштейн	цитата по Ш.-Б. Нисенбойму [41] С.130 и М.-Э.Бейлинсону [47], С.16		«У меня имеется верная родословная»

Леви Авчински	«Наследие отцов»	Вильна, 1894 [66]	Ч. I, С. 86
Шломо Бубер	«Люди Имени, или Великие раввины»	Краков, 1895 [43]	С. 77-78
Израэль Тувия Айзинштат	«Мудрость праведников»	Петербург, 1897-1898 [40]	С. 78
Моше-Элиезер Бейлинсон	сборник «Мирные и верные в Израиле»	Одесса, 1898 г. [48]	С. 81-82; повторяются данные сборника «Листья мирта»; ссылка на рукопись «Родословное древо»
Шломо-Барух Нисенбойм	«К истории евреев Люблина»	Люблин, 1899 [41]	С. 130
Гиллель-Ноах Маггид (Штайншайдер)	«Город Вильна»	Вильна, 1900 [42]	С. 122, 141, 190, 275
Пинхас Песис	«Город Дубно и его раввины»	Краков, 1902 [44]	С. 18,19
Хаим Д. Фридберг	«Скрижали памяти»	Франкфурт-на-Майне, 1904 [78]	С. 14
Йосеф Левинштейн	«Поколения и их праведники»	Варшава, 1904 [70]	С. 67

Давид Маггид	«Книга жизнеописаний семей Гинцбург»	СПб, 1908 [67]	С. 79, 153
Х.З. Маргалиот	«Большой Дубно»	СПб, 1909 [54]	С.13
Шмуэль-Ноах Готлиб	«Скинии Имени»	Пинск, 1912 [68]	С.28, 41
	Сборник «Газмек», вып. "2"	Бруклин, 1984 [62]	С. 82
Меир Вундер	«Тысяча перлов»	Иерусалим, 1992 [60]	С.419
Шломо Энглард	Сборник «Ишурун», статья «Тайны родословных»	Нью-Йорк, Иерусалим, 1997 [32]	С. 777-778
Моше Давид Чечик	Сборник «Ишурун», статья «История рабби Шмуэля бар Йосефа, автора [книги] "Большой пир"»	Нью-Йорк, Иерусалим, 2009 [63]	С. 777

Библиография (тексты с ивритскими буквами убраны по требованию издательского дома «Ридеро»)

1. *Дубнов С. М.*, Книга жизни. Материалы для истории моего времени. Воспоминания и размышления. Иерусалим, Москва, 2004.

2. *Дубнов С. М.*, История евреев в Европе. Иерусалим, Москва, 2003.

3. *Дубнова-Эрлих Софья*, Жизнь и творчество С.М.Дубнова. Нью-Йорк, 1950. Перевод на английский язык:

Dubnova-Erlich Sofia, «The Life and Work of S.M. Dubnov», *Diaspora Nationalism and Jewish History*, Indiana University Press, Bloomington and Indianapolis, 1991. Introductory essay by J. Frankel (Eng.)

4. *Дубнова-Эрлих Софья*, Хлеб и маца. Воспоминания. Стихи разных лет. Санкт-Петербург, 1994.

5. *Кельнер В. Е.*, Миссионер Истории. Жизнь и труды Семена Марковича Дубнова. Санкт-Петербург, 2008. Перевод на немецкий язык:

[Viktor E. Kelner](#), *Simon Dubnow: Eine Biografie*.

Aus dem Russischen von Martin Arndt. [Simon Dubnow Institut für Jüdische Geschichte und Kultur](#). Vandenhoeck&Ruprecht. Göttingen, 2010 (нем.)

6. Кельнер В. Е., С. М. Дубнов — мемуарист // Библиотека учебной и научной литературы. — (20.08.2015)

7. Кельнер В. Е., Статья о «Книге Жизни». —: (20.08.2015)

8. Дубнов Семен Маркович // Википедия. (20.08.2015)

9. Носоновский М., Педагогическая программа р. Исаака Вецлара: между Маѓаралом и Гаскалой // Сетевой альманах «Еврейская старина», ред. Е. Беркович (21.08.2015).

10. Перельман Арон, Воспоминания // Подготовка текста — Е. А. Голлербах. Санкт-Петербург, 2009.

11. *Еврейские хроники XVII столетия. Эпоха «хмельничины».*

Гешарим, Москва-Иерусалим, 1997 (21.03.2017).

12. *Erlich-Dubnov Sophie*, «La Vie de Simon Dubnov»// «Simon Dubnow. The Man and his Work», A memorial volume on the occasion of the centenary of his birth (1860—1960). Edited by A. Steinberg. French section of the World Jewish Congress, Paris, 1963 (Fr.)

13. *Groberg K.*, «Dubnov and Dubnova: Nurture of an Intellect» // A Missionary for History. Essays in Honor of Simon Dubnov. / Edited by K. Groberg and A. Greenbaum.

Minneapolis, 1998.

14. [Robert M. Seltzer](#), Dubnow, Simon // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. — (20.08.2015)

15. *Городецкий Ш.-А.* К родословной Шимона Дубнова //

«Хисторише Шртифтн» С. 1—8

Printed in Poland, Żidowski Institut Naukowy, Prace Historyczne T. II / pod red. E. Tscherikowera, Wilno, 1937 (идиш).

Репринт статьи на английском языке:

S.A. *Horodetzky*, The Genealogy of Simon Dubnow // YIVO Annual of Jewish Social Science, New-York, 1951, Vol. 6, pp.9—18.

16. *Chaim Freedman*, The Maharal of Prague's Descent from King David // (Published in «Avotaynu» Volume XXII Number 1, Spring 2006). — (20.08.2015)

17. *Chaim Freedman*, Maharal of Prague's ancestry — error

(20.08.2015)

18. *Chaim Freedman*, Difficulties in Researching Rabbinical Families // JewishGen, The Rabbinic Genealogy Special Interest Group (SIG). —: (20.08.2015)

19. *Meir Wunder*, The Reliability of Genealogical Research in Modern Rabbinic Literature // JewishGen, The Rabbinic Genealogy Special Interest Group (SIG). —: (20.08.2015)

20. *Chanan Rapaport*, Jacobi Absolute Generations Scale // Avotaynu Online. Jewish Genealogy & Family History. —: (27.08.2015).

21. *Википедия*. Маѓарал из Праги. —: (21.08.2015); (21.08.2015);

Descendants of Rabbi JUDAH LOEW, The Maharal of Prague.: (21.08.2015).

22. *Ancestry. Yosef Yoske.* — (21.08.2015); *Geni. Rabbi Chaim halevi Brandeis [Maharal GGson]*. — (21.08.2015).

23. *Wikipedia. Mattityahu Strashun.*: (21.08.2015).

24. *ЕжеВиКа (Еврейская Вики-энциклопедия). Фин, Шмуэль Йосеф.* —: (21.08.2015).

25. *Викитека*. Соломон Дубно // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. —: (21.08.2015).

26. *Википедия*. Мендельсон Мозес. —: (21.08.2015).

27. *Википедия*. Рабби Йеѓуда Ганаси (ивр.). —: (21.08.2015).

28. *Neil Rosenstein*, Ashkenazic Rabbinic Families. // JewishGen, The Rabbinic Genealogy Special Interest Group (SIG). —: (21.08.2015).

29. [Майзель Йосеф, Жизнь Шимона Дубнова]
24—60 1954
30. Шимон Дубнов: историк и общественный деятель.
— на арамейском: человек книги и воитель] 2010 ISBN 978-965-227-279-9
- 31 [Шломо Энглард, К исследованиям родословных в Израиле]
(101—108): (24.08.2015).
32. [Шломо Энглард, К родословной гаона рабби Юдла, главы религиозного суда общины
Ковеля]
1997. (679—705): (21.08.2015).
33. [Шломо Энглард, К выяснению родословной... автора книги «Тания»]
(2004) (27.08.2015).
34. [Нафтали Аарон Векиштейн, Магарал из Праги]
2009
35. [Израэль Альтер Гробайс, Новый взгляд на историю Магарала из Праги, 2009
36. [Хаим Натан Дембицер, Совершенство красоты]
(1888): (21.08.2015).
37. Йехиэль Галперин, Значения именовании]
а) 1806, Dyhernfurt ((21.08.2015).
- б) 1939, Sato-Mare (Romania): (21.08.2015).
38. Йехиэль Галперин, Порядок поколений]
1882: (21.08.2015).
39. Аарон Валден, Имя Великих, новое издание], 1864: (21.08.2015).
40. [Израэль Тувия Айзинштат, Мудрость праведников] 1897—1898: (23.08.2015).
41. [Шломо Барух Нисенбойм, К истории евреев Люблина]
(1900): (23.08.2015).
42. [Гиллель Ноах Маггид (Штейншнейдер), Город Вильна]
1900: (23.08.2015).
43. [Шломо Бубер, Люди Имени, или Великие раввины]
(1895): (23.08.2015).
44. [Пинхас Песис, Город Дубно и его раввины]
(1902): (23.08.2015).
45. Шмуэль Йосэф Фин, Верный город]
1860 (а: (23.08.2015).
- 1915 (б: (23.08.2015).
46. [Листья мирта // Сборник, ред. Моше-Элиезер Бейлинсон]
(1865) The National Library of Israel.: (23.08.2015).
47. [Моше Элиезер Бейлинсон, Родословные некоторых еврейских семей] (1891)
48. [Мирные и верные в Израиле [из книги Шмуэль II, глава 20, стих 19] // Сборник, ред.
Моше Элиезер Бейлинсон]
The National Library of Israel.: (23.08.2015).
49. [Мирные и верные в Израиле // Сборник, ред. Моше Элиезер Бейлинсон] (1901)
The National Library of Israel. —: (23.08.2015).
50. [Акива ав-бейт-дин Борисова, Контрибуция от Египта]
(1865): (23.08.2015).
51. [Йосеф Йоски ав-бейт-дин Дубно, Основа Йосефа]
Zhitomir, 1867: (23.08.2015).
52. [Йосеф Йоски ав-бейт-дин Дубно, Священная мелодия [перевод С. М. Дубнова]]
Vilna, 1872: (23.08.2015).

53. [*Цви Гири Кайдановер ав-бейт-дин Франкфурта и Кракова, Правильная Справедливая мера [перевод С. М. Дубнова]*]
а) 1706, (Франкфурт-на-Майне) (23.08.2015).
б) (1982) (23.08.2015).
54. [*Хаим Зеев Маргалиот, Большой Дубно*]
– (1909). //.—: (23.08.2015).
– The National Library of Israel. —: (23.08.2015).
55. [*Моше бен Нахман (Мейшеле Раскес), Память Моше*]
(1873): (23.08.2015).
56. [*Шмуэль бен Йосеф ав-бейт-дин общины Люблина, Большой пир*]
(1609) (23.08.2015).
57. [*Моше Зеев ав-бейт-дин общины Белостока, Мар'от гацов'от*]
(1809) (23.08.2015).
58. [*Моше Зеев бен Элиезер, Пучек майорана*]
(1824): (27.08.2015).
59. [*Нафтали Аарон Векиштейн*]
а) [Об отношении семьи Магарала к царю Давиду, мир праху его] 118# (24.08.2015).
б) [Отношение автора книги Тания [*Шнеур Залман из Ляды*] к священным именам прошлого] /141# (24.08.2015).
60. [*Меир Вундер, Тысяча перлов*] (1992)
61. [*Д. Т. Эфрати, Истории великих*], 1875
(24.08.2015). "<...>» — «<...> и сделал имя твое подобным имени великих на земле», Книга «Хроники I», глава 17, стих 8)
62. [Респонсы раввина Йегуды Юдла из Люблина]
(1984)» (41—43): (24.08.2015).
- 63., [*Моше Давид Чечик, История раввина Шмуэля сына раввина Йосефа, автора книги «Большой пир»*]
(899—903) (24.08.2015).
64. [*Йосеф Бахарах, История Йакова Йосефа*]
(1867)
The National Library of Israel. — (24.08.2015).
65. [*Эфраим Мордехай Эпштейн, Мужество льва*]
а) (1870): (27.08.2015).
б) (1888), (27.08.2015).
66. [*Леви Авчинский, Наследие отцов*]
(1894) (27.08.2015).
67. [*Давид Маггид, Книга жизнеописаний семей Гинцбург*]
(1899): (27.08.2015).
68. [*Ш. Н. Готлиб, Скинии Имени*] (1912) (27.08.2015).
69. [Энциклопедия жизнеописаний великих Израиля / ред. М. Маргалиот]
а) (1947): (27.08.2015).
б) (1950) (27.08.2015).
70. [*Йосеф Левинштейн, Поколения и их проповедники*]
(1914): (27.08.2015).
71. [*Йосеф Коэн-Цэдэк, Еврейские семьи*]
(1890): (27.08.2015).
72. « [*Йосеф Коэн-Цэдэк. Будет справедливость для святилища [Даниэль, 8, 14])*] <>
205—220 (1900) 4, 207—220
(1902) The National Library of Israel: (27.08.2015).

73. [Ноах Цви бен Йоханан из Львова, Величие Цви] (1763): (27.08.2015).
74. [Д. Б. Вебер, Замечания к публикациям сборника «Ишурун»] «2001: (27.08.2015).
75. [Ш. С. Левин, Рабби Моше из Познани] (27.08.2015).
76. [Цви Галлеви Гурвиц, К истории общин в Польше] The National Library of Israel: (27.08.2015).
77. [Меир Перлеш [иначе — Перелиш, Перлес], Родословная] (1902) (27.08.2015).
78. [Х.-Д. Фридберг, Скрижали памяти] (1904) : (27.08.2015).
79. [Х.-М. Гейлман, Родословная Алтер Ребе] (1902) [L](#): (27.08.2015).
80. [Цви Гирш бен Йеџуда Юдл из Томковичей, Марей Цви], (1738) (27.08.2015).
81. Шломо бен Ицхак ГаКоџэн из Мезрич, Память Шломо]
82. [Нафтали Йаков ГаКоџэн, Сокровищница великих, почитаемых Йаковом]» (27.12.2015).
83. Neil Rosenstein, The Unbroken Chain CIS Publishers, New York, London, Jerusalem ISBN 0-9610578-4-X
84. A. Putík, D. Polakovič, Judah Loew ben Bezalel, called Maharal. A Study on His Genealogy and Biography (09.04.2016).

Шмуэль-Аба Городецкий

К родословной Шимона Дубнова

Предисловие, публикация и комментарии Александра Ойзермана

Перевод и примечания к нему Бориса Вайнבלата

Некоторые сведения о родословной Семена Марковича [Дубнова](#), как правило, предвзвешены научными исследованиями, посвященными жизни и трудам великого еврейского историка и общественного деятеля. При этом приводятся ссылки на источники, в списке которых неизменно присутствует статья Шмуэля-Аббы Городецкого, напечатанная в 1937 г. Ссылки на Городецкого даются с уведомлением, что наиболее полно родословная С. М. Дубнова изложена именно в этой статье*. Настоящая публикация содержит перевод статьи Ш. А. Городецкого с идиша на русский язык, выполненный Б. Вайнблатом**, с комментариями А. Ойзермана***. Сведения, приводимые в статье Городецкого (также, как и в других работах, в том числе и в «Книге Жизни» С. М. Дубнова), содержат пробелы в родословной и устанавливают генеалогические связи, которые не подтверждаются современными исследованиями. В связи с этим, совместно с данным переводом публикуется исследование А. Ойзермана «Родословная С. М. Дубнова», в котором генеалогия историка прослеживается с начала XVI в.

Примечания А. Ойзермана

* Википедия.

Статья В. Е. Кельнера;

K. Groberg, A. Greenbaum «A Missionary for History: Essays in Honor of Simon Dubnov», University of Minnesota, 1998;

** Борис Вайнблат. Еврейско-Русский словарь. Москва 1980 — Кфар-Саба 2012

*** Цифры в квадратных скобках, имеющиеся в тексте, являются порядковыми номерами публикаций, приведенных в разделе «Библиография». Ссылки на примечания редактора перевода в тексте — суперскрипты типа ^{e1, e2}... (в отличие от обозначения сносок Городецкого суперскриптами типа 1, 2). Дополнения редактора перевода в тексте и в авторских сносках Городецкого — вставки курсивом в квадратных скобках.

Ш. А. Городецкий (Берлин)

К родословной Шимона Дубнова

от Йеғуды-Юдла, сына раввина Моше из Люблина, до Шимона Дубнова

В XVI веке в Польше в самом разгаре были вражда и противостояние талмудизма и каббалы. Такие знаменитые раввины, как Шломо Лурия (Маѓаршал, или Рашал), Моше Иссерлес (Рема), Шмуэль Эдельс (Маѓарша) ^{e1} и другие резко выступали против изучения каббалы[1]. Все изменилось в XVII веке. Ужасные гонения в Польше, резня «тах-тат» ^{e2} [1648г.], тяжёлые потрясения, выпавшие на долю народа, обратили сердца преследуемых, измученных евреев к каббале, которая обещала утешение и надежду, возрождение сломленного духа. Само ужасное время, в которое жили евреи, весьма способствовало тому, что каббала от р. Ицхака Лурия из святой земли Израиля, побуждавшая народ к возврату к Богу и к добрым делам, дабы приблизить приход мессии, всё больше распространялась среди польских евреев. С большой радостью рассказывал известный каббалист Яков Темирлаш, автор книги «Сифра дицниута дийаков» (Амстердам, 1669), о стремлении к изучению каббалы: «Почти все, простой народ и учёные, стар и млад, стремятся приобщиться к божественной тайне и сделать ее

явью».[2] И простой народ, и раввины-талмудисты тогда отказались от борьбы против каббалы: они больше не рассматривали каббалу как противоположность раввинистическому учению, вчерашние враги заключили истинный мир и пошли рука об руку. Этому времени принадлежат имена великих талмудистов, которые были также и каббалистами: р. Йешайя Галлеви Горовиц «Шела гакадош» и его сын р. Шефтел Горовиц, автор «Вавей гаамудим», р. Натан Шапира, глава ешивы в Кракове, автор «Мегале амукот», и его сын р. Шломо, раввин Сатанова, и его ученик Берахья Шапира, автор «Зера Берах», и многие другие[3].

Вот в такой среде, в окружении талмудистов и каббалистов родился и вырос Йеѓуда-Юдл, сын раввина Моше из Люблина. Йеѓуда-Юдл родился в Люблине, год его рождения неизвестен. Люблин оставался его любимым городом всю жизнь, он часто подписывался «из Люблина». Он происходил из знатного рода известных раввинов, глав ешив в Польше и других странах. Его отец известен под именем «гаон раввин Моше из Люблина». Моше был сыном гаона Цви Гирша Саба, который был сыном гаона Йосефа-Йоски [или Йосеф-Яски], председателя раввинского суда Люблина. Цви Гирш Саба был женат на дочери Маѓарала из Праги^{е3} Тиле[4].

Мы можем представить, какое получил воспитание Йеѓуда-Юдл. Уже в юные годы он был известен как знаток Талмуда и трудов «поским»^{е4}. Со временем он начал постигать каббалу и вести [особо] праведный образ жизни. Он был так знаменит, что после смерти Давида Галлеви, автора «Турей Заѓав»^{е5}, в 1667г. его избрали главой лембергской ешивы «Вне города»^{е6}. Ешива под его руководством увеличилась, и ученики из различных стран учились в ней и внимали его «хидушим»^{е7} к Торе. В то же самое время в Лемберге служил раввин и глава ешивы гаон Цви-Гирш, сын раввина Захарии Мендла. Оба раввина были хорошими друзьями, и оба подписали аскаму^{е8} на книгу «Лэв Арье» Арье Лейба (Вильмершдорф, 1673), раввина Буска. Аскама датирована 1672 годом.

Годом позднее, в 1673 г., оба раввина были вынуждены покинуть город Лемберг из-за беспорядков и преследований евреев, и мы находим их в том же году в раввинатском совете в Пиньчуже^{е9}. Там оба дали аскаму на книгу «Лекет Шмуэль» Шмуэля Файбуша Каца (Венеция, 1694 г.).

Йеѓуда-Юдл в то время подписывался так: «малый [т.е. незначительный, принятая форма самоаттестации] Йеѓуда, именуемый Юдл, сын господина отца моего, нашего учителя и раввина Моше, благословенна память его, из Люблина, внешнегородской раввин святой

общины Львова, изгнанный как ссыльный, подписывает в Пиньчuve 15 ияра 5433г. [1673г.]. После того, как беспорядки в Лемберге стихли, он и его товарищ вернулись в свои дома. Мы снова обнаруживаем их в Совете раввинов в Пиньчuve, и вместе они дали аскаму на книгу «Диврей Шмуэль» Шмуэля Зайнвила, сына раввина Ханоха, из Люблина (Амстердам, 1698). В 1676г. мы находим их обоих в Совете раввинов в Ярославле^{e10}, где они вместе с другими раввинами подписывают разрешение на публикацию ТАНАХа в переводе на идиш (Амстердам, 1687)[5].

Позднее Йеґуда-Юдл покинул Лемберг и стал раввином и главой ешивы в г. Ковеле^{e11}. В 1689 г. он даёт там аскаму на книгу «Цафнат па'неах» Йосефа из Перемышля и на книгу того же автора «Ктонет пассим» (Франкфурт-на-Одере, 1691) и подписывается «Йеґуда, именуемый Юдлом, проживающий в общине Ковеля».

2

Как известно, в XVI веке опубликован «Шулхан Арух» [*«Накрытый стол»*], книга, которая оказала огромное влияние на жизнь и мышление европейских евреев. Однако эта книга не сразу завоевала ее исключительное место в еврейской жизни. Долгое время раввины с мировой известностью боролись против «Шулхан арух», не было полного согласия ни с методами [*изложения*], ни с содержанием книги. Но постепенно она пробила себе дорогу, в особенности после того, как р. Моше Иссерлес (Рема) сделал к ней свои дополнения и примечания «Гамапа» [*«Скатерть» к «Накрытому столу»*]. Только тогда книга была принята как «Учение Моисея» всеми евреями во всех общинах рассеяния. То время можно назвать эпохой «Шулхан Арух». Особенно способствовал принятию этого сочинения как книги основных законов евреев великий комментатор и толкователь «Шулхан Арух» Давид Галеви (который был раввином в предместье Лемберга перед Йеґудой-Юдлом), автор известного комментария «Турей Заґав».

Еще будучи раввином в предместье Лемберга, Йеґуда-Юдл написал комментарий к первой части «Шулхан Арух» – к «Орах хаим» – под названием «Глас Йеґуды». Когда книга была закончена и совсем готова к печати, он узнал, что Давид Галеви кроме комментария «Турей Заґав» к части «Йорэ дэа» «Шулхан арух», написал также комментарий к части «Орах хаим». Рукопись этого комментария осталась у раввина из Синявы^{e12} рабби Моше, зятя рабби Йешая, сына Давида Галеви. Йеґуда-Юдл обратился к рабби Моше и предложил ему опубликовать «Шулхан арух – Орах хаим» с двумя комментариями: «Турей Заґав» – с одной стороны [*страницы*] и его комментарий «Глас Йеґуды» – с другой стороны, а в середине [*страницы*] – «Шулхан арух» [*собственно текст*]. Йеґуда-Юдл был так увлечён этой мыслью, что вложил в это предприятие свои деньги. Но по разным причинам его план не осуществился, а на те деньги, которые внёс Йеґуда-Юдл, без его ведома была выпущена книга «Диврей Давид» Давида Галеви – комментарий к Торе (Дихернфурт, 1686—1687). Его собственный комментарий «Глас Йеґуды» тем временем не был напечатан, и рукопись была позднее найдена у раввина Шломо Фрейдиша из Ляды. Также его книга о раввине Ашере сыне Йехиэля (Рош) не была напечатана и осталась в рукописи[6]. В книге «Правильная мера» [19] в ч. 39 упоминается его [*Йеґуды-Юдла*] комментарий к одному месту в книге «Зоґар», глава «Ваикра».

Йеґуда-Юдл умер в Ковеле в 1697г.[7] Его смерть была отмечена в раввинистическом мире как большая утрата, так как, кроме его большого авторитета в Талмуде и «поским», кроме его огромной проницательности и эрудиции, кроме его глубоких знаний в каббале, он был также великой личностью, великой в своей святости, в человеческих качествах, и не напрасно его считали знаменитостью своего времени^{e13}.

3

Со смертью Йеґуды-Юдла именитый род не угас. Наследие в учении и служении Богу, которое он перенял от своих родителей, он передал своим четырём сыновьям, которые отлича-

лись учёностью в еврейском Законе и набожностью: Йосефу-Йоски [*или Йосефу-Яски*], который был раввином в Минске и Дубно^{e14}; Моше-Зееву, который был раввином в округе «Галиль Эльон» Минска; Арье-Лейбу, который был раввином в Слуцке; Моше, который был раввином в Познани. Имена этих сыновей упоминают надёжные источники: рабби Ицхак, издатель и редактор книги «Значения именовании» Йехиэля Галперина, его деда^{e15}, автора известного произведения «Порядок поколений» [*ивр. – «Сэдэр гадорот»*]. В своём предисловии к этой книге рабби Ицхак представляет свое родство с рабби Йеғудой-Юдлом из Ковеля: его [*Ицх-ака*] отец Шломо Кағана был сыном Ицхака Кағана, который был сыном Аарона Кағана, который был зятем [*мужем дочери*] Йеғуды-Юдла, главы раввинатского суда в г. Ковеле. Его [*Ицх-ака*] отец поэтому являлся родным внуком Аарона, зятя Йеғуды-Юдла, и он, рабби Ицхак, был его [*Аарона*] правнуком. Рабби Ицхак, редактор «Значений именовании», умер перед тем, как книга была напечатана, и в аскамот к книге уже писали о нём: покойный. Как мне кажется, его отделял от Йеғуды-Юдла интервал всего в 80 лет, и он мог хорошо знать всю его семью. Поэтому, по моему мнению, можно полагаться на его свидетельства по поводу четырёх сыновей Йеғуды-Юдла. Естественно, отпадает критика Хаима-Натана Дембицера[8] против Ш.-Й. Фина[9], который упоминает этих четырёх сыновей (не указывая свой источник). Дембицер хочет доказать, что у Йеғуды-Юдла было только двое сыновей: Йосеф-Йоски и Моше-Зеев-Вольф. Его аргументы против Ш.-Й. Фина очень слабые и необоснованные, поэтому он и не указывает никаких источников, касающихся сущности вопроса. Ему самому можно предъявить претензию: почему он не смотрел предисловие к книге «Значения именовании», которое гораздо важнее и достовернее, чем все домыслы, которые он приводит. В ту же самую ошибку впадает Айзинштат[10], который считает только двоих сыновьями Йеғуды-Юдла, раввина Ковеля: Йосефа-Йоски и Моше-Зеева-Вольфа. Действительно, наиболее известными из четырёх были эти двое.

Моше-Зеев-Вольф, второй сын Йеғуды-Юдла, был известным знатоком и толкователем Закона и каббалистом. Он был раввином и главой ешивы в округе «Галиль Эльон» Минска и зятем Элиэзера Маргалиота, раввина и главы ешивы в Любомле^{e16}, который был сыном Менахема Мендла Маргалиота, раввина и главы ешивы в Перемышле. Моше-Зеев был известен своей большой ученостью и имел пять учеников. Одним из них был прославленный гаон и математик р. Йонатан сын р. Йосефа, раввина в Ружанах^{e17}, автор книги «Йошуа бейисраэль» (Франкфурт, 1720). В 1701 г. Моше-Зеев с другими гаонами Литвы дал аскаму на издание книги «Рош Йосеф» Йосефа сына рабби Якова, главы раввинатского суда из Селец; в 1714 году он дал аскаму на книгу «Огэл Яков» Якова Кағана Шапиро. Как в упоминавшейся книге «Йошуа бейисраэль», так и в книге «Огэл Яков» были напечатаны «Хидушей Тора» [*комментарии к Торе*] Моше-Зеева[11].

После него [*Моше-Зеева*] осталось 5 сыновей, все большие знатоки Закона и известные раввины. Всех вместе их называли **АНАШИМ** () – акроним их имён: Элиэзер, раввин в Могилёве в Белоруссии, он дал совместно со своим отцом аскаму на книгу «Огэл Яков» в 1714 г.; Натан-Нета, раввин в Родошковичах; Шмуэль, раввин в Ракове; Йеғуда-Юдл, раввин в Тимковичах; Менахем-Мендл, раввин в Глуске, в округе Минска. Он [*Менахем-Мендл*] дал в 1736 г. аскаму на книгу «Маре Цви» своего внука Цви Гирша[12] (Оффенбах, 1738)^{e18}.

4

Наиболее известным среди сыновей Йеғуды-Юдла был Йосеф-Йоски, старший сын. Он был известен как ученый, как моралист и как каббалист. Его причисляли к величайшим людям своего времени, он был достойным наследником своего отца, своих дедов и прадедов, многих поколений великих раввинов и каббалистов.

Он родился в начале 1659 г. в Люблине^{е19}. У своего отца он учил Талмуд и каббалу, уже в юные годы проявлял он остроту ума и основательностью в учении. Как и его предки, отличался он набожностью, праведностью и любовью к еврейскому народу.

О его манере вести себя в обычной жизни рассказывают вот что. Он старался, чтобы первое произнесенное слово утром после пробуждения относилось к Торе или молитве. К определённому времени он приходил в синагогу на молитву, никогда не беседовал там на будничные темы, занимался только учением и молился. Его молитвы были глубоко осмысленны, он всем сердцем верил в изречение из каббалы, о том, что каждую букву Торы и молитвы опекает ангел. Разрушение Храма, страдания в изгнании, великие несчастья евреев в прошлом постоянно живо стояли перед ним. Он переживал их ежедневно, они приносили ему глубокие страдания. Великие беды еврейского народа постоянно приводили его к рыданиям и надломленности. Он говорил: «Не приведи Б-г забыть мне о разрушении Храма и избиении святых овец [*паствы израильской*], да отомстит Б-г за их кровь, и всегда в душе моей будут стоять слова плакальщика: «Как мне вкушать еду и напитки в то время, когда вспоминаю я, что собаки волокут молодого льва твоего, и как мне радоваться в праздник, как веселиться в Пурим, пока не придут дни твоего счастья?» Одной из его утренних молитв была: «Владыка вселенной, смилуйся надо мной и над всем бедным твоим народом Израиля и над всеми идущими голыми и босыми, голодными и жаждущими и отдавшими души свои во славу Твоего святого имени» [13].

Йосеф-Йоски был исключительно нравственной личностью. Постоянно думал, как улучшить свой характер, стать цельным человеком, достичь совершенства. Рано утром, сразу же после пробуждения он произносил такую молитву: «Да будет воля твоя, Б-г мой и Б-г предков моих, чтобы не поднялась зависть моя и ненависть моя к другим и не вызвал я гнев Твой. Повелитель Мира, удостой меня скромности и смирения, да минует меня дорога лжи». [14] Скромность и смирение были для него главными жизненными ценностями, ибо заносчивость – это, воистину, идолопоклонство. Он предостерегал и остерегался сам впасть в гнев, зависть, лесть; он требовал не ругать и не клясться и принять себе за правило в жизни: «Не делай скрытно то, что ты стесняешься сделать открыто». [15] Его сердце было всегда на стороне бедных и угнетенных, он постоянно вступался за честь бедняка и глубоко ему сочувствовал. Он яростно выступал против глав общин и старейшин, которые притесняли бедный народ. С негодованием обрушивался он на тех раввинов, которые «перекладывают свои нужды на общество, когда они сидят в своих домах или идут по дороге, вынуждая других кормить и поить себя, давать им лошадь, и телегу, и пищу в дорогу и требуют свою долю, и говорят: „Дай! Дай!“ и никогда не насыщаются богатством». [16] Он обвиняет также тех руководителей и лидеров [*общин*], которые по сути являются угнетателями и эксплуататорами бедного народа. Он описывает творящих беззаконие: «Наслаждаются и нежатся, и не платят ни пошлин, ни налогов, облегчают жизнь себе и обременяют других. Они первыми принимают участие во всех угощениях, и лица их всегда румяные, холёные и здоровые из-за похоти в их сердцах. Святая община, дети Авраама, Исаака и Якова, подавленные и униженные, обречены быть голыми и босыми под тяжестью налогов. Сборщики налогов приходят в их дома, с жестокостью хватают и тащат всё, что находят, и они остаются голыми, без домашней утвари и одежды, которую они приготовили для своих жён и детей; всё конфисковано и продано за уплату налогов. У бедных людей вытаскивают солому из кровати, они дрожат от дождя и холода, они плачут каждый в своём углу со своими жёнами и детьми». [17]

Йосеф-Йоски был воплощением духовности. И он требовал от каждого еврея, чтобы все дела его были освящены духовностью, чтобы он постоянно имел в сознании Бога, ибо в этом – назначение человека. Учёность же только тогда хороша и важна, когда она приводит к добрым делам, к богобоязни и любви к Богу, и она превращается в ничто и даже вредна, когда приносит пользу только для тела. Ибо что же такое тело? «Полное ничто. Ибо тело становится ничем и исчезает, и все его страсти и удовольствия проходят, как будто их не было. Какой же смысл

в такой учёности?»^[18] Чтобы достигнуть истинной набожности, богобоязненности и любви к Богу, наилучший совет – отдаляться от людей: каждый день в определённое время уединяться, а раз в месяц устраивать полное уединение, скрываться в тихом месте и там в полной отрешённости сливаться с Богом ^[19].

5

Рабби Йосеф-Йоски был вначале раввином в округе Минска. Там он дал аскаму на книгу «Ховот галяваот» с комментарием «Маноах» (Зольцбах, 1691). В 1698г. он стал раввином в Дубно. В том же году он дал аскаму на книгу «Нафтали сва рацон» (Амстердам, 1708). Аскама подписана им так: «Йосеф сын знаменитого раввина Юдла, благословенна память его, пребывающий в округе Галиль Минска, и кагал его – в священной общине Дубно Раббати [*«Большой Дубно»*] в день первый Тамуза 5458г. [1698г.]» ^[20]

В Дубно он также преподавал Тору и воспитал множество известных учеников. Одним из них был Гирш Кайдановер (сын великого гаона рабби Аарона Шмуэля), который широко известен своей самобытной, популярной книгой по иудаизму для женщин и простого народа «Правильная мера». Кайдановер с великим почтением говорит о своём раввине. Он рассказывает, что учился у многих гаонов Израиля, у своего знаменитого отца; он пишет: «Но важнее, чем изучение [*Торы из уст его*] было пребывание в среде мудрецов. И вот увидел я путь добра и праведности от моего блистательного раввина, гаона, благочестивого р. Йосефа, сына покойного гаона р. Йеғуды-Юдла, благословенна память его».^[21] Он [*Кайдановер*] признавал, что в книге «Правильная мера» заимствовано много от его учителя, но он не говорит, что почти вся его книга переписана с книги [*рабби Йосефа-Йоски*] «Основа Йосефа», которая так и осталась в рукописи почти на 100 лет^[22]. В «Правильной мере» он два раза вспоминает своего раввина, в части 85 и в части 96 ^{e20}.

Раввин Йосеф-Йоски написал книгу «Основа Йосефа» с целью показать, как должен себя вести еврей в своих отношениях с Богом и с людьми. Книга полна нравоучений, практических наставлений и историй о праведниках (Шклов, 1785).^{e21} Вторая его книга «Священная мелодия» содержит правила и обряды, которые должен соблюдать еврей, а также сведения о собственной жизни автора, в частности, подчеркивается его склонность к аскетизму. Книга содержит также субботнюю песню на арамейском языке в духе каббалы с комментарием автора (Жолква, без даты). Книга была переиздана с различными приложениями в Вильне в 1872 г. ^[18]

Йосеф-Йоски умер в Дубно в 1706 г. ^{e22} Перед смертью он завещал похоронить себя в его одежде поверх савана, а также вложить ему в руку его посох. Его имя осталось священным не только в общине Дубно, но и в различных других общинах. О Йосефе-Йоски ходили различные легенды. Рассказывали, что примерно через 22 года после его смерти могильщики копали рядом с захоронением Йосефа-Йоски могилу для скончавшегося гаона Йеғошуа Гешля, сына рабби Элизера. В открывшейся могиле Йосефа-Йоски обнаружили тело как бы спящего человека, который держал в руках посох^[23].

После его [*р. Йосефа-Йоски*] смерти его сын Бенцион был раввином в Городке^[24]^{e23}. Сыном Бенциона был раввин Йехезкель; последний имел сына также с именем Бенцион – «Бенцион Хацкелевич», как писалось в русских документах в Мстиславле ^{e24}. В книге городских еврейских хроник [*пинкас*] города Мстиславля его имя встречается начиная с 1761 года среди списков должностных лиц общины, которые обычно избирались ежегодно. Он умер в начале XIX века, и его место в общине занял его сын Зеев-Вольф. Он [*Зеев-Вольф*] почитался как значительный ученый, он много лет посвятил преподаванию в бейт-мидраше Талмуда и поским. Он умер в 1842 г. Его сын, тоже Бенцион, был незаурядный знаток еврейского Закона, но вначале занимался торговлей; позже он отказался от своих торговых предприятий и целиком

отдался занятиям Торой, преподаванию Талмуда и поским. Его сын Меир-Яков, прилежный студент ешивы и торговец (родился в 1833 г., умер в 1887 г.) – отец Шимона Дубнова [25].

Итак, перед нами долгая родословная, линия которой проходит через несколько столетий, поколение за поколением, непрерывным рядом выдающихся личностей. Образцы учёности и мудрости появлялись в этом роду в различные времена и в разных местах, от великого Мағарала из Праги ^{е26}, через рабби Йеғуду-Юдла, председателя религиозного суда в Ковеле, и его сына рабби Йосефа-Йоски, председателя религиозного суда в Дубно, до Шимона Дубнова, нашего современного еврейского историка.

Шимон Дубнов – последний блистательный представитель этой фамилии. Он истинный наследник духа, который царил в семье в течение столетий. Как бы ни отличался он от своих родителей и прародителей, тем не менее он плоть от плоти своих предков. Большую любовь к еврейскому прошлому, любовь к еврейскому народу вообще и к каждому еврею отдельно Дубнов унаследовал от своего далекого пра-прадеда раввина Йосефа-Йоски из Дубно. Так же, как и его деды, он, Шимон Дубнов – личность высокой нравственности. Дубнов полностью перенял завет р. Йосефа-Йоски, в котором тот наказывал жить в скромности, довольствоваться малым, избегать почестей и популярности, вникать в проблемы и любить каждого человека. О Ш. Дубнове по праву можно сказать: великий наследник великого прославленного рода со времён Мағарала из Праги.

Перевод Бориса Вайнבלата (Кфар-Саба, Израиль)

Примечания

[1] Респонсы Рашала, 98; Респонсы Рема, 7; «Торат гаоле» [соч. РеМА], ч.3, гл.4; «Цав гагига» соч. Мағарша, гл. «Эн доршин», к стиху «Аф ло кашиа»

[2] В его [Раввина Темирлаша] аскаме на книгу «Ор хадаш» рабби Хаима Бухнера, Амстердам, 1661

[3] Х.-Н. Дембицер, «Совершенство красоты», ч.2, С.120—121 [5].

[4] Йехиэль Галперин, «Значения именовании», в Предисловии [6];

А. Валден, «Имя Великих, новое издание», буква «йуд», ч.43 [7];

И.-Т. Айзинштат «Мудрость праведников», С.77 [8]

Ш.-Б. Нисенбоим «К истории евреев в Люблине», С.130—135 [9];

Г.-Н. Магид (Штейншнейдер) «Город Вильна», С.275 [10]

[5] Шломо Бубер «Великие раввины», ч. 186 и ч. 479 [11]

[6] Рабби Аарон, его предисловие к книге «Диврей Давид»;

Х.-Н. Дембицер, «Совершенство красоты», ч.1, С.68,70,77,84 [5].

[7] П. Песис, «Город Дубно и его раввины», С.20 [12]

[8] «Совершенство красоты», ч.1, С.69, 70² [5].

[9] «Верный город», С.97 [13].

[10] «Мудрость праведников», С.78 [8]; Бенцион Айзенштадт «Раввины Минска и его мудрецы», С.13 [14].

[11] Х.-Н. Дембицер, «Совершенство красоты», ч.1, С.68, 70² [5]; «Мудрость праведников», С.78, 79 [8].

[12] «Мудрость праведников», С.79 [8]; Айзенштадт «Раввины Минска и его мудрецы», С.14 [14].

[13] «Основа Йосефа», в Предисловии (Шклов, 1785) [17]; «Священная мелодия», (Вильна, 1872), С.10—12 [18].

[14] «Основа Йосефа», ч.70 [17].

[15] Там же С.11,12 [17].

[16] Там же, в Предисловии [17]; «Священная мелодия», С.13 [18].

[17] «Основа Йосефа», ч.8, см. также ч.36 [17]

[18] Там же ч.1 [17]

[19] Там же; «Священная мелодия», С.11 [18].

[20] Х.-З. Маргалиот «Большой Дубно», С.13 [20];

П. Песис «Город Дубно и его раввины», С.18 [12]

[21] Цви Гирш Кайдановер «Правильная мера» [перевод С. М. Дубнова]; в предисловии автора (Львов, 1865) [19].

[22] С. М. Дубнов, из «Книги моей жизни» [Рига] 1932, С.538 [Современное издание [2]];

Э. Чериквер в «Труды ИВО» Том 4, 159—164

[23] «Священная мелодия», С.8,9 [18]; П. Песис «Город Дубно и его раввины», С.19 [12]

[24] Моше бен Нахман, «Память Моше» (Одесса, 1873) [21]; «Мудрость праведников», С.79 [8]

[25] С. М. Дубнов, из «Книги моей жизни», «Будущее», Рига, 1932, стр 536

Примечания редактора перевода (тексты с ивритскими буквами убраны по требованию издательского дома «Ридеро»)

Шмуэль Абба Городецкий (1871 г., Малин, Киевская губерния — 1957 г., Тель-Авив), еврейский историк, близко знавший С. М. Дубнова. (ивр.)

Статья Ш.-А. Городецкого «К родословной Шимона Дубнова» напечатана в альманахе «Хисторише Шрטיפтн», стр. 1 8 (Printed in Poland, Żidowski Instytut Naukowy, Prace Historyczne T. II pod red. E. Tscherikowera, Wilno, 1937); статья на идише с аннотацией на английском языке. Репринт статьи на английском языке: S.A. Horodetzky. The Genealogy of Simon Dubnow. YIVO Annual of Jewish Social Science, New-York, 1951, Vol. 6, pp. 9—18.

Во вступительной статье альманаха «Хисторише Шрטיפтн» Илья (Элиас) Чериквер — один из создателей Института еврейских исследований YIVO и редактор тома — пишет:

«Выпуском этого тома историческая секция Института Еврейских Исследований осуществляет старое обещание и выполняет моральный долг отметить юбилей её уважаемого почётного председателя и старого друга, который тесно связан с Институтом вообще и с его исторической секцией в частности. Из-за тяжёлых условий нашей работы издание тома к 70-летнему юбилею Ш. Дубнова в своё время не могло осуществиться. Вследствие событий в Германии секция была насильственно вырвана из Берлина и перенесена в Париж, и вот сейчас выходит в свет том по случаю 75-го дня рождения Дубнова. Все статьи, которые здесь напечатаны, были написаны специально для этого тома в честь юбиляра».

^{e1} Шломо бен Йехиэль Лурия (1510—1573) «Мағаршал» — — раввин, исследователь и комментатор Талмуда, каббалы и ґалахи. Ректор ешивы в Бресте, Остроге и Люблине.

Моше бен Исраэль Иссерлес (1530—1572) «Рема» — один из самых знаменитых раввинов, написавший комментарий к «Шульхан арух» («Накрытый стол») — книгу «Мапа» («Скатерть»). URL (10.01.2019) URL (10.01.2019)

Шмуэль-Элиэзер Галеви Эйдельс (1555—1631) «Мағарша» — — раввин и талмудист, один из великих «ахроним»; известен своими комментариями к Талмуду — хидушим на ґалахот и на агадот. (24.07.2016)

^{e2} Погромы «тах-тат» — установившееся название массовых убийств евреев, которые сопровождали восстание казаков и крестьян во главе с Богданом Хмельницким 1648 г. По еврейскому летоисчислению это были годы 5408—5409: [1] том 4; [25].

^{e3} Йешайя Галеви Гурвиц (1558—1630), прозванный «Гашела Гакадош» по названию его книги; один из религиозных авторитетов XVII в. (10.01.2019).

Шабтай Шефтел Галеви Гурвиц (1592—1660); глава ешивы, раввин в Праге, Франк-фурте, Фюрте и Вене; издатель книги его отца Йешайи Гурвица, автор книги «Вавей ґааму-

дим». (10.01.2019) Натан Нета Шапира из Кракова (1584—1633); раввин, каббалист, один из религиозных авторитетов; известен по его книге «Мегале амуко́т». (10.01.2019)

Маґарал из Праги — Лейва бен Бецалел (по транскрипции С. М. Дубнова [1]), 1512—1609 — крупнейший раввин, галахический авторитет, мыслитель и ученый. Отношение к Маґаралу со стороны религиозных авторитетов того времени было весьма неоднозначным, что выразилось в постоянных скитаниях Маґарала от общины к общине, в отказе предоставить ему место главы пражского раввината и т. д. Вокруг Маґарала образовалось много легенд и красивых романтических историй, но нет объективного, непреложного жизнеописания ([3], [22], [23], [24]). Относительно родственной связи предков Дубнова с Маґаралом см. статью «Родословная С. М. Дубнова».

^{e4} Поским (буквально — «выносящие решения») — термин, обозначающий ученых, посвятивших себя решению практических проблем ґалахи, в отличие от мефаршим (буквально «толкователи», «комментаторы»), занимавшихся ее теоретическим изучением и объяснением.

Ғалаха: талмудическое рассуждение; поским: раввинские кодексы (переводы на русский язык по С. М. Дубнову [26], С. 198).

^{e5} Давид ҒаЛеви Сэґел (1586—1667), прозванный «ҒаТуз» — акроним названия его книги «Турей заґав»; раввин и посек. URL (10.01.2019)

^{e6} Львов (на немецком и на идиш Лемберг). Крупнейший торговый центр старой Польши. Евреи проживали во Львове с XIII в., частью в гетто в городе, частью в предместье, за городом («Ғалиль»), образуя две отдельные общины. Львов был центром русской области «Совета четырех областей» — центрального органа автономного еврейского самоуправления Великой Польши (Познань, Калиш), Малой Польши (Краков), Червонной Руси (Львов) и Волыни (Острог, Луцк, Лодимир, Кременец), действовавший в XVI—XVIII веках. Совет управлял делами общины, как духовными, так и мирскими, каґальными. Во главе Совета стояли выдающиеся личности еврейского народа. В литературе можно встретить наименования «Совет четырех земель», «Совет четырех стран». Здесь использовано наименование по С. М. Дубнову: «Совет четырех областей» — [1] том 3, С. 321 и том 4, С. 78—79. О «Совете» [«Вааде» — ивр.] см. также статью С. Я. Борового в книге «Еврейские хроники XVII столетия» [25].

^{e7} Хидушим — новые толкования, новшества в комментариях к талмудическим или раввинистическим текстам, извлекающие из них новый смысл, выводы или принципы.

^{e8} Аскамот (ед. аскама; рус. — апробации, англ. — approbations) — письма уважаемых раввинов, предваряющие текст книги, в которых устанавливается значимость и благочестивость публикации; полномочие, легитимация публикации.

^{e9} Пиньчув — город на юге Польши, в прошлом один из известных центров еврейской учености. (10.01.2019)

^{e10} Ярослав — город в Польше на реке Сан; важный торговый пункт с конца XVI в., одно из мест заседаний «Совета четырех областей». (10.01.2019)

^{e11} Ковель (на идиш Кавеле, Ковли) — город в Волынской области, Украина. (10.01.2019)

^{e12} Синява, Sieniawa) — город в юго-восточной Польше. (10.01.2019)

^{e13} Наиболее полное исследование жизни и родословной раввина Йеґуды-Юдла из Ковеля — замечательная работа ученого-генеалога раввина Шломо Энгларда, опубликованная к 300-летней годовщине смерти гаона [4].

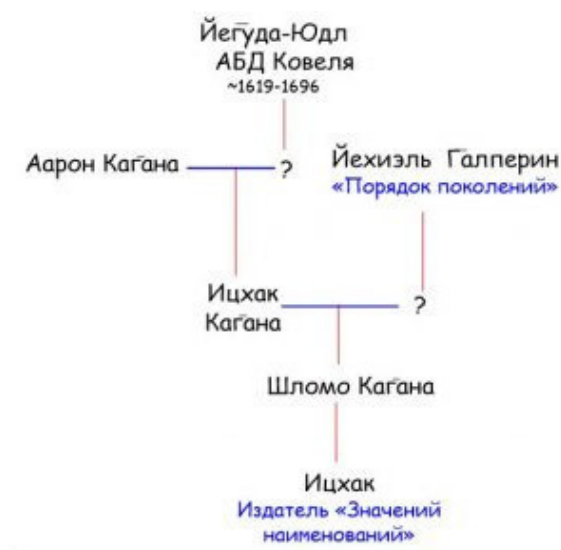
^{e14} Ду́бно — город в Ровненской области Украины.

Вот как описывает Натан Ганновер ([25] С. 114) трагедию Дубно во времена хмельничины:

«Св. община великого Дубно. Там была самая сильная в Польском королевстве крепость, находившаяся под командованием гетмана князя Доминика. После того, как князь и паны

бежали с поля битвы, в городе оставалось много сотен евреев, которые были убеждены, что они найдут в крепости спасительное убежище. Когда разбойники подошли к городу Дубно, один пан с 80 воинами из людей упомянутого князя вошел в крепость, запер ее ворота на засовы и не дал проникнуть в крепость ни одному еврею. Так все евреи были убиты у стен крепости, всего 1100 душ. Когда злодей Хмель [Б. Хмельницкий] (да будет стерто его имя) пришел в св. общину Дубно, он поразился мощности крепости и решил, что нет возможности овладеть ею и что глупцами были паны, бежавшие из нее. В крепости находились большие богатства и евреев, и панов, но Хмель (да будет стерто его имя) не осадил ее по причине ее неприступности».

^{e15} Рабби Ицхак, издатель «Значений наименований», был не внуком Йехиэля Галперина, а его правнуком: Йехиэль Галперин — тесть Ицхака Кагана (сына Аарона Кагана), отца Шломо Кагана, отца рабби Ицхака (см. граф).

^{e16} Любомль — город в Волынской области Украины. (10.01.2019)

^{e17} Ружаны — городок в Белоруссии на реке Ружанка.
(10.01.2019)

^{e18} Относительно имён сыновей Моше-Зеева, сына Йегуда-Юдла, председателя раввинского суда в Ковеле, у исследователей раввинской генеалогии имеются расхождения. Так, Бейлинсон [15] называет имена: Мендель, Ицхак, Нета, Шмуэль, Элиэзер. Йехиэль Галперин [6b] называет сына с буквой «йуд» в имени «Йосеф Маргалиот». Айзинштат [8] говорит о «Йегуде Иdle». Акива бен Элиэзер (сын первого из АНАШИМ) [16] называет этого сына именем «Ицхак», и это мнение представляется наиболее верным.

^{e19} К сожалению, Городецкий не указывает источник даты рождения Йосефа-Йоски. П. Песис в книге «Город Дубно и его раввины» [12]) называет место и время рождения рабби Йосефа-Йоски: Люблин, «в начале пятого века», т.е. после 5400 г. по еврейскому летоисчислению, или после 1640 г. по григорианскому; источник информации отсутствует. Точная дата рождения Йосефа-Йоски в изученных нами источниках не обнаружена и может быть оценена периодом 1635—1640 гг. (по известным датам рождения и смерти его отца и его потомков).

^{e20} Основное упоминание Йосефа-Йоски у Кайдановера в «Предисловии автора» [19].

^{e21} Первое издание «Основы Йосефа» — Шклов, 1785; второе издание — Житомир, 1867 [17].

^{e22} По современным оценкам Йосеф-Йоски умер в 1699 г. [4]

^{e23} Городок — город в Львовской области Украины. Городок известен как один из важных центров раввинского творчества. (20.01.2019)

Городецкий называет Бенциона раввином Городка, Бейлинсон же считает, что Бенцион был из Шклова, и эта точка зрения более доказательна ([27] С. 82—83). Бейлинсон [27], ссылаясь на Ш.-Й. Фина [13] [«Верный город»], с осторожностью говорит, что «в общине Городка был другой сын рабби Йосефа-Йоски ав-бейт-дин Дубно, который отсутствует в [имеющейся у Бейлинсона] родословной и который упомянут в „Верном городе“ <...> Требуется поиск». В книге «Ир Вильна» Х.-Н. Маггид приводит имя другого сына Йосефа-Йоски из Дубно — Аарон. Аарон был зятем рабби Йегуды Рипа (акроним — Рабби Йегуда Пинскер) и приобрел прозвище тестя — Рип. От Бенциона, сына Йосефа-Йоски, ведут свои родословные такие известные фамилии, как Гинзбург, Раскин, Дубнов ([10] С. 180, [21] С. 1). Аарон является родоначальником фамилии Страшун — знаменитой семьи раввинов, ученых, общественных деятелей; в их числе раввин Шмуэль Страшун (Рашаш, 1794—1872), один из выдающихся мудрецов Торы города Вильна, и его сын, знаменитый просветитель XIX века раввин Матитягу Страшун (1815—1886) ([10] С. 141, 190, 250, 251, 283; [13 (b)], С. 279, 280).

^{e24} Мстиславль — город в Могилёвской области Республики Беларусь. В традиционном еврейском произношении и публикациях — Мечислав, Амчислав. URL (20.01.2019) URL20.01.2019)

Библиография (ивритские тексты убраны по требованию издательского дома "Ридер")

1. С. М. Дубнов История евреев в Европе. Гешарим, Иерусалим / Мосты культуры, Москва, 2003
2. С. М. Дубнов Книга жизни. Материалы для истории моего времени. Воспоминания и размышления Гешарим, Иерусалим / Мосты культуры, Москва, 2004
3. Маггал из Праги: (20.01.2019)
4. [Рав. Шломо Энглард, К родословной гаона рабби Юдла, главы религиозного суда общины Ковеля] URL: (21.08.2015).
5. [Хаим Натан Дембицер, Совершенство красоты] (1888) URL: (21.08.2015).
6. [Йехиэль Галперин, Значения именований]
 - a) 1806, Dyhernfurt URL: (21.08.2015).
 - b) 1939, Sato-Mare (Romania) URL: (21.08.2015).
7. [Аарон Валден, Имя Великих, новое издание] 1864 URL: (21.08.2015).
- 8., Израэль Тувия Айзинштат, Мудрость праведников] 1897—1898 URL: (23.08.2015).
- 9., [Шломо Барух Нисенбойм, К истории евреев Люблина], (1900) URL: (23.08.2015).
10. [Гиллель Ноах Маггид (Штейншнейдер), Город Вильна], 1900 URL: (23.08.2015).
- 11., [Шломо Бубер, Люди Имени, или Великие раввины], (1895) URL: (23.08.2015).
12. [Пинхас Песис, Город Дубно и его раввины] (1902) URL: (23.08.2015).
13. [Шмуэль Йосэф Фин, Верный город] 1860 (a URL: (23.08.2015)., 1915 (b URL: (23.08.2015).
14. [Бенцион бен Моше Айзенштадт, Раввины Минска и его мудрецы] 1898 URL (20.01.2019).
15. [Мирные и верные в Израиле // Сборник, ред. Моше Элиэзер Бейлинсон [(1898) The National Library of Israel. — URL
16. [Акива ав-бейт-дин Борисова, Контрибуция от Египта], (1865) URL: (23.08.2015).
17. [Йосеф Йоски ав-бейт-дин Дубно, Основа Йосефа] Zhitomir, 1867 URL: (23.08.2015).

18. [Йосеф Йоски ав-бейт-дин Дубно, Священная мелодия (перевод названия С. М. Дубнова)] Vilna, 1872 URL: (23.08.2015).
- 19., [Цви Гирш Кайдановер ав-бейт-дин Франкфурта и Кракова, Правильная мера (перевод названия С. М. Дубнова)]
 - а) 1706, (Франкфурт-на-Майне) URL: (23.08.2015).
 - б) (1982) URL: (23.08.2015).
- 20., [Хаим Зеев Маргалиот, Большой Дубно]
 - а) (1909). — URL: (23.08.2015).
 - б) The National Library of Israel. — URL: (23.08.2015).
21. [Моше бен Нахман (Мейшеле Раскес), Память Моше] (1873) URL: (23.08.2015).
22. Нафтали Аарон Векштейн, Магарал из Праги], 69», 2009
23. [Израэль Альтер Гробайс, Новый взгляд на историю Магарала из Праги], 2009
24. A. Putík, D. Polakovič, Judah Loew ben Bezalel, called Maharal. A Study on His Genealogy and Biography URL: (09.04.2016).
25. Еврейские хроники XVII столетия. Эпоха «хмельничины». Гешарим, Москва-Иерусалим, 1997 URL: (21.03.2017).
26. Семен Дубнов, История хасидизма Москва, Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2014 ISBN 978-593273-354-7
27. [Шелумей эмуней Исраэль [Мирные и верные в Израиле (из книги Шмуэль II, глава 20, стих 19) // Сборник, ред. Моше Элиезер Бейлинсон [(1898) The National Library of Israel. — URL: (23.08.2015).

Любовь Гиль

200-летняя история моих предков и породнившихся с ними семей

**(Документы, письма, воспоминания родных)
Боград, Блох, Фельдман, Куперман, Абрамские,
Зайцевы, Шаргородские, Уманские, Стрельцис,
Баскины, Позины, Вайнцвайг, Темкины,
Гершкович, Каневские, Либерман, Сорокины
(продолжение. Начало в №4/2015 и сл.)
Глава XI (III, IV)**

Фельдман и Куперман

Недавно у меня появилось немало новых сведений о семьях – потомках ветвей Фельдман и Куперман, живших в Николаеве в XIX и начале XX веков.

Темкины

Первым ребенком из 8 детей в семье Иоэля-Бера Фельдмана, старшей сестрой пяти сестрам и двум братьям, в том числе моей бабушке, Басе Фельдман, была Ривка/Рива Берковна Фельдман, 1868 г.р.

Рива в 1888 году вышла замуж в Николаеве за бериславского мещанина Хацкеля Мееровича Темкина, родившегося в 1864 г.р. в семье Меера и Сары-Сосиль Темкиных. В главе III (Фельдман) [1] я уже писала о ней и её семье, перечислила ее детей: «Либа-Гитель, 1894 г.р., Махля, 1897 г.р., Лев, 1901 г.р., Яков, 1902 г.р., Цирель, 1905 г. и умершие в раннем детстве – Хаим-Мордух, (1889—1890), Герш (1898—1900), Эстер (1908—1908). Имена Циля и Лев я слышала в разговорах родных при упоминаниях о Темкиных. У меня хранятся фотографии Цирель (Цили) и Льва, но мне почти ничего неизвестно об их судьбе.

Недавно в «Яд ва-Шем» появились списки эвакуированных. В них я нашла Цилю Темкину, бухгалтера, эвакуировавшуюся в Молотово Омской области и ее брата Якова Темкина, инженера, эвакуировавшегося в Сталинград с женой, Ревеккой Ароновной Липницкой, дочерью Арнессой, 1934 г.р. и сыном Анатолием, 1939 г. р. До войны Циля и Яков с семьей жили в Николаеве. Какова их дальнейшая судьба, вернулись ли они в Николаев? На этот вопрос пока ответа нет».

К счастью, сейчас многое прояснилось в судьбе потомков Ривы Темкиной. Через сайт «GENI» меня нашла правнучка Якова Темкина – Даниэли (Даша). Её бабушка – моя троюродная сестра Арнесса, дочь Арнессы, Марина, и внучка Даша, живут в Иерусалиме. Арнесса и Марина репатрировались в Израиль из Ленинграда, Даша родилась в Израиле. Теперь благодаря интернету мы вышли на связь, Арнесса и поведала мне о своих родных.

К великому сожалению, бабушка и дедушка Арнессы, Рива и Хацкель Темкины ушли из жизни в годы Гражданской войны заболев тифом, вечная им память.

Арнесса Яковлевна Темкина (по мужу Полоцкая) поделилась со мной фотографиями из ее семейного архива. Благодаря названным ею фамилиям родных, Перельман, Соловьевы, а также спискам эвакуированных из Николаева с сайта «Яд ва-Шем» удалось восстановить некоторые подробности о семьях дочерей Ривы Фельдман-Темкиной, Таубы и Махли. Но, к сожалению, связь с потомками этих семей утеряна.

Тауба/Таня Темкина-
Перельман с внучкой
Риммой Хавкиной,
Николаев, 1946 г.

Среди новых находок найдена запись о рождении в 1891 году Таубы, старшей дочери в семье Хацкеля и Ривы Тёмкиных. После смерти родителей Тауба (в семье ее называли Таней) заменила мать своим сестрам и братьям. Таня с мужем, Григорием Перельманом, и детьми жила в Николаеве. У нее была дочь Лия (Люся), 1912 г.р. и сын, имя которого пока не установлено, известно только, что он пропал без вести в Финскую войну. У Люси была дочь Римма Хавкина, 1940 г.р., у Риммы двое сыновей Виталий, 1963—84 г.р. и Михаил, 1969—70 г.р.

Махля/Маня

Дочь Ривы Либа-Гитель/Люба Темкина вышла замуж, родила двоих детей, сына Харитона, в 1924 г. и дочь Шену/Жанну, в 1927 г. Но она очень рано ушла из жизни, оставив малых детей. Муж Любы, Иосиф В. Соловьев, овдовев, женился на младшей сестре жены, Махле Темкиной, её семейное имя Маня.

Шена/Жанна Иосифовна Соловьева, внучка Ривы Фельдман-Темкиной, с сыном Вадиком, Херсон, 1960-1970-е годы

Вместе они вырастили и воспитали его детей – племянников Мани. Маня стала для них очень преданной матерью и бабушкой их детям. В списке эвакуированных из «Яд-ва-Шем» она записана их матерью. До войны они жили в Николаеве, эвакуировались в Молотово Омской области. После войны семья проживала в Херсоне. Жанна получила профессию литератора, преподавала русский язык и литературу. Её сына звали Вадик.

Лев

Начало войны застало офицера Льва Хацкелевича Темкина в Одессе. Воевать он начал со второго дня объявления войны, с 23 июня 1941 г. Капитан Лев Темкин был награжден орденом «Красной Звезды», медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг.»

Лев Хацкелевич
Темкин с женой Ольгой
и племянницей
Арнессой Темкиной,
Новоборисов, 1953 г

Лев жил со своей женой Ольгой, врачом, в Одессе, Новоборисове, Кривом Роге, возможно еще в других местах. Детей не оставил.

Цирель/Циля

Циля Хацкелевна Темкина,
на отдыхе в Крыму, 1953г.

Циля Темкина была замужем, её мужа звали Володя, у них родилась дочь, но с горечью пришлось узнать, что малышка скончалась в эвакуации от голода. После эвакуации Циля вернулась в Николаев.

Циля была яркой личностью, все родные любили её, Арнесса вспоминает о ней очень тепло. Моя мама тоже часто вспоминала свою двоюродную сестру Цилю, они были очень дружны в детстве, Циля обладала легким характером, весёлая и общительная, она всегда притягивала к себе родных и друзей, а друзей у нее всегда было немало.

Яков

Яков Темкин женился на Ревекке Липницкой, коллеге и подруге его сестры Циля. Вместе они прожили долгую и счастливую жизнь, у них родились дочь Арнесса и сын Толя.

Яков Хацкелевич Темкин с
женой Ревеккой
Ароновной Дипницкой

Яков учился в Николаевском кораблестроительном институте, закончив который работал начальником сборочного цеха на прославленном заводе «Марти».

В начале войны было решено эвакуировать завод, предварительно взорвав его. Это было поручено восьми ведущим специалистам завода, в их число вошел Яков Темкин. Однако семьи сотрудников надлежало эвакуировать раньше. В эти дни Яков вернулся домой и сказал жене: «Собирайся в дорогу, вещей бери только 40 кг». 40 кг – на четверых членов семьи – Ревекку, ее маму и детей, ведь разрешили брать с собой по 10 кг на каждого. 4 августа 1941 г. Яков проводил семью в эвакуацию из Николаева в Астрахань. Ехали они в товарных вагонах-«теплушках», эшелоны бомбили, были раненые и даже погибшие. По прибытию в Астрахань выяснилось: там нет подходящего завода для сотрудников кораблестроительного завода «Марти». Было решено переправить семьи заводчан в Сталинград на тракторный завод. Из Астрахани в Сталинград переправлялись по Волге, плыли на теплоходе двое суток.

В это время семья потеряла связь с мужем и отцом, а он при подрыве завода был ранен, ведь в это время уже началось наступление гитлеровской армии. Раненый Яков с остальными семьей товарищами двигался на восток, преодолевая тяжелейшие испытания, и всё же всем восьмерым удалось остаться в живых. Наконец он появился в Сталинграде, где уже около двух месяцев находились его близкие. Завод находился под Сталинградом, в Сарепте. Там их поместили в барак, где они прожили полтора года. Родители Арнессы работали, отец на заводе, мама – в детском саду, с детьми дома оставалась бабушка. Ютились впятером в комнате, если можно ее так назвать.

Начались обстрелы вражеской авиации. Девочка Арнесса впервые увидела гибель человека. Это потрясло ее, она до сих пор не может спокойно об этом рассказывать. В бараках туалет находился во дворе, однажды во время обстрела в нем находился сосед. Он выскочил оттуда с простреленными рукой и ногой, окровавленный, еле дошел к парадной двери, сразу же выбежали соседи и кто-то из них, чтобы смыть кровь с раненого обдал его водой из ведра. И раненый сосед тут же молниеносно скончался.

В эти же дни Яков Темкин снова был ранен в ногу, пуля коснулась кости. Последствия этого ранения давали знать о себе всю его оставшуюся жизнь. Немцы стремительно наступали, двигаясь к Сталинграду, и предстояла новая эвакуация, в этот раз завод эвакуировали в Барнаул. Всех переправляли на корабliках через Волгу в город Энгельс, где уже ожидали эвакуированных.

И снова «теплушки», снова ужасающая картина предстала перед маленькой девочкой, счастливое довоенное детство которой уже было далеко позади. Эта тяжелая дорога в Барнаул тянулась целый месяц.

По прибытии в Барнаул заводчан и их семьи поместили в корпус мясокомбината, где им пришлось спать на холодных гранитных полках, раньше на них размещали туши скота.

Постепенно эвакуированные начали искать другое жилье. Ревекке удалось снять комнату в избушке, хозяйкой оказалась добрая женщина, Карповна, муж её был на фронте. Она с двумя детьми жила в этой избушке из двух комнатенок. В одной разместилась семья Карповны, в другой – семья Темкиных, жили дружно, во всём помогая друг другу. Комнатка была небольшая, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Дети спали на русской печи, бабушке устроили постель, родители спали на полу. Карповна работала на мясокомбинате, а там всем сотрудникам разрешалось выносить кровяную колбасу. Она делилась этой колбасой с семьей своих постояльцев. Арнесса до сих пор помнит её вкус, это лакомство казалось ей тогда райской пищей. Во дворе обе семьи выращивали капусту и картошку, еду готовила бабушка, умудряясь всех накормить из того, что было.

Семья Темкиных, Барнаул, 1953 г. Сидят, слева направо – Яков Хацкелевич, Ревекка Ароновна, сын Толя стоит – дочь Арнесса

Мама Арнессы, Ревекка Ароновна, сразу понравилась Карповне, как только она переступила порог ее дома в поисках жилья. Хозяйка расспросила Ревекку о ее семье и легко согласившись сдать комнату, сказала: «Ты такая симпатичная, наверное, и дочь такая же». Действительно, Ревекка и Арнесса были не только симпатичными, но и красивыми, и добрыми. Прошло какое-то время и местные власти потребовали от эвакуированных жильцов прописку.

Тогда Карповна впервые увидела в документах семьи Темкиных запись о национальности. «Так вы евреи» – сказала она Ревекке, добавив: «А у нас, я слышала, говорят, что все евреи страшные и с рогами. А вы такие красивые, милые люди!», и они вместе долго смеялись.

Темкины после окончания войны остались жить в Барнауле, в Николаев не вернулись.

Яков Хацкелевич Темкин ушел в мир иной в Барнауле в 1974г. Его супруга Ревекка Ароновна Липницкая-Темкина репатриировалась в Израиль из Ленинграда с дочерью Арнессой в 1992г. Она жила в Иерусалиме 12 лет, где ушла в мир иной в 2004г.

Да будет благословенна светлая память о Якове Хацкелевиче Темкине и Ревекке Ароновне Липницкой-Темкиной.

Арнесса

Дочь Якова и Ревекки, Арнесса, окончила школу с серебряной медалью в 1952 году в Барнауле. После окончания школы поступила в Ленинградский институт киноинженеров. Сам процесс поступления в институт оставил в памяти Арнессы горький привкус. В те годы в высшие учебные заведения медалистов принимали вне конкурса, без экзаменов. Из Барнаула в Ленинград было выслано письмо с документами медалистки, на которое прислали ответ с тремя вопросами:

- Где Вы были во время войны?
- Ваше Социальное происхождение?
- Ваша Национальность?

На семейном совете решили, что дочь должна ехать в Ленинград. По прибытию в город на Неве Арнесса пошла в институт, но, не обнаружив своей фамилии в списках, начала рыдать. Это был настоящий шок. Но судьба распорядилась иначе. Она остановилась в семье друзей её родителей, ленинградцев, которых война забросила в Барнаул, где они и подружился с семьей Темкиных. А незадолго до приезда Арнессы они вернулись в Ленинград. Вместе с недавней барнаульской школьницей глава этой семьи пошел к ректору института, он был искренне возмущен нарушением всех официальных правил приема. И этот разговор с ректором всё же принес результат. Арнессу зачислили в институт, но не на химический факультет, куда она подавала документы, а на механический.

Успешно завершив учебу в институте, получив диплом, Арнесса поехала по направлению в Одессу, где она 2 года работала киноинженером на Одесской киностудии. В Одессу к ней приехал ее жених, ленинградец Зиновий Полоцкий, выпускник того же института. Там и состоялось их бракосочетание.

Арнесса Яковлевна
Темкина, Ленинград, 1953г.

Вскоре они вернулись в Ленинград, там родилась их дочь Марина. Много лет Арнесса вела преподавательскую деятельность в техникуме по эстетике и черчению. В Ленинграде она прожила 40 лет, она до сих пор влюблена в этот прекрасный город на Неве. В разговоре с большим волнением вспоминает любимый город, конечно же, есть о чем вспомнить, ведь лет прожито там немало.

Арнесса счастлива, что теперь уже 26 лет живет Иерусалиме. Её дочь Марина совершила «алию» до приезда мамы и бабушки, в Израиле вышла замуж, здесь же родилась ее дочь Даниэли/Даша, сейчас студентка Тель-Авивского университета.

Брат Арнессы, Толя, с семьей живет в России, имеет сына Якова.

На мой вопрос: Какое событие в твоей жизни наиболее яркое, запоминающееся?

Арнесса отвечает: – День объявления Победы над фашистской Германией.

Она вспоминает этот незабываемый день очень часто. Помнит, как кто-то услышал по радио эту радостную новость, молниеносно остановились все дела, учеба в школе, работа. Люди выбежали на улицу и с возгласами побежали к центральной площади Барнаула, а там творилось что-то невообразимое. Эта картина, увиденная школьницей младших классов, до сих пор перед ее глазами.

Арнесса Яковлевна Полоцкая (Темкина) с внучкой Даниэли (Дашей), Иерусалим, 2007г.

Люди обнимались, целовались, плакали. Хотя, казалось бы, нужно радоваться, ликовать, наступил конец злодеяниям, тяжелейшим испытаниям, выпавшим на долю всего народа. Как точны слова песни – «Это радость со слезами на глазах!»

Арнесса Темкина,
Ленинград, 1953 г., на
капустнике

Еще одно яркое воспоминание Арнессы – 12 апреля 1961 года – полёт первого космонавта, Юрия Гагарина, встреченный огромным всеобщим ликованием. Арнесса вспоминает, как в Ленинграде, в её коллективе все сотрудники вскочили с мест и выбежали на улицу, где со всех сторон непрерывным потоком шли ленинградцы, взволнованные такой ошеломляющей новостью. Заполненные радостными людьми улицы, их ликование, отчетливо напомнили Арнессе День Победы – 9 Мая 1941-го в Барнауле.

Несомненно, в жизни Арнессы было немало ярких волнующих событий, но она выделила эти два. О моей троюродной сестре, Арнессе, я узнала только недавно, как и она обо мне. Очень жаль, ведь мы могли познакомиться давным-давно. Она – светлый человек, веселая, жизнерадостная, общительная с положительно заряженной энергетикой. Представляю, какой она была в молодые годы.

Гершкович

В главе IV (Куперман) [1] указаны дети моего прапрадеда Хаима Фальковича Купермана и его жены, прапрабабушки Либы Шмульевны. Их первенцем была моя прабабушка Хая-Сура Хаимовна Куперман (в замужестве Фельдман). Кроме нее перечислены все их сыновья. На основании новых находок из архива г. Николаева выяснилось, что у них была еще одна дочь – Идис Хаимовна Куперман (в замужестве Гершкович), 1855—56 г.р. – младшая сестра моей прабабушки.

Найдены архивные документы:

1. Запись о браке

«Николаев 7 августа 1879г. (по старому стилю). Жених – причисляющийся в Николаевские мещане Аврум Гершкович, 24 г., невеста – девица Идис, 23 г., дочь умершего солдата Хаима Купермана»

2. Запись о рождении сына

Отец – Николаевский мещанин Аврум Гершкович, мать – Идис (Иегудит), родился сын Яков» Роза Фельдман-Гершкович приходилась родной племянницей Идис (Иегудит, Юдифь) Куперман-Гершкович. Недавно обнаружена запись о рождении старшего ребенка Розы Фельдман-Гершкович, ее сына Якова Иосифовича Гершковича: «Николаев, 9 февраля 1895 г. по старому стилю, 27 швата по еврейскому летоисчислению. Отец – запаса армии Иосиф Шмульевич Гершкович, мать – Роза, сын – Яков». По всей видимости, эвакуировались они с заводом. Ранее о Розе Фельдман-Гершкович мне было известно немного, знала лишь из семейных преданий, что моя бабушка (3-й ребенок в семье Фельдман) была с ней дружна более, чем со всеми остальными сестрами. Мне было известно о переселении членов ее семьи в Москву в 1920-х–1930-х гг. Во всяком случае, точно установлено, что ее дочь Любовь Иосифовна жила в эти годы в Москве. Но о том, что у Розы был старший сын Яков, оставшийся жить в Николаеве и проживший там с семьей до начала войны, я узнала только сейчас. Стало ясно по именам внуков Розы, что Роза умерла не позднее 1937 г., а ее муж Иосиф не позднее 1921 г. Однако, у меня есть некоторые соображения, которыми решила поделиться с читателями в надежде, что кто-то узнает себя или своих знакомых в моем маленьком рассказе и сумеет подтвердить или опровергнуть мои предположения. Семья горьковчан состояла из 7 человек, очень стареньких прабабушки и прадедушки Саши, их дочери – бабушки Саши, его родителей, Саши и его младшего брата. Помню только имя ровесника моего сына – Саша.

Но главное — при переключке пассажиров рейса прозвучала фамилия Гершкович. Я знала, что у моей мамы были родственники с этой фамилией, причем в обеих её ветвях, в ветви Богград-Блох и в ветви Фельдман-Куперман, которые, кстати, между собой — не родственники, а однофамильцы. Ведь фамилия Гершкович настолько распространенная, что мне и в голову не пришло выяснять, имеет ли отношение эта семья к Николаеву, о чем сейчас сожалею. Прадедушка лежал на раздвижном инвалидном кресле, превращенном в койку и, по-моему, гово-

рили, что ему 96 лет. Бабушка Саши выглядела лет на 50 с небольшим, а мама — лет на 35. Вот я и сопоставила указанные возраста Якова, Марии и их дочери Розы, и очень подозреваю, что это как раз и была их семья. К сожалению, мы связь с этой семьей потеряли. В декабре 1991 г. из Холона мы переселились в Беэр-Шеву и как все новые репатрианты были озабочены налаживанием новой для нас жизни. Если Гершковичи — старейшие члены семьи, то у молодых — другие фамилии. Не могу толком объяснить, почему мы подружились в дороге именно с этой семьей, мама со старшими, а мы и наши дети с младшими членами славной семьи горьковчан.

Возможно, потому что и нас тоже было немало: мама, свекровь, мы с мужем и двое наших детей. А может быть на подсознательном уровне почувствовали родную кровь.

Каневские

Гитель Берковна Фельдман, в замужестве Каневская — родная сестра моей бабушки, Б. Б. Фельдман-Блох.

Слева направо — Гитель Берковна Фельдман-Каневская, дети — Рива, Борис, Марк, Юдко Ицкович Каневский, Николаев, 1913 г.

Как уже было написано, в Израиле я нашла моего троюродного брата Бориса Арьевича Каневского. После публикации [1], [2] он нашел фотографии его бабушки Гитель Берковны Фельдман-Каневской с ее супругом Юдко Ицковичем (Адольфом Исааковичем) Каневским и их детьми, а также фотографию его отца. Он мне и переслал эти фотографии.

Отец Бориса, сын Гитель Берковны, Арий Юдкович (Адольфович) Каневский родился в Николаеве 26 июля 1918г. по юлианскому календарю (или, как принято писать, по старому стилю). В 1920-х гг. семья Гитель (Кати) и ее мужа Юдко (Адольфа) Каневских переехала из Николаева в Москву. Дочь Рива находилась в начале войны в Конаково недалеко от Твери. Там, роя окопы она познакомилась и подружилась со славной русской девушкой Машей. Маша при рытье окопа была ранена в спину осколком гранаты, о чем не давал забыть, оставшийся на всю жизнь шрам. Паек им выдавали табаком, и Маша отдавала свой табак курящей подруге Риве. Их дружба продолжалась и после войны в Москве. Рива и познакомила Машу со своим братом, вернувшимся в Москву с военной службы на Дальнем Востоке в 1946 году.

Арий Юдкович/Адольфович Каневский во время службы на Дальнем Востоке, 1940 г.

Скончался Арий Адольфович Каневский в Москве в 1992 году, похоронен, как и его родные на Востряковском кладбище. Да будет память о нем и его жене благословенна.

Борис Каневский

Борис Арьевич Каневский родился в Москве в 1949г., автор 20 научно-технических статей, с молодых лет писал рассказы и стихи, в том числе, для детей, переводил с венгерского языка стихи для детей, публиковался в журнале «Костер». Живет с семьей в Тель-Авиве, женат, имеет сына и внука.

Переписка с Борисом Каневским

С моим троюродным братом, Борисом Арьевичем Каневским, у меня началась переписка. Приведу несколько фрагментов из нее.

1-е письмо Бориса мне:

Как Юлианский календарь и медиана в треугольнике способны повлиять на жизнь

«Мой отец, (Да будет благословенна память о нем) родился сразу после революции, отменившей букву «ять», Юлианский календарь, черту оседлости, много чего еще и даже «милость к павшим».

Как водится, родители отца позаботились о том, чтобы ребенку, кроме обязательного обрезания, было выписано свидетельство о рождении, в коем размашисто-чернильным пером указывалась дата рождения: 26 июля 1918 г. старого стиля, что соответствует 8-му августа по новому стилю, т.е. по григорианскому календарю.

О! В этом-то Юлианском календаре все дело. В 1937 году, через 19 лет мой отец был призван в армию и направлен на Дальний Восток (Амурская область, Сахалин, Курилы), который в те годы власть усиленно насыщала живой силой и техникой. Демобилизоваться он должен был бы к осени 1940 г. Но обстановка там была настолько напряженной, что ему довелось уйти на гражданку только в 1946 г.

Если бы в военкомате времени призыва озаботились использовать, как положено григорианский календарь, отцу надлежало бы быть призванным на год позже, а срок его демобилизации выпадал бы на осень 1941 г.

Это значит, что с большой вероятностью он мог бы оказаться на Западном фронте в 1941 г., что значительно уменьшало возможность моего появления на свет и, как неумолимое следствие, последующей репатриации в Израиль.

В 1966 г. я пришел на вступительные экзамены на геологический факультет МГУ, окончив, хоть и весьма среднюю, но все же специколу с геологическим уклоном. Один день в неделю нас обучали преподаватели того же МГУ и мы получили знания, достаточные, как оказалось в дальнейшем, чтобы не посещать занятия по всем геологическим дисциплинам на 1-м курсе, а просто являться на экзамены за оценкой «отлично».

Первым, как положено, предстояла математика письменная. Натасканный моим двоюродным братом Сашей (Александром Мордковичем – Л.Г.), к тому времени уже кандидатом физико-математических наук, и дорогостоящим репетитором, я рассчитывал на успех. Благополучно справившись с арифметической задачей, алгебраическими и тригонометрическими примерами, я застрял на банальной «Эвклидовке». Нужно было найти площадь треугольника при заданной медиане. Промучившись до конца экзамена, исписав кучу черновиков (они обязательно прилагались к чистовику) и проявив тучу сопутствующих геометрических знаний, я решения так и не получил. А ночью того же дня во сне (не шучу!) высветился ответ: надо было достроить проклятый треугольник до не менее одиозного параллелограмма.

Придя через некоторое время за результатами и не обнаружив против своей фамилии сине-карандашного прямоугольника, означающего роковой «неуд.», я воспрянул было духом, но на устной математике все встало на свое нормально-советское место: решив 4 задачи из 5-и и, как было сказано, проявив тучу сопутствующих геометрических знаний, я получил за письменную работу лишь «удовлетворительно».

Затем последовала спорная четверка по устной математике, никакая четверка по физике, пятерка по химии и тройка за сочинение, других оценок экзаменаторы-филологи не ставили практически абитуриентам негуманитарных факультетов. Из 15 возможных баллов по профилирующим дисциплинам (математика и физика) я получил лишь 11. При конкурсе порядка 10—15 человек на место (лирики-физики теряли популярность, «естественники», наоборот, приобретали) я был обречен. Уже на письменной математике советская система определила мое место в другой системе высшего образования. Забрав документы, и ни дня не потратив на подготовку, я успешно сдал экзамены в разрешенный евреям и полуевреям Московский Геологоразведочный Институт, окончив который, получил квалификацию ИНЖЕНЕРА, столь ничтожную в СССР, сколь весомую в Израиле. Престижный МГУ дал бы мне прекрасную, но менее востребованную здесь степень «академая».

Спасибо тебе, медиана, за то, что 23 года тому назад ты внесла меня инженером (100% по специальности) в Минстрой крошечной страны на Ближнем Востоке...

Мой ответ Борису Каневскому:

За всё судьбу благодарю (былое и думы)

Чем дольше живу, тем больше прихожу к мысли, что всё нашей жизни, предопределено судьбой, начертанной где-то бесцветными чернилами, которые со временем проступают на страницах книги жизни человека.

Давайте, возьмем для примера семью нашего прадеда, Иоэля-Бера Фельдмана, задумавшаяся о прошлом разветвленной семьи Фельдман к началу XX века. Его дети – наши бабушки, их сестры и братья жили в Николаеве, многие уже имели свои семьи, рожали детей. Кто из них, скажем в 1901 г. помышлял, что не пройдет и 30 лет, как почти все они разлетятся в разные стороны? А ведь, безусловно, это изменило ход событий в дальнейшем для каждого. Потом была война. Как точны слова – «Ах, война, что ты сделала подлая...»

Вот мы, родившиеся после Победы, могли и не родиться. А что можно сказать о тех, кто успел родиться до войны: многие сгорели в Холокосте, а тот, кто выжил, мог и не дожить до мая 1945 г. Наше рождение – это случайность или нет? Не знаю, знаю только – это счастье, подаренное Всевышним, это – судьба.

Вы, Боря, написали о своем отце, которому посчастливилось вернуться домой в 1946 г. Это – судьба. Среди моих знакомых были дети отцов, не вернувшихся с боев на Дальнем Востоке.

Что касается моих близких, то в своей книге (главе V [2]) в воспоминаниях моей мамы я описала, как она осенью 1941 г. в Харькове вскочила в вагон уже на ходу и тем спасла свою жизнь. А папа мой умирая в госпитале находился в мертвецкой; но, к счастью, он очнулся. Поняв, что вокруг никого нет, с большим трудом ползком добрался до коридора. Только там

его заметила медсестра, после чего его перенесли в палату. Наверное, моим родителям было суждено выжить и встретиться вновь в 1945-м.

А Миша, мой муж, родился в марте 1941 г. По дороге во время эвакуации мама потеряла его, а потом чудом нашла. Поделюсь с Вами моим рассказом «Между жизнью и смертью» об этих событиях. Он был опубликован в 364-м номере международного журнала «МЫ ЗДЕСЬ» ([16]).

Между жизнью и смертью

*«...ин васер ун файэр
Волт зи гэллофн фар ир кинд...»
(«...В воду и огонь
Она бы пошла ради своего ребенка...» – перевод на русский язык)
Из популярной песни «А идише мамэ»*

Эта подлинная история о тех, кому выпало жить, испытав на себе все превратности судьбы в роковые годы Второй Мировой...

В первые дни нападения фашистской Германии на Советский Союз муж Жени, Иосиф, ушел на фронт. А она осталась в Харькове с двумя сыновьями – подростком Павликом и родившимся в марте 1941-го Мишенькой. Все её родные жили в Днепропетровске, а в Харькове никого из родных не оказалось, и помочь ей эвакуироваться было некому. Все попытки приобрести билет на поезд оказались безуспешными. По городу начали ходить упорные слухи о том, что гитлеровцы в захваченных ими городах уничтожают евреев. Уже стало ясно, что оставаться здесь очень опасно. А вражеская армия тем временем приближалась к Харькову.

За считанные дни до немецкой оккупации Женя приняла решение идти с детьми на вокзал. После неоднократных попыток попасть в поезд, следующий на восток, ей всё же удалось уговорить одного машиниста. Но в товарных вагонах его поезда места не нашлось, все вагоны были перегружены людьми и оборудованием. Но, видно, доброе сердце билось в груди этого человека, пожалел он детей и их убитую горем мать. Он пустил их на паровоз. На одной из ближайших остановок этот парень решил облегчить участь младенца, тяжело дышавшего вблизи топки, и всё-таки нашел для них место в вагоне.

Душные вагоны, абсолютно не приспособленные для перевозки людей, были переполнены. Люди располагались на вещах, на оборудовании, перевозившимся с заводов и фабрик в глубокий тыл. Воды и туалетов в товарняке не было, добыть немного водички и кипятка можно было только на станциях. На одной из них, на станции Поворино, Павлик сошел с поезда в поисках воды, как и многие пассажиры, но все вернулись, а его всё не было, на зов матери он не откликался. Чтобы найти Павлика, Женя оставила в вагоне на минутку Мишу, а также сумочку с документами и немного вещей, из тех, что она и Павлик смогли донести до вокзала (в основном, предметы первой необходимости).

Павлика она нашла, но поезд к той минуте уже тронулся. Невозможно описать отчаяние матери, потерявшей в дороге свою крошку, своего ненаглядного полугодовалого сыночка.

О том, что пропали все её документы, она тогда не думала, это повлияло на её жизнь позднее, а в тот момент все мысли были только о малютке. Нужно было найти в себе силы, чтобы принять верное решение, и ей это удалось. В Поворино снова с невероятными трудностями ей с Павликом удалось пересесть в другой поезд. Безутешным было её горе. Не в силах сдерживать слезы, рыдая, не находя себе места, она несколько раз теряла сознание. Попутчики проявили сочувствие к несчастной матери, но успокоить её никому не удалось.

А поезд шел на восток, вот они проехали одну станцию, затем другую... И вдруг на одной из станций Женя, утирая слезы, увидела красноармейцев, столпившихся у стола, на котором лежали какие-то вещи, показавшиеся ей знакомыми. Так убитая горем мать обнаружила, что в этих тряпках (одеяло, пелёнки – всё превратилось в тряпки) лежал её сыночек, ее Мишенька,

в окружении солдат, не знавших, что делать с малышом. Ведь они, молодые бойцы, оказались на той же станции, сойдя со встречного поезда, следовавшего на фронт. И назавтра им предстояло идти в бой за эту страну, за ее народ, за отцов и матерей, за жен и детей, за сестер и братьев, за любимых невест.

Дальше путь матери и её детей лежал до самой Волги, где уже начали формировать баржи для переправы на другой берег. А самолёты противника кружили над ними и бомбили эти баржи. Попасть на баржу, да ещё под обстрелом, казалось делом невозможным. Не удалось попасть ни на первую, ни на вторую, ни на третью, но люди просились, рвались туда изо всех сил. Жене и ее старшенькому Павлику посчастливилось оказаться только на четвёртой барже. Женя устала, измучилась, но крепко держала на руках свою драгоценную находку, своего малыша Мишеньку. Именно эта баржа осталась единственной уцелевшей от обстрелов, три остальные были потоплены. После этого они ещё долго ехали через Казахстан, пока не остановились в Акмолинске. Женя не знала, где ей остановиться, на какой станции сойти, где им посчастливится найти хоть какой-то кров и пропитание. Среди попутчиков нашла семью, у которой в Акмолинске жили друзья, и мать троих детей, обнадежив Женю, уговорила её следовать за ними.

Спасибо добрым людям, на первых порах ей помогли как-то обустроиться в углу барака. Но очень важно было не потерять материнское молоко. Где же найти продукты? Цены на всё баснословные, а нужно ещё и отапливать помещение. И Жене удалось устроиться на работу и получать, хоть и скудный, но паек. Прожив с горем пополам некоторое время в холодном и голодном Акмолинске, Женя каким-то образом узнала, что вся её родня успела эвакуироваться из Днепропетровска в Таджикистан, и она решила поехать с детьми к своим родителям, сестре и племянникам. Но вскоре после их переезда и волнующей встречи с родными начались новые испытания. Там, в Янги-Базаре, начала свирепствовать малярия. Все родные, а также и её младшенький, Миша, тяжело заболели. Женю и её сестру постигло безутешное горе – их родители и младший сын её сестры, годовалый Вовочка, скончались от этой тяжелой болезни. Но Мишенька, сын Жени, к счастью, выжил. Правда, он долго, на протяжении многих лет, ощущал последствия той страшной болезни.

В Янги-Базаре каждый день хоронили людей, особенно высокая смертность была среди эвакуированных детей и стариков. Они умирали не только от малярии, но еще и от голода.

Женя устроилась грузчицей на мелькомбинат, и это спасло ее и детей от голодной смерти. Иногда мука просеивалась из надорванных мешков и какие-то её горстки удавалось собрать и донести до дома, пряча ее в потаенных местах. Изредка попадало на стол семьи и так необходимое детям молоко, о мясном можно было только мечтать, спасало еще и то, что в этом южном крае росли фрукты, но и они стоили дорого, но всё же иногда удавалось полакомиться и ими.

Каждый новый день оправдывал надежды тех, кто получал весточку с фронта, долгожданное письмо от любимого мужа, отца, сына, брата, и приносил безутешное горе тем, кто получал похоронки. Все письма, полученные Женей в Харькове от мужа, написанные в самом начале войны, пропали в дороге в той сумочке, что осталась в первом товарняке. Их переписка долго не возобновлялась, никто из них не знал о судьбе, выпавшей на долю каждого. Они искали друг друга и, в конце концов, нашли. Настал праздник и для Жени, начали приходить письма с фронта, но вскоре переписка снова прервалась, и Женю начала одолевать тревога, все ее мысли были о любимом супруге, а он в это время доблестно воевал, как и подавляющее большинство его соотечественников. В Сталинградской битве муж Жени был очень тяжело ранен, и это было уже второе его ранение, и он надолго попал в госпиталь. Но Женя тогда об этом ничего знала.

23 августа 1943 года Харьков был во второй раз освобожден от фашистов. Это радостное известие вызвало среди эвакуированных харьковчан споры. Одни хотели тут же сорваться и любой ценой добраться до родного Харькова, другие были склонны подождать еще. Жене

не терпелось вернуться домой, она только об этом и думала, но с детьми сразу же двинуться в путь не решилась. Надо сказать, что они покинули Янги-Базар раньше многих их соседей из числа эвакуированных. Обратная дорога тоже оказалась нелегкой. Многих не покидало чувство радости, надежды на скорое свидание со своим домом, но оно смешивалось с отягощающим чувством неизвестности. Ведь точно никто не знал, какие последствия нанес ураган фашистского варварства. Никто еще не терял надежды на то, что остались в живых их родные и близкие, их друзья, оставшиеся в родном городе, несмотря на то, что уже было известно об уничтожении еврейского населения Харькова. У людей еще теплились надежды на встречу с родными, оставшимися в оккупированном городе.

В начале 1944 года Женя с сыновьями вернулась в Харьков. Они пришли на свою улицу и увидели руины своего разбомбленного дома. С трудом удалось им на первое время устроиться в бараке. А позже Женя, преодолев всевозможные препоны, получила десятиметровую комнату в двухэтажном деревянном доме, в которой они прожили ещё двадцать лет.

В 1945-м вернулся с фронта Иосиф, муж Жени, отец семейства. Он, награжденный орденами и медалями, дошел до Берлина, был дважды ранен, второй раз очень тяжело, пуля попала в голову, но всего несколько миллиметров оказались спасительными и позволили сохранить ему жизнь. А после пребывания в госпитале он снова вернулся на фронт. Его простреленную пилотку Женя перешила сыну. И Миша с гордостью носил её в годы своего раннего детства. Ни у кого из мальчишек в их дворе не было такой.

В «роковые, сороковые» каждое мгновение могло стать судьбоносным в жизни любого, оказался ли он волей судьбы на фронте либо в оккупации или по дороге в тыл, да и в самом тылу. Все находились между жизнью и смертью. Зачастую всё решали считанные минуты.

Знаете, почему рассказанная мною история завершилась счастливо? Потому что эту семью вела по жизни сама судьба да еще самоотверженность еврейской матери, настоящей «а идише мамэ»...

Из 2-го письма Бориса мне:

«Люба! На одном дыхании прочитал Ваш замечательный рассказ об эвакуации мамы Михаила. Спасибо за полученное волнение. В моих воспоминаниях присутствует лишь одна история, эмоционально сопоставимая с Вашей.

22 июня, ровно в 4 часа...

К этому дню Виктору, родному брату моей покойной матери, уже исполнилось 16 лет, хотя выглядел он старше: высок, широк в плечах. На призывном пункте он сказал, что ему 18 лет. Документов никто не потребовал – никто не стал разбираться в такой момент, когда страна в опасности...

Определили Витю в подразделение диверсантов. Лагерь по подготовке диверсантов находился где-то возле Москвы. В лагере новобранцев учили обращаться с оружием,

свертывать парашюты как будто после прыжка, но самих прыжков не было. Первый тренировочный прыжок, он же боевой, Виктор совершил уже при десантировании в тыл врага. Преодолев страх, юноша благополучно приземлился и свернул парашют...

Отряд состоял всего из нескольких бойцов, одним из которых по фатальному совпадению был Глеб – парень из его же, Виктора, дома, что в Москве на улице Чехова. Начали выполнять боевое задание, но уже через несколько дней немцы обнаружили их, окружили и загнали в неглубокое, большое и холодное болото. Простояв всю ночь по грудь в жиже, у наших диверсантов начались разногласия. Командир отряда приказывал не трогаться с места, а Глеб с другим бойцом решили пробиться через вражеский заслон. Немцы до утра постреливали и светили прожекторами, но в болото не лезли. Утром Глеб с товарищем стали выбираться из болота. Сначала было тихо, но потом раздались выстрелы, после которых снова все смолкло.

Простояв в болоте остаток дня, измученные, голодные, грязные, они под вечер стали осторожно вылезать на твердую землю. Немцев нигде не было. Зато у края болота лежали тела погибших товарищей, их спасителей. Лица их были обезображены жуткими ранами от ударов штыков...

Много повидал Виктор за годы войны, но судьба хранила его, и он вернулся домой даже без единого ранения. А вот дома...

Много лет каждый раз, выходя из подъезда во двор, он внимательно осматривался, чтобы избежать невыносимо тяжелой встречи с матерью Глеба. «Почему Глеб погиб, а ты жив?»

Кем только не был Витя после той страшной войны: и часовых дел мастером, и механиком, и певцом, и завхозом в институте им. Курчатова. Пел в хоре Пятницкого, в Московской Оперетте. Даже ездил на гастроли за рубеж, но это уже в 60-ых...

Продолжение моего ответа на 1-е письмо Бориса

За всё судьбу благодарю (былое и думы)

«Вернемся к событиям шестидесятых. Расскажу и о моем поступлении в ХГУ – в Харьковский университет в 1965 году.

Я увлеклась математикой лет с 13-ти, посещала математический кружок в университете, участвовала в олимпиадах, и неоднократно была призером, были грамоты. Потом, в 1962 году, когда я переходила в 9-й класс, в каждом районе Харькова открылись математические классы, и я перешла в такой класс в другую школу. А с 1-го сентября 1963 г. все 6 математических классов города, класс физиков и класс радиофизиков из разных школ объединили вместе. Так открылась в Харькове по инициативе профессоров ХГУ, члена-корреспондента Академии Наук УССР, Н. И. Ахиезера и академика Академии Наук СССР, В. А. Марченко, физико-математическая школа (теперь это физ-мат лицей) по примеру школы Колмогорова в Москве. Учиться в ней было нелегко, были регулярные отсеивы; на следующий год, из 6-ти математических классов образовалось 5.

Мне было очень интересно там учиться, в результате я получила серебряную медаль (одна четверка по черчению). Учителя советовали поступать на механико-математический факультет университета.

В марте 1965 г. в ХПИ (политехническом институте) проводилась олимпиада по физике среди одиннадцатиклассников, будущих выпускников школ Харькова. Один ученик нашей школы и я разделили 1-ое место на этой олимпиаде. Вскоре пришел в школу представитель ХПИ познакомиться с победителями олимпиады и агитировать нас поступать на инженерно-физический факультет. Одного победителя он нашел, а меня не «нашел». Об этом мне рассказал учитель физики, преподававший физику в соседнем классе, но знавший меня. Я его поняла правильно, было ясно, что этот товарищ пришел в разведку, национальность парня ему подходила, а мой «5-ый пункт» никак нет. Однако я туда и не собиралась поступать, просто пошла на олимпиаду, чтобы проверить свои силы. В городе было хорошо известно об антисемитизме заведующего кафедрой физики ХПИ. На вступительном экзамене по физике почти всем евреям ставили двойки из года в год.

А ведь очень престижный инженерно-физический факультет ХПИ был образован благодаря талантливейшему еврею, профессору Фертику Саулу Марковичу, Лауреату Государственной премии Украины, выдающемуся ученому в области техники и электрофизики высоких напряжений. Там же преподавал математику очень известный профессор Израиль Маркович Глазман. А вот набирать студентов евреев не желали.

Документы я подала в университет на мех-мат, где обычно конкурс был небольшой, бывали даже недоборы и последующие отсеивы после 1-го семестра. Но в 1965г. поступали, в основном, родившиеся в 1947 году – году, в котором рождаемость резко возросла. Вот и обозначился конкурс приблизительно 4 человека на место. А на следующий, 1966 год, в Ваш год

поступления, был конкурс в 2 раза больший из-за двойного выпуска. Тогда и начали проявляться антисемитские тенденции среди некоторых экзаменаторов. Возможно, это исходило сверху, но ведь не все преподаватели проявили себя на этом «поприще», в другой аудитории принимали экзамены объективно. Мне не повезло, я попала к тем, кто старался выполнять соответствующие указания, либо сам проявлял инициативу.

Решила я абсолютно всё на письменном экзамене, но оценки не были вывешены, а только повесили списки получивших «2». На устном я получила 3 задачи повышенной сложности.

Довольно быстро решив и несколько раз их проверив, я стала прислушиваться к вопросам, которые задавали другим абитуриентам. До меня опрашивали человек 5—6. Мы, медалисты нашей школы, пошли в первых рядах. Мой одноклассник, тоже, как и я медалист с «5-м пунктом», отвечал до меня. Я слышу, у него спрашивают о признаке делимости на 11. В программе средней школы именно этот признак не изучают. В нашей физ-мат школе были занятия по дисциплинам 1-го курса университета и много дополнительных усложненных тем по элементарной математике. Но те, кто спланировали этих «умненьких еврейчиков» посадить в лужу, хорошо к этому подготовились; по всей видимости, узнали, какие темы всё же мы не изучали. Мой друг был озадачен и сказал, что в программе школы этого нет. Тогда ему предложили выбор: если он не отвечает на этот дополнительный вопрос, то ему ставят «4», а если сам догадается, то получит «5», но если же берется ответить и не ответит, то получит «2». Он согласился не отвечать и получил «4». А ведь медалистам (и мы на это очень надеялись) нужно было получить две пятерки, и тогда зачисляли уже без прохождения экзамена по физике и сочинения. Я подумала, что сейчас этот вопрос предложат и мне. Соответственно, начала записывать на черновике несколько трехзначных чисел, делящихся на 11. И ко мне пришла идея. Другой экзаменатор увидел, что я что-то пишу и оставив очередного абитуриента подошел ко мне. Казалось, что он доброжелателен ко мне. Увидев, что я на правильном пути, он спросил меня о моем предположении и подтвердил, что мыслю верно, но при этом сказал: «А вы докажете необходимое и достаточное условие Вашего утверждения». Я снова начала думать, вскоре подошла моя очередь, он мельком просмотрел мои решения 3-х задач из билета, после чего заявил – «Ну, где же Ваше доказательство признака делимости на 11?». Я попросила дать мне время, он согласился, я вернулась на место, и – о эврика! Я записала формулу десятичного разложения целого числа. Благодаря этому разложению легко показала, что суммы цифр через один равны. Доказала верность этого утверждения в обе стороны, т.е. доказала как необходимое, так и достаточное условие.

Все это было выслушано им в доверительной манере. Он долго думал, какой бы мне еще вопросик подбросить. И вдруг о доказательстве необходимого условия спрашивает: «Так это необходимое условие?», говорю – «Да». Еще раз спрашивает – «Необходимое?».

Я растерялась, ведь мне казалось, что он расположен ко мне и хочет просто меня подправить, а оказалось, он хотел меня просто сбить. И в результате я сказала – «Достаточное», а он мне в ответ: «Нет. Это необходимое». Я ответила: «Так я же Вам два раза так и сказала». Его слова были: «Да, но Вы ведь не уверены»

После этого, не дав мне его оспорить, моментально вписывает мне «4», хватая мою письменную работу с другого угла стола, не глядя вписывает и туда «4». Всё же я осмелилась спросить: «А за что там 4?». Не отвечая на мой вопрос, он тут же вызывает следующего абитуриента. Я вылетаю из аудитории в ужасном состоянии. Помню всё, как будто это было только что. Я ведь сама в СССР 20 лет преподавала математику в ВУЗах и каждый год принимала вступительные, но в моей практике ни разу не было, чтобы я сразу не выставила оценку при проверке письменного экзамена.

Что можно тут еще сказать? Но всё же добавлю. Пока я сидела и готовилась, видела как мой экзаменатор показал коллеге 5 пальцев, когда тому лепетал некто с желательной

национальностью. Этот парень получил пятерку, но его отчислили после 1-го семестра, так как он не смог сдать ни одного экзамена.

Вообще, тема вступительных очень болезненна для многих наших соплеменников. Среди моих друзей и знакомых немало пострадавших. Мне приходилось сталкиваться и читать неоднократно о гораздо более тяжелых ситуациях, чем моя...

Дальше пришлось сдавать физику и сочинение, и снова – две четверки. В результате мой балл оказался полупроходным. Лишний балл за медаль ввели только в 1966 г. Правда, в правилах для поступающих было оговорено: «при прочих равных условиях преимущество отдается:

- 1) имеющим 2 года рабочего стажа,
- 2) медалистам,
- 3) победителям олимпиад»

Два из трех этих условий были у меня выполнены, но, увы, на дневное отделение я не поступила, мне предложили – вечернее. Что делать, когда делать было нечего.

Я посещала в те периоды, когда оставалась без работы, на 1-м и 2-м курсе и дневное, и вечернее отделения, получала пятерки, но меня не переводили на дневное. А работы были у меня такие – лаборант, ученица слесаря, слесарь-сборщик и т.п., потом закрыли цех, где я трудилась, и я снова осталась без работы.

Долго пришлось искать новую подходящую работу. Мы, все ученики математических классов нашей школы, обучались и проходили практику по программированию.

Нам выдали свидетельства о присвоении квалификации программистов-вычислителей, а эта специальность тогда была очень востребована. Но меня нигде не хотели принимать на работу. Везде, куда бы я не пришла, мне отказывали, причем зачастую начальники-евреи говорили, что взяли бы меня, но я всё равно не пройду через отдел кадров. Я настолько не верила в удачу, что никак не могла заставить себя продолжать оббивать пороги в поисках работы. Но моя мама, мой самый лучший друг, мне настоятельно говорила: «Иди, ищи работу, под лежащий камень вода не течет». И я всё же нашла в себе силы и снова начала искать, хотя была уверена, что всё равно это обречено на провал, полагала благодаря своему опыту, что без «блата» никакую дверь не прошибёшь.

Но вдруг неожиданно мне подфартило, меня приняли на работу в отдел АСУП научно-исследовательского института. А произошло это так: пришла я в один институт, где требовались программисты, объявление висело на центральной улице очень долго.

В коридоре института уже сидела девушка, тоже студентка вечернего мех-мата, но на пару курсов выше. Мы разговорились, я рассказала ей о своей проблеме. Она зашла в кабинет первой и вышла радостная, ее взяли, ведь она не была еврейкой. Потом зашла я, начальник оказался еврей, и он мне «любезно» отказал. Выхожу из его кабинета, смотрю – эта девушка сидит в коридоре. Оказывается, она ждала меня. Мы вышли на улицу, она мне и говорит: «Знаешь, мне обещали еще в одном месте, и я должна сейчас туда пойти и сказать, что уже устроилась на работу. Хочешь, пойдём со мной, может быть тебя возьмут на это место»

Я была крайне удивлена, и в тоже время обрадована, хотя особых иллюзий не испытывала. Что меня поразило и обрадовало: есть еще на свете такие добропорядочные люди, готовые подействовать малознакомой еврейке. На этот раз наконец-то мне повезло. Начальник, решавший вопрос принятия на работу в отдел, не был евреем, и меня приняли на должность техника.

Вскоре, по окончании 3-го курса, мне предложили перевод на дневное отделение. Но я отказалась, так как с самого начала моей работы в НИИ, пообещавшись с сотрудниками, прекрасно поняла, что должна очень ценить свою удачу, что после окончания дневного отделения устроиться на такую работу мне будет также сложно. Вот я и решила доучиваться на вечернем отделении.

Однако одно предназначенное судьбой событие предопределяет другое и так продолжается эта цепочка. С годами начинаешь понимать: не стоит сетовать на судьбу, надо её благодарить.

Всё что произошло ранее повлияло на мою дальнейшую судьбу. Однажды вечером после занятий в университете я познакомилась с человеком, ставшим моим избранником. Учась на дневном отделении, очень вероятно я могла бы его не встретить. И я счастлива, что судьба подарила мне эту встречу. Она послужила началом нашей дружбы, любви и определила все последующие вехи нашей жизни: брак, рождение наших детей, наша жизнь в СССР и новая, совсем иная жизнь в Израиле, где мы продолжили преподавательскую и научную деятельность.

Невольно вспоминаются слова Евгения Долматовского из песни:

*«Представить страшно мне теперь,
что я не ту открыл бы дверь,
другой бы улицей прошел,
тебя не встретил, не нашел»*

Глава XII (VI)

Абрамские

Ветви моей родословной – Абрамским посвящена глава VI части 2, [2]. Эта новая глава продолжает историю моих родных Абрамских и породнившихся с ними семей.

Григорий Наумович Абрамский

Я много раз слышала о том, что мой прадед, Григорий Наумович (Гершон-Аншель Нухимович) Абрамский, прожил долгую жизнь и скончался в возрасте 87 лет. А вот когда и где это произошло, не знаю. Ранее я считала, опираясь на традиции, что мой дядя Григорий, 1909 г.р. (брат моего отца) получил свое имя от его деда Гершона (отца матери), так как мой отец старше Григория и получил имя от его деда по мужской линии.

Но теперь, когда найдены архивные документы о прадеде, родившемся в 1838 г. никак не получается, что он мог умереть до 1909 г. В 1909 г. ему был 71 год, 87 лет ему могло исполниться только в 1925—1926 г.

Значит, дядя получил имя не в честь своего деда Гершона-Аншеля Абрамского, а от его прадеда Абрама-Герша Шмульевича Зайцева. Подробнее о недавно обнаруженной ветви моей родословной – Зайцевых – написано в следующей, XIII главе.

Несколько лет назад я получила фотографии предков и родных моего отца, Шаргородских и Абрамских, от моей племянницы Ларисы Кройтор. На оборотной стороне фотографии дедушки Ф. Л. Шаргородского был написан адрес: «Щепкина (бывшая Елисаветинская) 13, квартира 8, Абрамский». Фамилия без инициалов и без названия города. Но такая улица находится в Одессе. В [17] – («Прогулки по Одессе...») я нашла, что в Одессе улицу Елисаветинскую переименовали в улицу Щепкина в 1921г. Кстати, сейчас она снова Елисаветинская. Раз так написано, то адрес был записан, по-видимому, кем-то из Шаргородских – дедушкой, бабушкой или их дочерью Белой вскоре после переименования улицы. В Одессе действительно жили наши родственники Абрамские, я обратилась к моему троюродному брату Леониду Абрамскому. Он рассказал, что он и его родители начали жить в Одессе только в 1946г., но у его бабушки, Любови Марковны Либерман-Абрамской, в Одессе жили два брата. Возможно, у них временно находились дедушка и бабушка Леонида, Яков Григорьевич, брат моей бабушки, и его жена Любовь Марковна Абрамские. Нельзя исключать, что всё же сам прадед с женой (или без нее) мог в те годы, пребывая временно в Одессе, вести переписку со своей любимой дочерью, моей бабушкой; а значит, он тогда еще был жив. К великому сожалению, не сохранились архивные записи по Каховке и теперь уже не у кого спрашивать, вот и приходится пользоваться не документальными, а косвенными сведениями.

Юлий Наумович Абрамский

Ранее я писала в части 2, главе VI [2] о родном брате моего прадеда Юлие Наумовиче (Юделе Нухимовиче) Абрамском. Найденный новый материал о нем проясняет некоторые события его жизни.

1) Из книги В. Н. Кумока «Вспомнить поименно» [18]:

«...полиция 24.11.1884 случайно обнаружила на квартире политического поднадзорного Степана Романенко „сходку“, в которой (при отсутствии самого Романенко) участвовали Абрам Бердичевский, а также Юдель Наумович Абрамский (), Либа Ицковна Гириш, студент Исаак Абрамович Хмельницкий, дочь и сын домохозяина Розалия и Израиль Рамм. Ничего предосудительного не обнаружили, но почему-то сильно возбудились и начали дознание, причём Абрама 28 декабря посадили в тюрьму. Начальство из губернии одёрнуло чересчур ретивых, и его 5 января освободили.»*

(*) «В некрологе, опубликованном мелитопольской газетой (ЮР №152 24.07.1913), значится: „Умер учитель Юлий Наумович Абрамский. Просветитель и благотворитель, старожил“. Он числился в мелитопольских списках подозрительных лиц, начиная с доноса К. Милашевича (1883) и до дела „Искорки“ (1903). Отец репрессированного при советской власти А. Ю. Абрамского»

2) Из [19] – «Обзор полицейских дознаний»

«Херсонское губернское жандармское управление, 1895 г.

1.Произведено дознание по поводу распространения в с. Татаровке Елизаветградского уезда ложных слухов.

Виновные не обнаружены.

2.В виду полученных сведений о том, что у проживающего в Херсоне санитарного врача Петра Филиппова Кудрявцева и учительницы Хавы Израилевы Вайнер постоянно собираются сомнительные в политическом отношении личности и устроена конспиративная квартира, у названных лиц произведены обыски, по которым обнаружена переписка, давшая повод предполагать существование в Херсоне тайного противоправительственного кружка, к которому кроме Кудрявцева и Вайнер, БУДТО БЫ (выделено мной – Л.Г.) принадлежали:

Саратовская мещанка, акушерка-фельдшерица Юлия Васильева Анисимова, 27 лет, мещанин Гродненской губернии, частный учитель Юдель Нухимович Абрамский, 37 лет, и личный почетный гражданин Александр Дмитриев Цюрупа. Дознанием, однако не добыто по сему достаточных данных. Независимо сего, произведено сорок семь дознаний по делам о преступлениях, предусмотренных ст.246—248 Улож. о нак.»

О некоторых потомках Якова Григорьевича Абрамского

Завершаю очерк о ветви моей родословной – Абрамских с благодарностью моему троюродному брату Леониду Израилевичу Абрамскому – хранителю семейного архива Абрамских, Либерман, Сорокиных и породнившихся с ними семей. Леонид Израилевич Абрамский – внук Якова Григорьевича Абрамского, родного брата моей бабушки, Надежды Григорьевны Абрамской. У Якова Григорьевича (Эли-Гешеля Гершоновича-Аншелевича) Абрамского и его жены Любоми Марковны (Мордехаевны) Либерман-Абрамской было четверо детей: сын – Израиль, дочери – Сарра (Сарра-Бася), Бэлла и Эсфирь.

Леонид Абрамский

Леонид Израилевич Абрамский родился 21 августа 1935 года в Херсоне в семье Израиля Яковлевича (Эли-Гешелевича) Абрамского и Софьи (Спринцы) Исааковны Сорокиной-Абрамской. Недавно я услышала от общих родственников воспоминания об их семье. Семья Изи и Сони была очень гостеприимной, готовой в любой момент помочь родным и друзьям, в их доме царила атмосфера любви и уважения друг к другу. Мама Лёни была очень преданной женой и матерью, идеальной хозяйкой, в доме у них всё сияло, всегда был накрыт стол для

любимых мужа и сына, для гостей, нередко появлявшихся в доме Абрамских. Вот в такой семье посчастливилось родиться и расти мальчику Лёне.

Семья Абрамских. Софья Исааковна Сорокина-Абрамская, сын Леонид, Израиль Яковлевич Абрамский, 1940 г., Херсон

Но счастливое довоенное детство Лёни прервалось 22 июня 1941 года. Он с мамой, бабушкой Любой, матерью его отца, тетей и двоюродным братом эвакуировались в Астрахань. Память Леонида всю жизнь хранит незабываемые события эвакуации в Астрахань зимой 1941г., ему тогда было 6 лет.

Поезда стояли по несколько суток, пропуская эшелоны с солдатами, идущими на фронт. На станции Баскунчак семье пришлось ждать пересадки на другой товарняк двое суток. Были очень сильные морозы, он замерз до основания. И больше всего ему запомнилось, как мама всё время согревала его.

Все тяготы войны их семья ощутила в полной мере, холод, голод, переселения – всё это выпало и на их долю. Когда гитлеровская армия начала приближаться к Сталинграду, снова началась эвакуация семей из Астрахани, для семьи Абрамских – уже вторая – в Северный Казахстан, в город Гурьев, а затем в Новобогатинск.

Леонид Израилевич
Абрамский — Одесса,
1956г.

Семья Абрамских переселялась и после войны, так как деятельность главы семьи, добрейшего человека, Израиля Яковлевича Абрамского, была направлена на строительство зданий железнодорожных станций и прокладку новых железных дорог.

В 1946-м году семья Абрамских поселилась в Одессе. Отрочество, юность и значительная часть жизни Леонида прошли в городе Одессе – как поется в песне – жемчужине у моря.

Там он успешно окончил школу, затем в 1958 году Одесский политехнический институт, получил диплом инженера. В Одессе повстречал свою любовь, в 1958 году женился, создал крепкую семью с любимой девушкой Алисой Дороженко.

По окончании института получил направление в Батуми, где работал инженером по монтажу теплоэнергетического оборудования. В 1960-м году семья вернулась в Одессу, там в том же году родился их сын Саша.

В Одессе его трудовая деятельность в сфере создания металлоконструкций и оборудования на промышленных предприятиях проходила в организации «Промтехмонтаж». Затем он продолжал работать в другой организации «Стальконструкция», там его деятельность продолжалась в области монтажа каркасов промышленных зданий из металлоконструкций и железобетона.

Леонид Абрамский с женой Алисой Дороженко, Одесса, 1958г.

Последние 17 лет перед эмиграцией Леонид Израилевич Абрамский работал на заводе Радиально-сверлильных станков, где был очень востребованным сотрудником. Он руководил и непосредственно участвовал в работах по изготовлению нестандартного оборудования и монтажа промышленного оборудования цехов.

Александр Леонидович
Абрамский,
Сан-Франциско, 1998г.

Жена Леонида – Алиса Дороженко (1938—2014), выпускница Одесского института морского флота, работала в НИИ «Черноморпроект» старшим инженером все годы до эмиграции в США.

Сын Александр (1960—2009) тоже был инженером, он, как и его отец окончил Одесский политехнический институт и по окончании института работал на том же заводе.

В Сан-Франциско Александр Абрамский занимался финансовой деятельностью.

Да будет память об Израиле Абрамском, Софии Абрамской, Алисе Дороженко и Александре Абрамском благословенна.

В 1989г. семья Абрамских эмигрировала в США и поселилась в Сан-Франциско, Леонид живет там и сейчас. В Сан-Франциско он продолжил свою трудовую деятельность. Но он не только американец, он еще и настоящий одессит. У Леонида Израилевича не исчезают любовь к музыке, путешествиям, и, конечно же, чувство юмора.

О семье и потомках Бэллы Абрамской – Трахтенберг

Слева направо: Леонид Абрамский, Бэлла Абрамская-Трахтенберг, сын Бэллы, Олег Наумович Трахтенберг, жена Олега – Валентина Григорьевна Цветнова, Одесса, 1981г.

Благодаря публикации [2] (глава VI – Абрамские) меня нашел живущий в Одессе, Александр Александрович Цветнов, внук моего троюродного брата Олега Наумовича Трахтенберга – сына Бэллы Яковлевны Абрамской. Олег Наумович Трахтенберг (1937—2004) был на ответственной работе в колхозе Посмитного, его супруга Валентина Григорьевна Цветнова заведовала сетью санаториев на Большом Фонтане. У них было 3 сына: Александр, Виталий и Николай. К сожалению, Александр и Николай уже ушли из жизни. Виталий живет в Одессе, имеет дочь.

О себе Александр Александрович Цветнов тоже немного рассказал. У него есть сестра Анастасия, сам он морской офицер, ходит в заграничные плавания, закончил высшую мореходку (ОНМА), работает электромехаником, женат, имеет сына.

Двоюродная сестра моего отца Бэлла Яковлевна (Эли-Гешелевна) Абрамская-Трахтенберг и ее муж Наум Ильич Трахтенберг похоронены на Таировском кладбище в Одессе.

Олег Наумович Трахтенберг и Валентина Григорьевна Цветнова ушли из жизни в Ашдоде в 2004 г.

Да будет благословенна память о них.

Родственники или однофамильцы

В части 2, главе VIII [2] несколько строк посвящено роду Абрамских, представителем которого был известный историк Шимон Абрамский, живший в Лондоне. Его прапрадедом был Шимон-Шмарьягу Абрамский. Я писала: «В посемейные списки г. Мосты 1858 г.

внесены несколько семей Абрамских, связанных между собой родством. Главой одной из этих семей был Шимель (Шимон) Зелманович Абрамский, 1805—06 г.р., у которого был сын Мовша-Гирш, 1831—32 г.р.

Сопоставим имена по соответствующим поколениям этих двух родов Абрамских:

1) Абрамские из Белостока: Залман, его сын – Шимон-Шмарьягу, 1790 г.р., сыновья Шимона-Шмарьягу – Цви (Гирш), Моше-Аарон, Мордехай-Залман

2) Абрамские из г. Мосты Гродненской губ.: Зелман, его сын – Шимель (Шимон), около 1805г.р., сын Шимеля – Мовша-Гирш, около 1831 г.р.

Из этого сравнения имен можно предположить, что Залман – родоначальник ветви Абрамских из Белостока и Зелман – родоначальник ветви Абрамских из Мостов – могли быть достаточно близкими родственниками, в частности – двоюродными братьями. Если еще учесть, что родоначальником нашего рода был Мордехай Абрамский из Мостов, который был в родстве с Зелманом, отцом Шимеля, то такое поразительное сходство имен из поколения в поколение и один и тот же регион проживания усиливают гипотезу о родстве этих двух семейств Абрамских».

Сара Абрамская, XIX век,
(фотография из книги Йогева Бат-
Ами «Они были простыми
людьми»)

В книге Йогева Бат-Ами «Они были простыми людьми» [20] дополнительно к мужской части семейства Абрамских указаны и женщины из родословной Шимона-Шмарьягу Залмановича. Жenu Шимона-Шмарьягу звали Сара, были у него еще две дочери, Лея и Шифра. Лея была замужем за Иегудой Рубинштейном, а мужем Шифры был Арье-Лейб Дамовский. В книге представлены все потомки Леи и Шифры, построено генеалогическое древо, книга изобилует рассказами о жизни родственных семей в диаспоре и в Эрец-Исраэль, фотографиями многих

представителей указанных семейств. Первой включена в книгу фотография XIX века жены Шимона-Шмарьягу, Сары Абрамской, дошедшая до потомков.

Автор посвятил несколько строк Шимону-Шмарьягу Залмановичу, лесопромышленнику. В те времена евреи, занимающиеся этим видом деятельности, жили в местах, где росли густые леса на берегах больших рек, по которым шел сплав леса. Семья Абрамских обитала в деревне Дашковцы Гродненской губернии, расположенной на берегу Немана. Более подробную родословную Абрамских по линии Шимона-Шмарьягу можно также найти на сайте «GENI»

О переписке Павла и Шимона Абрамских написано в главе VIII, части 2, [2]. А вот о чем писал в своем письме Павлу Абрамскому историк Шимон Абрамский:

«В действительности часть семьи Абрамских жила в Белостоке, а часть в Гродно, у нас было много родственников в городах Гродненской губернии, таких как Мосты, Скидель, Желудок, Волпа. Мой отец родился в деревне Дашковцы возле Мостов. Мы жили в Слуцке, а затем в Москве, а оттуда мы переехали в Лондон ранее 1932 г. В Москве у нас были родственники, Дора Абрамская, семья Цемах. В Израиле мы имеем родственников Рубинштейн, Цемах, Ротбартс, Маршак, Тувияху».

Теперь еще более достоверно можно считать, что мои предки состояли в родстве с семейством Шимона-Шмарьягу. На сайте JewishGen, в Ревизских сказках (списках семей) 1858 г. я обнаружила родословную моих предков Абрамских из г. Мосты. Об этом уже написано в главе VI [2]. В этих же списках указаны члены семей Абрамских, живших в Волпе. Судя по имени и отчеству главы семьи, они, по всей видимости, тоже наши родственники:

Глава семьи – Юдель Мордкелевич Абрамский (1786—87 – 1855), купец 3-й гильдии, жена его не указана,

сын – Арон, 1812—13 г.р.

жена Арона – Голда, 1813—14 г.р.,

сыновья Арона:

1-й, Бенцион, 1830—31 г.р., его жена Рашка, 1839—40 г.р., их сын Меер, 1847—48 г.р.

2-й, Файвел, 1833—34 г.р., его жена Сирка, 1833—34 г.р.

3-й, Гирш, 1834—35 г.р.

4-й, Абрам, 1840—41 г.р.

5-й, Лейзер, 1843—44 г.р.

дочери Арона:

1-я, Цырка, 1840—41 г.р. (Абрам и Цырка – близнецы)

2-я, Сирка, 1846—47 г.р.

3-я, Златка, 1848—49 г.р.

Потомки всех Абрамских, о которых я писала в [2] с потомками Шимона-Шмарьягу и Юделя из Волпы, конечно же, довольно дальние родственники, но было бы очень интересно найти общих предков и узнать их пути в Гродненскую губернию.

Либерман и Сорокины – предки Леонида Абрамского

Предками Леонида Абрамского являются также представители семейств Либерман и Сорокиных.

Либерман

В главе VI части 2 [2] я писала о брате моей бабушки Эли-Гешеле Гершоновиче-Аншелевиче (потомки его называют Яков Григорьевич) Абрамском. Были найдены записи о рождении у него и у его жены Любы детей, дочери Сарры-Баси и сына Израиля в Большой Лепетихе. В недавнем телефонном разговоре с их внуком – моим троюродным братом Леонидом Израилевичем Абрамским выяснилось, что Ф.И.О его бабушки Любы – Любовь Марковна Либерман.

Семья Абрамских, деда и бабушки Леонида, жила в Большой Лепетихе рядом с родными жены – семьей Либерман, а потом переселилась в Каховку к родным мужа – Абрамским. И уже в Каховке родились еще две их дочери Бэлла и Эсфирь.

Немного о евреях Большой (Великой) Лепетихи.

В Википедии кратко указано:

«ВЕЛИКАЯ ЛЕПЕТИХА, поселок городского типа (с 1956), районный центр в Херсонской области (Украина). Основан в 1792 г.

В XIX – начале XX века – деревня Большая Лепетиха Мелитопольского уезда Таврической губернии.

В 1910 в Великой Лепетихе проживал 191 еврей (1,6%), в 1939 – 43 еврея. В 1910 в Великой Лепетихе имелись 2 синагоги, еврейское кладбище»

После разговора с Леонидом Абрамским я вспомнила, что читала в книге «Евреи Мелитополя» [4], [5] о семействе Либерман из Большой Лепетихи и Мелитополя. В этой замечательной книге – настоящей энциклопедии еврейской жизни юга Российской империи описана история и генеалогия большого разветвленного семейства Либерман. Естественно, вернувшись ко 2-му тому [5], обнаружила семейное дерево от пары Лейбы Гершевича Либермана и его жены Цывьи. Указаны их дети, некоторые их внуки и правнуки.

И вот в [5] нашла среди них одного из детей этих супругов, их сына Мордехая. Мордехай/Мордух Лейбович Либерман (прадед Л.И.Абрамского – отец его бабушки Любы) жил в Большой Лепетихе. Жена его там не записана, поэтому имя прабабушки Леонида пока не установлено, но записаны трое его детей:

1. Израиль Мордухович (позже могло звучать как Израиль Маркович), его жена и потомки не указаны. Нам пока неизвестны Ф. И. О. жены Мордехая Либермана, она могла иметь отчество Израилевна. В таком случае Израиль Мордухович/Маркович мог быть назван этим именем в честь своего деда, а Израиль Эли-Гешелевич (Яковлевич) в честь – прадеда. Не исключено, имя новорожденным могло быть получено и в честь дяди, самого Израиля Мордуховича, в случае если он на момент рождения племянника уже ушел в мир иной.

2. Бениамин Мордхаевич, его жена Двейра Бороховна, урожденная Беренштам, Семён Бениаминович/Вениаминович (1908—?) Валентина Бениаминовна/Вениаминовна (1917—?).

3. Блюма Мордуховна, по мужу Фриштер, ее муж Давид Захарьевич Фриштер, их дети не указаны. Несомненно, бабушка Леонида Абрамского – Любовь Марковна (Мордехаевна) Либерман – Абрамская из этой семьи, она еще одна дочь Мордехая Лейбовича. Ее потомки как раз и описаны мной в главе VI (Абрамские) части 2 [2]. И это сможет послужить добавлением в фамильное древо Либерманов.

Вот Фотографии Любви Марковны Либерман-Абрамской и некоторых её потомков из семейного архива Леонида Абрамского:

Любовь Марковна Либерман-Абрамская
с правнучкой Инной Вилк, Одесса, 1965—66г.

Израиль Яковлевич Абрамский, сын Любви Марковны Либерман-Абрамской, отец Леонида Абрамского, 1941г.

Сарра-Бася Яковлевна Абрамская-Айзман, дочь Любви Марковны Либерман-Абрамской, Леонид Абрамский, внук Любви Марковны, Софья Исааковна Сорокина-Абрамская, её невестка, Херсон, 1938г.

Со слов Леонида Израилевича два брата холостяка его бабушки, Любви Марковны Либерман-Абрамской, жили в Одессе. Одного из них в семье называли Лёля.

Думаю, что вторым был брат Израиль, о котором написано несколько слов в [5], потомки его не найдены, так как их и не было: «Для Израйля Мордуховича Либермана, который упомянут в списке избирателей 1906 г., привязки к Б. Лепетихе мы не имеем».

Его тогда, вероятно, не было в Б. Лепетихе, он жил в Одессе, либо его уже не было в живых.

Лейб Мордухаевич (Маркович) и Любовь Марковна Либерман не перечислены в списке детей Мордехая/Мордуха Лейбовича Либермана из Большой Лепетихи в [5]. Сейчас же их можно включить в фамильное древо рода Либерман.

Из семейных преданий Леонида Абрамского: «Бабушка Люба жила с родителями в Большой Лепетихе и вышла там замуж, после замужества тоже какое-то время там жила с мужем и детьми, а потом их семья переехала в Каховку, туда, где жили родные мужа. И мама Любы (прабабушка Леонида – Л.Г.) каждую зиму передавала гусей для семьи ее дочери Любы из Большой Лепетихи в Каховку с людьми, добирающимися на лошадях в Каховку по замерзшему Днепру. При этом, она вкладывала во внутрь каждого гуся монеты достоинством в 5 золотых рублей, чтоб никто их себе не присвоил» в Каховке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.